

Городские исследования и практики

ТОМ 10, № 4, 2025

Чикагская школа и полевые эксперименты

Urban Studies and Practices

Volume 10, issue 4, 2025

The Chicago School and Field Experiments

ISSN 2500-1604 (Print)
ISSN 2542-0003 (Online)

**ФАКУЛЬТЕТ
ГОРОДСКОГО И
РЕГИОНАЛЬНОГО
РАЗВИТИЯ**

Учредитель: **НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»**

Позиция редакции может не совпадать
с мнением авторов.
Перепечатка материалов возможна
только по согласованию с редакцией.

Журнал зарегистрирован
21 июля 2016 г. Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информаци-
онных технологий и массовых комму-
никаций. Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС 77-66568

Адрес редакции
фактический: 101000, Москва,
ул. Мясницкая, 13, стр. 4, оф. 416
для переписки: 101000, Москва,
ул. Мясницкая, 20
тел.: +7 495 772-95-90 * 12173
e-mail: usp_editorial@hse.ru

Адрес издателя
и распространителя
фактический: 117418, Москва,
ул. Профсоюзная, д. 33, корп. 4,
Издательский дом ВШЭ
для переписки: 101000, Москва,
ул. Мясницкая, 20, НИУ ВШЭ
тел.: +7 495 772-95-90 * 15298,
e-mail: id@hse.ru

РИНЦ
EBSCO
КиберЛенинка
Google Scholar
ЕГПНИ (Q2)

Формат 60×90/8. 10,5 уч.-изд. л.
Тираж 300 экз. Заказ №
Отпечатано в филиале «Чеховский
печатный Двор» ОАО «Первая образцовая
типография», 142300, Московская обл.,
г. Чехов, ул. Полиграфистов, 1

Городские исследования и практики

ТОМ 10, №4, 2025

Чикагская школа и полевые эксперименты

Редакторы-составители

Н. А. Волкова (Университет Нархоз, Казахстан)
М. Р. Невлютов (МАРШ, Российская Федерация)

Главный редактор

В. В. Анашвили (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Заместитель главного редактора

Д. Р. Кодзокова (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Научные редакторы

В. Н. Данилов (МГУ им. М. В. Ломоносова, Российская Федерация)
А. А. Смирнов (Издательство Института Гайдара, Российская Федерация)
Р. А. Дохов (МГУ им. М. В. Ломоносова, Российская Федерация)

Ответственный секретарь

А. А. Лаврик (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Редакционный совет

К. Э. Аксенов (СПбГУ, Институт наук о Земле, Российская Федерация)
Р. Альтерман (Технион – Израильский технологический институт, Израиль)
Е. В. Асс (МАРШ, Российская Федерация)
Е. А. Ахмедова (СамГТУ, Российская Федерация)
А. А. Белых (РАНХиГС, Российская Федерация)
П. Бишоп (Университетский колледж Лондона, Великобритания))
М. Я. Блинкин (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
Я. Брюкнер (Калифорнийский университет в Ирвайне, США)
А. Г. Вайтенс (СПбГАСУ, Российская Федерация)
О. И. Вендина (ИГ РАН, Российская Федерация)
К. В. Григоричев (ИГУ, Российская Федерация)
Д. Н. Замятин (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
О. Н. Запорожец (Институт региональной географии имени Лейбница, Германия)
Н. В. Зубаревич (НИУ ВШЭ; МГУ им. М. В. Ломоносова Российская Федерация)
И. Н. Ильина (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
М. И. Левин (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
И. Лонг (Университет Цинхуа, Китай)
С. Лоу (Городской университет Нью-Йорка, США)
С. Д. Митягин (НИИПГ, Российская Федерация)
Е. К. Михайленко (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
Ю. М. Моисеев (МАРХИ, Российская Федерация)
Т. Г. Нефедова (Институт географии РАН, Российская Федерация)
А. Н. Пилясов (НИУ ВШЭ; МГУ им. М. В. Ломоносова, Российская Федерация)
А. С. Пузанов (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
М. С. Савоскул (МГУ им. М. В. Ломоносова, Российская Федерация)
Б. А. Ревич (ИНП РАН, Российская Федерация)
С. Б. Сиваев (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
П. Тиммс (Университет Лидса, Великобритания)

Корректор Т. В. Редькина

Дизайн С. Д. Зиновьев

Обложка, верстка А. В. Меерсон

Фотография на обложке © Ernest Watson Burgess Papers, University of Chicago Library

© Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», 2025

Содержание

ИНТЕРВЬЮ

- 6 «Чикагцам была важна сцепка абстракции с реальностью»: интервью с **Владимиром Николаевым**
- 18 «Метод описания и опыт свободы»: интервью с **Дмитрием Рогозиным**

ПРОДОЛЖАЯ ЧИКАГСКУЮ ТРАДИЦИЮ

- 30 **Ирина Стародубровская**
Чикагская школа и современные исследования: что можно использовать из исторического наследия
- 43 **Александр Ушаков**
Оставление надписей на мавзолее Эрлангеров и мавзолее М.И. Волконской сквозь призму символического интеракционизма

ЧИТАЯ ЗОРБО

- 54 **Екатерина Колпинец**
Прекарная Россия будущего, или «Мир мебелированных комнат» сто лет спустя
- 63 **Иван Печковский, Камалия Зинурова, Дарья Котельникова, Александр Ушаков**
Локальные сообщества в условиях городской экспансии: кейсы Курьяново и Северного в оптике Чикагской школы

ГОРОДСКИЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ

- 74 **Кира Коломина, Андрей Старовойтенко**
Нескладное пространство: феномен города-склада на границе крупного города
- 92 **Кирилл Афанасьев, Екатерина Степанова**
Giving economy как пространство социальных экспериментов в современном городе

ПЕРЕВОДЫ

- 113 **Эдвин Сатерленд.**
Преступность белых воротничков
- 121 **Грешем Сайкс, Дэвид Маца**
Приемы нейтрализации: теория делинквентности

ISSN 2500-1604 (Print)
ISSN 2542-0003 (Online)

**FACULTY OF
URBAN AND
REGIONAL
DEVELOPMENT**

Publisher: HSE University

The editorial position does not necessarily reflect the authors views. The reproduction of materials without permission of the editorial office is prohibited.

The journal is registered July 21, 2016 in the Federal Service for Supervision in the Area of Telecom, Information Technologies and Mass Communications. Certificate of registration of mass media PI No. FS 77-66568

**Address: National Research University
Higher School of Economics
20 Myasnitskaya Ulitsa, Moscow,
101000, Russian Federation
tel: +7 495 772-95-90*12173
e-mail: usp_editorial@hse.ru**

EBSCO
CyberLeninka
Google Scholar
White List (Unified State List
of Scientific Journals) (Q2)

Urban Studies and Practices

VOLUME 10, ISSUE 4, 2025

The Chicago School and Field Experiments

Guest Issue Editors

N. A. Volkova (Narxoz University, Kazakhstan)
M. R. Nevlutov (MARCH Architecture School, Russian Federation)

Editor-in-Chief

Valery Anashvili (HSE University, Russian Federation)

Deputy editor-in-chief

Diana Kodzokova (HSE University, Russian Federation)

Science Editors

Vyacheslav Danilov (MSU, Russian Federation)
Ruslan Dokhov (MSU, Russian Federation)
Artem Smirnov (Gaidar Institute Press, Russian Federation)

Executive Secretary

Anna Lavrik (HSE University, Russian Federation)

Editorial Council

Elena Akhmedova (Samara Polytech, Russian Federation)
Konstantin Aksenov (Institute of Earth Sciences, St.-Petersburg State University, Russian Federation)
Rachelle Alterman (Technion – Israel Institute of Technology, Israel)
Eugene Asse (March, Russian Federation)
Andrei Belykh (RANEPA, Russian Federation)
Peter Bishop (UCL, UK)
Michail Blinkin (HSE University, Russian Federation)
Jan Brueckner (UC Irvine, USA)
Konstantin Grigorichev (ISU, Russian Federation)
Irina Ilina (HSE University, Russian Federation)
Dmitry Zamyatin (HSE University, Russian Federation)
Oksana Zaporozhets (IfL, Germany)
Natalya Zubarevich (HSE University; MSU, Russian Federation)
Mark Levin (HSE University, Russian Federation)
Setha Low (CUNY, USA)
Evgeny Mikhaylenko (HSE University, Russian Federation)
Sergey Mityagin (NIIPG, Russian Federation)
Yuriy Moiseev (MARKHI, Russian Federation)
Tatyana Nefedova (IGRAS, Russian Federation)
Alexandr Pilyasov (HSE University; MSU, Russian Federation)
Alexander Puzanov (HSE University, Russian Federation)
Maria Savoskul (MSU, Russian Federation)
Boris Revich (IEF RAS, Russian Federation)
Sergey Sivaev (HSE University, Russian Federation)
Paul Timms (University of Leeds, UK)
Andrey Vaitens (SPbGASU, Russian Federation)
Olga Vendina (IGRAS, Russian Federation)

Proofreader Tatyana Red'kina

Design Sergey Zinoviev

Cover, Layout Anastasia Meyerson

Cover photo © Ernest Watson Burgess Papers, University of Chicago Library

© HSE University, 2025

Table of Contents

INTERVIEW

- 6 “The Link Between Abstraction and Reality Was Important to the Chicago School of Sociology”: An Interview with **Vladimir Nikolaev**
- 18 “The Method of Description and the Experience of Freedom”: An Interview with **Dmitry Rogozin**

IN KEEPING WITH THE CHICAGO TRADITION

- 30 **Irina Starodubrovskaya**
The Chicago School: What Can Contemporary Research Use From Its Historical Legacy
- 43 **Aleksandr Ushakov**
The Practice of Leaving Inscriptions on the Erlanger and Volkonskaya Mausoleums: A Symbolic Interactionist Perspective

READING ZORBAUGH

- 54 **Ekaterina Kolpinets**
The Precarious Russia of the Future, or “The World of Furnished Rooms” a Hundred Years Later
- 63 **Ivan Pechkovskiy, Kamaliya Zinurova, Daria Kotelnikova, Aleksandr Ushakov**
Local Communities Under Urban Expansion: The Cases of Kuryanovo and Severny Through the Lens of the Chicago School

URBAN EXPERIMENTATION

- 74 **Kira Kolomina, Andrey Starovoytenko**
Between “The Fringe” and “The Garden”: Conceptualizing “The Warehouse City” on the City Edge
- 92 **Kirill Afanasiev, Ekaterina Stepanova**
The Giving Economy as a Space for Social Experimentation in a Contemporary City

TRANSLATIONS

- 113 **Edwin Sutherland**
White-Collar Criminality
- 121 **Gresham Sykes, David Matza**
Techniques of Neutralization: A Theory of Delinquency

«Чикагцам была важна сцепка абстракции с реальностью»: интервью с Владимиром Николаевым

Владимир Николаев
Наталья Волкова

Наталья Волкова: Расскажите, пожалуйста, как чикагцы вошли в вашу интеллектуальную биографию, с чего это началось?

Владимир Николаев: Мое знакомство с чикагцами произошло просто и неожиданно. Когда я был аспирантом, в 1994 году я начал вести семинарские занятия с Никитой Евгеньевичем Покровским, который читал лекционный курс по истории социологии в МГУ. Я ходил на его лекции, и впервые в его лекционном курсе в МГУ появилась Чикагская школа. До этого я никогда о ней не слышал и ничего о ней не знал. И меня услышанное сразу впечатлило. Во-первых, отличием от всего остального. Во-вторых, темой пространственности: территории, территориальной заземленности социальных групп, социальных процессов, институтов. Уже после лекций я подошел к Покровскому и спросил: «Где и что можно почитать?» Он сказал: «Посмотрите книгу Светланы Петровны Баньковской». Я пошел сразу в библиотеку искать книгу «Инвайронментальная социология» [Баньковская, 1991]. Но и там о Чикагской школе социологии тоже было не очень много.

Тогда я начал самостоятельный поиск литературы (я достаточно интенсивно в это время работал в библиотеке ИНИОНа), искал по каталогам, проверял по имеющимся библиографиям. Довольно много чего нашлось. Я начал читать Роберта Парка, чьи тексты меня еще больше захватили. Дальше, когда я работал в МГУ, на кафедре было принято решение сделать учебник по истории социологии, и мне поручили

Николаев Владимир Геннадьевич, кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); старший научный сотрудник, отдел социологии и социальной психологии, Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН).
E-mail: vnik1968@yandex.ru

Волкова Наталья Алексеевна, приглашенный исследователь, Университет Нархоз; Алматы, Казахстан.
E-mail: chestrek@gmail.com

Беседа с социологом и переводчиком текстов Чикагской школы социологии В.Г. Николаевым посвящена рецепции этой традиции в постсоветском дискурсе 1990-х годов и основным этапам ее развития. В центре внимания – методология школы, укорененная в полевой работе и непосредственном взаимодействии с социальной реальностью. Николаев демонстрирует прагматистские истоки традиции, где теоретические конструкты требуют обязательной эмпирической верификации.

Сквозь призму прагматизма раскрывается специфика исследовательского подхода «чикагцев»: статистика и количественные метрики здесь носят инструментальный характер и не являются самоцелью. Методы служат выявлению и оперативной – «стенографической» – фиксации наблюдений для последующего анализа. Прагматическая установка определяет и стратегии перевода: поскольку язык задает исследовательскую оптику, перевод должен быть конгруэнтен не только оригиналу, но и той реальности, в которой он разворачивается.

Обсуждение подводит к вопросу о применимости «чикагского подхода» в иных контекстах, в частности российском. Чикагская школа предстает инструментом реформ, основанных на изучении конкретных кейсов: от танцевальных залов и молодежных банд до миграции и суицидов. Вход в такие сложные поля требует вовлечения личного опыта. В этой парадигме неизбежна субъективность взгляда не снижает качество данных, а создает пространство для эксперимента, превращая биографический ресурс социолога в инструмент познания.

Ключевые слова: Чикагская школа социологии; прагматизм; Герберт Блумер; Роберт Парк; человеческая экология

подготовить главу по Чикагской школе. Я вернулся в библиотеку ИНИОНа и стал читать все, что там было из текстов чикагцев. И чем больше читал, тем больше приходил в восхищение, в изумление: почему об этой школе, об этих исследованиях не слышно на каждом углу?

По контрасту с той социологией, которая была тогда стандартной, мне казалось, что тексты чикагцев более живые, более интересные, захватывающие и лучше цепляющие социальную жизнь, как она есть. Я увидел в них колоссальное разнообразие: очень разные темы, исследования, огромное множество идей, и каждая сама по себе имеет большой потенциал и может зажечь.

С этого началось. Возникла необходимость на русском языке опубликовать часть текстов. Не было переведено ничего, кроме небольшой книжечки, которую подготовил Никита Евгеньевич Покровский со студентами, – «Рабочие тетради по истории социологии» [Рабочие тетради по истории и теории социологии, 1992]. Она была очень маленькая, с двумя разделами: один был посвящен Джорджу Герберту Миду, другой – Роберту Парку. В ней были две переведенные студентами статьи Роберта Парка – «Человеческая экология» и «Город как социальная лаборатория». Больше ничего не было. Этого было, конечно, крайне мало. В 1996–1997 годах в ИНИОНе, с которым я всегда тесно сотрудничал все эти годы, я предложил свои первые переводы нескольких работ Джорджа Герберта Мида и Роберта Парка в реферативный журнал «Социология» [Парк, 1997; Николаев, 1998]. И дальше стал переводить чикагцев уже регулярно.

НВ: Я помню вашу книжку рубежа 1990–2000-х годов, про очереди [Николаев, 2000]. Насколько этот сюжет и методология были навеяны чикагцами?

ВН: Книжка про очередь отчасти была пропитана интересом к чикагской социологии. В ней я уже видел образец того, как делать живую социологию, которая ухватывает реальность за жабры. Чикагцы были важным ориентиром, но не единственным. Другой мотив был подсказан не только чикагцами, но и переводом «Воображаемых сообществ» Бенедикта Андерсона [Андерсон, 2001], где вскользь была затронута тема из ранних марксистов, с которой я тоже до этого не сталкивался. Это идея Отто Бауэра о значимости не только производства, но и распределения. И я увидел очередь как одно из ключевых звеньев в системе распределения, которое нуждалось в описании с точки зрения его места в советском обществе. В книге была живая этнография с включенным наблюдением, отчасти в духе Чикагской школы, – собственный опыт пребывания в очередях был чрезвычайно важен. Так как все забывается довольно быстро, я попытался законсервировать живой опыт жизни в очередях, который на тот момент был, используя разные средства, в том числе чикагскую оптику, чикагский подход к социологическому исследованию.

НВ: Вы сказали «чикагскую оптику». Насколько можно говорить, что у чикагцев была именно своя «оптика» и свой метод? Как их лучше описать?

ВН: Если ты работаешь с разными традициями и имеешь возможность их сопоставить, то чикагские тексты абсолютно узнаваемы. Можно не знать, что это за текст перед тобой, но по определенным признакам считывается либо его принадлежность к этой традиции, либо близость к этой традиции.

Например, «Польский крестьянин в Европе и Америке» (1918–1920) Уильяма Томаса и Флориана Знанецкого [Томас и Знанецкий, 1998; Thomas & Znaniecki, 1927] – это чередование высокоабстрактных теоретических кусков с очень конкретными эмпирическими материалами: многочисленными вставками из жизненных историй, из интервью. Особенно это визуально заметно в англосаксонской традиции полиграфии, где цитаты и вставки с эмпирическими материалами выделяются отдельными блоками, набраны более мелким шрифтом и чередуются

Цитирование: Николаев, В., & Волкова, Н. (2025). «“Чикагцам” была важна сцепка абстракции с реальностью»: интервью с Владимиром Николаевым. *Городские исследования и практики*, 10(4), 6–17. <https://doi.org/10.17323/usp10420256-17>

с основным текстом общего характера. Конечно, все тексты в этой полиграфической традиции так и печатаются, но и с содержательной точки зрения такая организация материала дает довольно убедительную, объемную, глубокую картину. И это специфично для текстов качественной, прагматистской чикагской традиции.

Чикагская школа завязана на прагматизме.

А в прагматизме важно сцепление абстракции с эмпирической реальностью. Это сцепление осуществляется не индуктивно, не дедуктивно, а посредством абдукции, когда теоретические интерпретации и эмпирические примеры постоянно друг к другу подгоняются для того, чтобы образовать связную и в то же время плотно эмпирически фундированную картину. Подобное челночное хождение «туда-сюда» между абстрактными обобщениями и очень конкретными описаниями лежит в сердцевине чикагской социологической работы.

НВ: Я познакомилась с Чикагской школой через вас — как вы в свое время узнали о них через лекции Покровского. И для меня чикагцы — это в первую очередь исследование города. Как вам кажется, можно ли сказать, что их фокус на городской жизни в какой-то степени определил и их стилистику, и их подход к исследованиям?

ВН: Да, это характерная особенность Чикагской школы социологии — фокусировка на городе как площадке для исследований. Роберт Парк, который об этом постоянно думал, время от времени в тех или иных текстах многие вещи достаточно ясно проговаривал. В частности, «Город как социальная лаборатория». За этой простой формулировкой стоит объемный смысл. Он заключается в следующем: в каждой эмпирической науке, науке о реальности, о действительности должна быть своя лаборатория. Нужно идти от реальности, ее познавать, ее обобщать, делать ее более ясной, не навязывая ей никакие теоретические конструкции, созданные заранее в кабинете. Навязывание, в терминах Роберта Парка, — это «схластика», «диалектика». Эмпирические исследования должны проводиться с четкой целью, с ясным пониманием того, что надо узнать и зачем. Коль скоро речь идет об исследовании жизни в особом ее аспекте — это должно быть натуралистическое исследование, с погруженностью в поле.

В этом смысле город как социологическая лаборатория — это место, в котором социолог контактирует с той реальностью, которая подлежит познанию. Можно сказать: а почему не сельская местность, не туземные деревни? Например, зять Роберта Парка — Роберт Редфилд — был антропологом, который в чикагской традиции проводил исследования не только в городах Мексики, Гватемалы, но и в индейских деревнях [Redfield, 1930; 1941]. Более того, сам Парк был заядлым путешественником, который буквально собирал разные социальные опыты в разных районах Соединенных Штатов — и в городах, и в сельских местностях.

Оказываясь за рубежом, он всегда с интересом вни-

кал в окружающую реальность: смотрел на города не просто как турист, а пытался прочувствовать суть их жизни, вглядывался в их своеобразие. Некоторое время он даже преподавал в Пекине — и там гулял по Пекину [Ren, 2019].

Но для чикагских социологов подлежащей изучению реальностью был мир, который в большей или меньшей степени неизбежно вовлекался в орбиту урбанизации, города и тех форм жизни, которые складываются в городе и через город.

Город, который интересовал Парка, — это стратегическая площадка. Это желательное авангардное город, находящийся на фронтире, на переднем рубеже, протаптывающий дорогу в эмерджентное ближайшее будущее. И таков Чикаго — типичный передовой американский город, находящийся на самых передовых рубежах развития. Предполагалось, что в эволюционистском ключе формы, выплавляющиеся буквально на глазах и складывающиеся здесь и сейчас в крупном городе, формы, которые выживают и становятся доминирующими, — это те формы, в которые неизбежно будет облечена социальная жизнь везде. Есть, конечно, критики концепции модернизации, но у чикагцев такая оптика была вмонтирована в природу того, что они исследуют. Поэтому Чикаго и был подходящей площадкой для проведения исследований. Кажется, Эверетт Хьюз вспоминал высказывание Парка: «Зачем нам идти на Северный полюс или забираться на Эверест в поисках приключений, если у нас есть Чикаго?».

Город, в котором располагался университет, был как раз максимально подходящим местом, площадкой, лабораторией, где осуществляются натурные исследования социального процесса. В этом смысле любые социологические исследования становятся для чикагцев прежде всего городскими исследованиями, но не в узком, а в более широком смысле. Современный мир становится во все большей и большей степени городским: исследуя город, мы исследуем социальность в наиболее актуальных, текущих, складывающихся, эмерджентных ее формах. Прагматистская социология исследует социальный мир как он есть «сейчас» и как он нащупывает свои пути в ближайшее будущее, в котором людям предстоит жить и решать проблемы.

НВ: Получается, для чикагцев Чикаго — это такой модернизационный современный центр, но при этом в Чикаго они часто идут в самые маргинальные места и самые маргинальные районы. Как это сочетается в их оптике?

ВН: Это было вписано в реформистскую эпоху. Был интерес к тем сторонам социальной жизни, которые вызывают максимальное беспокойство у людей, которые мешают вести нормальную, хорошую, благополучную социальную жизнь. Такова была идеология Чикагского университета как исследовательского университета, который исследует «здесь и сейчас» для решения текущих проблем. Поэтому сосредоточились, конечно, на наиболее проблемных сторонах социальной жизни и районах. Конеч-

но, трущобы интересовали больше, потому что они были гнездами социальных проблем и конфликтов. Это бедные районы, этнические, расовые районы. Или так называемые *interstitial* (промежуточные) ареалы вдоль железных дорог и складов, пустыри. Был интерес к рабочим движениям, рабочим районам, забастовкам. Фокусированно изучались организованная преступность, шайки (в том числе криминальные), проституция, публичные дома.

Реклесс в исследовании «Порок в Чикаго» [Reckless, 1933] выявляет, что публичные дома – не единственный тип проституции, но наиболее массовый. Публичные дома «прятались» в трущобных районах, потому что там были защищены от надзора и контроля.

Проблема мигрантов также волновала чикагцев. Чикаго очень быстро наполнялся все новыми и новыми волнами миграции еще с XIX века. Значительная часть населения Чикаго – это были «пришлые люди» из разных районов земного шара, очень разные, часто неустроенные, которые сами испытывали проблемы и создавали проблемы для других, мигранты первого, второго, третьего поколений. Интерес к ним возник в Чикаго в конце XIX века, еще до Чикагской школы, например, у исследовательниц из Халл-Хауса [Hull-House maps and papers, 1885]. Чикагская школа отчасти заимствует уже сложившиеся в социальных исследованиях конца XIX – начала XX века типичные и наиболее значимые исследовательские интересы.

НВ: Если мы возвращаемся к метафоре Парка про город как лабораторию, можно ли считать, что вот эти проблемные районы являются в какой-то степени экспериментальной площадкой с точки зрения городской жизни, где современная городская жизнь ставится под вопрос – насколько там возможен порядок?

ВН: В 1910-х годах Парк был вовлечен в большую программу исследований американизации вместе с Уильямом Томасом, его ближайшим другом и соратником, и другими исследователями [Wald, 2002]. И в ранних документах, касающихся этих исследований, Парк проговаривает свою позицию: социальная жизнь сама по себе экспериментальна. Люди невольно, хотя и того или нет, вызывают изменения в тех условиях, в которых развертывается их деятельность. И город – это, конечно, доведенная до максимума экспериментальная площадка, где люди в максимально интенсивной степени постоянно меняют условия своего бытия – эмерджентно, непредсказуемым для них образом – и постоянно вынуждены приспособливаться и переприспособливаться.

И конечно, если брать мигрантов, меньшинства, которые присутствовали тогда в Чикаго, то люди, приехавшие в среду, в которой они никогда не жили и в которой они должны найти себе место, постоянно искали новые решения. Эти группы специфически экспериментально встраивались в нормальную, добропорядочную американскую жизнь. Но это ка-

салось не только мигрантов. В текущую реальность входят не только мигранты. Извне, из прошлого туда входят и те люди, которые изначально там были. Люди постоянно оказываются в мире, в большей или меньшей степени таком, в каком они до этого еще не жили. Так, например, Харви Зорбо описывает «Золотой берег» [Зорбо, 2015]. Это верхние слои, но они тоже живут в реальности, которая для них новая, которая постоянно подвергается эрозии, которая ничем не гарантирована. Это очень тревожная реальность, создающая постоянное беспокойство для тех, кто в нее вовлечен.

НВ: Да, и мне кажется, что именно в Чикаго у криминологов возникла концепция беловоротничковой преступности.

ВН: Концепция беловоротничковой преступности возникла, конечно, из чикагской традиции исследований преступности. Чикагский университет 1920-х годов – это междисциплинарная площадка. Политологи очень тесно были связаны с Чикагской школой социологии и личными связями, и вовлеченностью в общие темы, общие проекты. Чарльз Мерриам, например, относился к американской политической науке, но при этом играл важную роль в планировании городских исследований [Мерриам, 2023]. Политолог Гарольд Лассуэлл тоже учился у Роберта Парка. С последним Парк был в дружеских отношениях. И у криминолога Эдвина Сатерленда также были свои связи с Чикагским университетом и Чикагской школой социологии.

Если брать Чикагскую школу социологии, вначале интерес был прежде всего к тяжелым видам преступности. Исследования были сосредоточены на нижних слоях общества, где применялась грубая физическая сила, бытовали насильственные преступления: убийства, грабежи, изнасилования. Поэтому шайки, организованная преступность, преступность прежде всего в силовом ее варианте привлекали больше интереса. Интерес к более утонченной, так сказать, беловоротничковой преступности возник позже, в 1940-е он постепенно сформировался [Sutherland, 1983]. Появилось осознание того, что нельзя просто взять и приписать преступность нижним социальным слоям. Хотя статистически это легко было подтвердить, когда речь шла о насильственных преступлениях. Как Мертон хорошо говорил, в верхних социальных слоях вообще теряется определенность в ответе на вопрос, где кончается смелость или дерзость и начинается преступление [Мертон, 2006]. Этот интерес возник позже, чем чикагские социологические исследования 1920-х годов. В строгом смысле Чикагская школа в начале 1930-х годов прекратила свое существование.

НВ: То есть вы считаете, что Чикагскую школу можно связывать только с исследованиями до 1930-х годов? Все, что там дальше говорится про вторую Чикагскую школу, третью Чикагскую школу, нерелевантно?

ВН: Тут важно не запутаться в словах. Поколение чикагцев, выросшее под крылом лидеров классиче-

ской Чикагской школы – Роберта Парка, Эрнеста Берджесса, Элсуорта Фэриса, которого не всегда помнят, – было такое же яркое, это такая же чикагская социология, она прямо наследовала той социологии, которую мы связываем с Чикагской школой, выстроенной вокруг Парка [Ефременко и Николаев, 2024].

Но там уже другая социология, там уже нет единства. Там пошли вариации и внутренние дифференциации. И как жизнь, она приспосабливается к меняющимся социальным условиям, то есть к новым проблемам, новым исследовательским интересам, новым условиям существования социологии как познавательного предприятия, экспериментально принимает разные формы, опираясь на те или иные сильные стороны исходной чикагской социологии. Есть смысл отграничить Чикагскую школу социологии, которая была напрямую выстроена вокруг Парка и привязана к работе Парка в Чикагском университете, от последующих чикагских социологий и чикагской социологической традиции в целом. Если мы просто оставим имя Чикагской школы социологии за всей этой традицией, рано или поздно мы ее просто размоем и слов не подберем для ее идентичности.

НВ: Жизнь развивается, люди меняются, школы тоже меняются, но что, с вашей точки зрения, сохранилось или сохраняется в этой длинной чикагской традиции, которая идет дальше за 1930-е годы?

ВН: Есть большая река, которая распадается на разные рукава, и каждый из них на каких-то основаниях существует. Много было последствий внутри социологии, прямо восходящих к Чикагской школе этого периода, к Роберту Парку. Одна сильная вещь – это качественные исследования, которые выросли и выкристаллизовались из прагматической традиции в социологии. Мы не должны исключать и другие центры, где аналогичные начинания были, но Чикагский университет все-таки был исторически наиболее значимым, наиболее резонансным, наиболее масштабным.

Но не только качественные. Были еще и количественные исследования, в том числе не связанные с понимающей традицией в социологии. Это экологическая проблематика, *human ecology* (человеческая экология) как особая перспектива, вмонтированная в структуру социологии. Но и там было множество разных «экологий», они тоже вариативны. Как у Дарвина виды в разных местах к разным условиям приспосабливаются, обретают новые формы, борются за выживание, какие-то продолжают существование, какие-то прекращают, какие-то могут меняться, мутировать, таковы и многочисленные мутации человеческой экологии. Они имели достаточно длительные и серьезные последствия в некоторых областях исследования, которые без этих последствий представить уже нельзя. Например, в социологии организаций. Экологический подход в иссле-

дованиях организации, организационная экология – это работающая оптика.

Социальная экология очень своеобразна в поздних своих изводах. Наиболее поздняя успешная версия – это человеческая экология Эмоса Хоули [Hawley, 1950; 1986]. Это одна из парадигм исследования социальной реальности, которая лишена тех специфических черт, которые связаны с качественными исследованиями, с их интересом к субъективности, ментальности людей, представлениям. Здесь, наоборот, конкретные люди с их биографиями не важны, потому что не они подлинны участники социального процесса. Участники процесса – социальные организации. Но социальные организации не в каком-то субстанциальном смысле, а именно как формы, которые борются за выживание.

Мне легче пример привести из организационной экологии. К примеру, исследования московских стоматологических клиник на предмет того, каковы условия их выживания. Какие-то формы организации стоматологических клиник борются с другими формами за количество зубов, которые подлежат лечению. Количество зубов, подлежащих лечению, не беспредельно. Какие-то наиболее успешны, они преуспевают, сохраняются, выживают, иногда расширяются, вытесняют других, тяготея всегда к монополии и к полному захвату рынка; другие, менее успешные, движутся по пути увядания и банкротства¹.

Это экологическая оптика, которая впервые была в социологию вмонтирована именно чикагцами. *Human ecology* существует в очень разных формах, не только как экология, привязанная просто к проблемам территории, популяции, размещения на территории, пространственным аспектам социальных процессов, зонированию города. Это экология любых единиц в тех средах, с которыми они соприкасаются напрямую, которые влияют на их выживаемость и к которым они должны каким-то образом приспособиться, из которых они должны черпать ресурсы, но не природные, а другие: сотрудников, клиентов, желательную публику, лояльность окружающего сообщества, согласие, приемлемость, одобрение, ценность, деньги, интерес, внимание человеческое, человеческое время. Это тоже форма экологического взгляда на вещи.

Любые феномены можно так исследовать, можно и науку так рассматривать. Наука существует в среде: разные научные коллективы, формы научного знания конкурируют за выживание, борются за клиентов, за студентов, за приверженцев, за деньги, за широкий резонанс. Поиск сторонников происходит так, что их отнимают у других. Причем не со злонамеренностью; это конкуренция, борьба за существование, борьба за выживание, перераспределение ресурсов в свою пользу. Есть еще дру-

1. Пример взят из кандидатской диссертации В. Н. Ермолаева [Ермолаев, 2004].

гие области, которые я меньше знаю, где это могло каким-то образом также укорениться.

НВ: Вы сказали, что есть характерная черта прагматизма – экспериментальность. С другой стороны, характерной чертой прагматизма является качественный подход. Можно ли сказать, что с этой точки зрения именно в прагматистской логике качественные методы являются экспериментальными?

ВН: И качественные методы экспериментальные, и количественные. У социологов 1920-х годов, принадлежащих к Чикагской школе, использовались и те и другие методы. Просто там, где мы, например, связываем чикагскую традицию с качественными исследованиями, с символическим интеракционизмом, у нас может возникнуть ложное впечатление, что это такая понимающая социология. Она понимающая только в одном из своих чрезвычайно важных, но не единственных аспектов.

Человеческая экология – это такой натуралистический, объективистский, сциентистский взгляд на вещи. В ней вообще не важно, что люди думают по поводу того, что с ними происходит. С ними происходит то, что должно происходить, в соответствии с определенными закономерностями. Люди могут как угодно это переживать, чувствовать, могут как угодно к этому относиться. Они даже могут пытаться с этим бороться, и у них ничего не получится. То, что они по этому поводу думают и чувствуют, абсолютно неинтересно. Это поле исследования человеческой экологии.

Прелесть чикагской социологической традиции не в том, что она качественная; прагматисты в такой же степени могут быть и количественниками. Известно, что Роберт Парк пришел в социологию из расследовательской журналистики и популяризовал образ социолога как суперрепортера [Парк, 2011а]. Тем не менее Парк считал количественные данные тоже очень важными и требовал от студентов, чтобы они находили подтверждающую статистику. Он в этом плане оказал очень большое стимулирующее воздействие. Так, например, появилась шкала Богардуса – шкала для исследования установок, чисто количественная. Именно Роберт Парк его вдохновил; в рамках проекта исследования расовых отношений на Тихоокеанском побережье он попросил Богардуса разработать этот инструмент [Bogardus, 1933].

У чикагцев широко практиковалась работа со статистикой. Берджесс был ее энтузиастом. Уильям Огборн работал на факультете, это такой агрессивный застрельщик количественных методов в социологическом познании и в социологическом объяснении. У Парка тоже был интерес к статистике, иногда был даже излишне представлен этот количественный статистический энтузиазм, и порой это вводит читателей в заблуждение. Прочитают статью «Социология, сообщество и общество» [Парк, 2011б], проигнорируют последние параграфы, не дочитают до конца и думают: «Он же чистый количественник на самом деле». Там пространствен-

ность, геометрия, территория, статистика, цены на землю. Некоторые так и прочитывают Парка, очень выборочно.

Прагматизм не завязан слишком жестко на качественные исследования и только смысловую проблематику. Для прагматизма вообще не важно, какие методы. Для прагматизма важно ухватить реальность, а инструменты становятся значимыми в зависимости от того, позволят ли они найти те данные, которые необходимо найти, для того чтобы ответить на вопросы, на которые необходимо ответить. Количественные методы тоже развивались. Они были все экспериментальны, потому что никаких готовых форм, канонов не было. Эти каноны находились в состоянии выработки и постоянной переплавки. Методы подбирались вручную, каждый раз исходя из исследовательских задач и реальных возможностей исследователей в конкретных обстоятельствах.

В этом отношении в чикагской традиции развивались разные виды количественных исследований. Экспериментировали в области человеческой экологии, где пытались просто находить количественные связи между разными элементами городской реальности. Например, связь цен на недвижимость с пространственным местоположением относительно транспортной сети. Или количественные исследования коммуникаций у Берджесса. В его классической работе «Рост города. Введение в исследовательский проект» [Берджесс, 2015] приводятся яркие варианты использования статистических данных: статистика роста количества телефонных разговоров в Чикаго во времени, статистика, касающаяся пользования автомобилями. Если упомянуть поздние исследования по социологии семьи, по социологии преступности, то они были пропитаны экспериментальными инструментами для проверки тех или иных значимых связей. Например, факторы успешности условно-досрочного освобождения и факторы, которые приводят к его неудаче.

Если говорить о Филипе Хаузере, также в значительной степени американская демография выросла из Чикагской школы социологии [Hauer, 1969]. Популяционные исследования выделились из человеческой экологии, которая концентрировалась на связи популяций с территориями. Это направление исследований в Чикаго не у всех на виду, его меньше знают. Огборн с его знаменитой теорией культурного отставания, или лага [Ogburn, 1957], – такой же полноценный сотрудник факультета социологии Чикагского университета, как и Парк или Вирт. Огборн вообще недолюбливал качественные исследования.

НВ: Чикагцы славились картографией города. Можно ли считать их замечательные карты тоже частью их прагматической традиции? Или это была такая техническая вещь для фиксации опыта? Потому что, в принципе, в социологии использование карт не так часто встречается. По-моему, только

Хальвбакс после них использовал карты и больше никто [Halbwachs, 1932].

ВН: Да, конечно. Но, по сути, это визуализация статистики. Это наиболее видимая, зримая сторона использования количественных методов. Там такие легенды ходили, что нельзя было докторскую диссертацию без карт защитить. Была ведь еще такая достаточно общая стратегия: если что-то исследовать, то сначала этот феномен нужно найти и локализовать. Поэтому сначала стратегически выгодно в каждом случае, когда это возможно, собрать значимую статистику и найти те места, где интересующий нас феномен представлен наиболее зримо, интенсивно и масштабно.

Например, самоубийство. Прежде чем исследовать самоубийство социологически, нужно найти районы, где эти самоубийства совершаются чаще всего, как в исследованиях Рут Кэван [Cavan, 1928]. Сначала берется статистика самоубийств за последнее время. Далее она накладывается на карту, находятся районы, где этот феномен в продвинутой форме представлен. И исследователь уже отправляется туда и начинает исследовать на месте, искать своеобразие этого района, те факторы, которые там специфически присутствуют, в отличие от других.

Или, например, когда Трэшер исследовал подростковые и молодежные шайки, то в некоторых районах Чикаго это было бесполезно — их там просто не было. Нужно было искать эти шайки там, где этот феномен есть; это скорее неблагоприятные районы, трущобы, смыкающиеся с разными пустырями. У Трэшера как документальный материал, как данные были использованы, помимо прочего, фотографии банд в их естественных условиях обитания. Несколько фотографий в его книжке есть, которые он сам сделал [Thrasher, 1926; Трэшер, 2015].

НВ: Получается, что чикагцы экспериментируют не только с социологическими методами, но и с разными способами фиксации этой реальности: визуализация статистики, фотографии.

ВН: Да, потому что для них вся область методов, процедур, техник в современном смысле и вся область теории, если мы говорим в таком узком смысле, как теоретические схемы, модели, понятийный аппарат, никакой самостоятельной ценности не имели. Эти инструменты оцениваются на предмет того, помогают они решить задачу, достичь поставленной цели или нет. Если они плохо помогают, их можно модернизировать, подточить, подогнать под текущие обстоятельства и потом применять на практике.

Применялись методы по-разному, но это все плохо задокументировано. Хотя даже по исследовательским монографиям можно понять, что материалы собирались по-разному, с разными модификациями. Понятно было, что Пол Кресси, изучая таксидэнс-холл [Cressey, 1932], не мог прямо в танцевальном зале делать записи. Но у него память была хорошая, и у него были стенографистки, которым он, покинув танцевальный зал, быстро дикто-

вал по памяти то, что ему там люди наговорили, пока он в танцевальном зале был и беседовал.

То, что мы называем интервью, часто не стенографировалось и никак не записывалось, не было способов дословной записи — скорее, делались записи по памяти. Многие материалы, в которых личные рассказы присутствуют, были написаны информантами специально, по просьбе исследователя. Например, у Харви Зорбо личные истории людей, которые о себе рассказывают, часто такие. Может быть, людей за определенную плату просили написать рассказ о себе. Или взять те же истории приютской девушки или молодого человека из описания мира меблированных комнат. Видно, что эти «интервью» были художественно обработаны. Это, конечно, качественные документы, но как записи велись? Как фиксация велась? Скорее всего, по памяти. Может быть, где-то и стенографию применяли. Чикагцы никогда не фиксировали эти детали, добывали материалы теми методами, которыми удавалось добыть.

Некоторые материалы добывались специфически. Например, Джон Ландеско получал то, что мы бы назвали интервью, от участников организованного преступного мира. Скорее всего, в этом ему помогли связи из трущобного детства. Но также ему были доступны и полицейские архивы; у него был доступ к полицейским архивам, для того чтобы написать фамилии, имена для справочника «Who's who...» [Landesko, 1929]. То есть все использовалось в контексте текущих наличных возможностей и постоянно подстраивалось под них.

Поэтому специальную методологию чикагцы долгое время вообще никак не фиксировали. Но они были чувствительны к вопросам методологического характера, к разработке процедур и способов получения необходимых данных. При всем при том они никогда не превращали это в единый свод скрывающих правил, готовых уже до исследования, до поля и задающих рамки. Это противоречило бы самому духу прагматизма: исследователь должен подходить к полю как чистый лист, своего рода *tabula rasa*. Это преувеличение, но оно фиксирует необходимую составляющую прагматистского взгляда на исследовательский процесс.

Мы не вправе привносить в изучаемую эмпирическую реальность никакие предубеждения, заранее составленные схемы, заблаговременно составленные картины реальности. Эмпирическая реальность — это то, что должно нами руководить. Она хозяйин. Ученый, так сказать, раб у той реальности, которую он пытается исследовать, он должен идти у нее на поводу. Поэтому методология и теория в жестких мертвых формах не фиксировалась, это, скорее, может отвлечь внимание от того, что нужно исследовать. У Герберта Блумера этот принцип уважения к природе эмпирической реальности присутствует как организующий принцип социологии. Блумер прямо его проговаривает и в отношении теории, и в отношении методов — мы должны

выстраивать свою теорию, исходя из уважения к природе изучаемой нами реальности [Блумер, 2010].

НВ: Можно ли сказать, что для чикагцев и для прагматистов в широком смысле важнее не то, как мы добыли материал, а то, как мы его организовали и как мы его представляем. То есть, условно говоря, организация репрезентации этого материала важнее, чем способы его добычи.

ВН: Конечно, нужно презентовать ясную картину. Все, что добывается, — добывается для ответа на познавательные вопросы, которые были поставлены вначале. Социологи Чикагской школы — это зрелые люди, знающие, зачем им это нужно.

Им всегда нужно было узнать то, что было недостаточно известно. Предполагаемым результатом была более ясная картина некоторой стороны реальности, попавшей в фокус внимания. И этой ясности нужно было достичь. Конечно, текстуальные формы организации результатов исследований были чрезвычайно важны. Они пытались строить тексты так, чтобы они давали достаточно ясную и убедительную картину. Чикагские социологические тексты отличаются от многих других, сделанных в других традициях, их драматизм. Кули, как прагматист, говорил, что в социологии обязательно должно присутствовать драматическое измерение, потому что в человеческой жизни присутствуют эмоции. Просто потому, что это измерение — неотъемлемая часть того, что социологи изучают в человеческой жизни как таковой.

До драматургической социологии Эрвинга Гоффмана другие социологи не столь ясно это проговаривали. Но исследования чикагцев — это социологические произведения, которые очень часто можно читать как художественные, почти как драмы: «Золотой берег и трущобы» Зорбо, или «Хобо» Андерсона [Anderson, 1923], или «Таксидэкс-холл» Кресси. Или из поздних работ Уильяма Айзека Томаса «Неприспособленная девушка» — очень драматичная местами книга [Thomas, 1923].

НВ: Можно еще такой вопрос. Я помню вашу критику в адрес современной социологии и особенно акторно-сетевой теории, что она забывает все, что сделал прагматизм. Но, к примеру, Джон Урри опирается на концепцию роли, которую он берет у чикагцев [Urry, 1970], Джон Ло говорит про интерпретативную социологию, и он тоже опирается на чикагцев [Law, 1974]. Слушая сейчас вас, я подумала, что, может быть, их методы — это тоже разговор про способ организации, но уже не социальных отношений, как повседневных, как рутинных, а организация знания. Можно ли говорить о таких связках?

ВН: Если социологии фундированы в прагматизме и всерьез принимают те исходные посылки, которые из прагматизма вытекают, конечно, в таких социологиях будут родовые сходства при всех их возможных различиях: при разнице содержательных интересов и используемых методов. Эти семей-

ные сходства не описываются просто в теоретических категориях, понятиями, специфическим языком. Дело вообще не в понятиях, а в манере использования тех же понятий или методов. То есть социологии с семейными сходствами совпадают друг с другом не словами или терминами, они находятся в одном поле и схожим образом пытаются делать то, что делают, каждая в своих обстоятельствах.

У чикагцев была пестрота, которая некоторых обескураживала. Ставился даже вопрос: «А была ли вообще Чикагская школа?» Можно ли сказать, что ее не было? Они же все разные? Но для прагматистов характерно определенное разнообразие. И, задавая себе вопрос: «Если мы хотим в этой традиции что-то сделать, должны ли мы сделать что-то похожее на то, что нам очень понравилось?» — мы не можем заимствовать формулу, не можем просто ее взять и воспроизвести. Если мы делаем еще один экземпляр того, что уже было, то получаем пародирование.

Погружения в эту традицию — это не попытка воспроизвести понятийный аппарат, реконструировать его, кристаллизовать, сделать более ясным. Это не попытка достроить за Роберта Парка то, что он не достроил. Это не способ существования вообще в этой традиции. В этом никакого смысла нет. Ты живешь в текущих обстоятельствах, здесь есть проблемы, здесь есть вопросы, здесь есть неясности. Иди и делай. Ищи ответы на свои вопросы, подбирай методы из всего возможного спектра, которые тебе позволят эту задачу решить. И применяй эти методы, пользуйся обстоятельствами там, где эти методы можно как-то усовершенствовать и усилить, то есть добыть больше, чем стандартно с их помощью добывается. Или трансформируй их и гни их там, где они в слишком стандартной форме не работают.

Я подозреваю, что так или иначе серьезные исследователи неизбежно это делают. Только они не всегда в этом признаются, когда потом докладывают о результатах своих исследований.

НВ: А как вам кажется, есть ли в российском и постсоветском пространстве какие-то исследования, которые бы вы рассматривали именно как созвучные чикагским?

ВН: Я никогда систематически не пытался собрать единую картину, но, например, в той же социологии организаций есть популяционно-экологический подход Вячеслава Щербинина. Он родствен чикагской традиции и для исследований организаций значим. В социологии семьи и в демографии много пересечений с чикагской традицией, особенно тексты Анатолия Вишневского можно сравнить с аналогичными чикагскими текстами — и там обнаружатся родственные вещи [Вишневский, 2012]. В криминологии это скорее не в исследованиях, а в рамочных концептуализациях, в организации познавательных подходов. Это просто самостоятельно существующие, не интегрирующиеся вещи, что нормально в текущих условиях.

НВ: Есть этнографические исследования, антропологические исследования, российские в том числе, то, что публикуется тем же самым фондом «Хамовники». Можно ли их относить к такой традиции или это все-таки какая-то другая история?

ВН: Они в некоторой степени близки. Базовый принцип Симона Кордонского, например, по крайней мере в первом приближении, совпадает с прагматистским. Но Кордонский всегда слово «социология» употребляет в ругательном смысле. Под социологией он подразумевает как раз неуместные поползновения навязать исследуемому полю заранее готовые формы. Он категорически против этого, и в этом плане он действительно похож на прагматистов. Но если спросить об отличиях в смысле рамочной проработки, то Чикагская школа была гораздо более проработанная. В муниципальных исследованиях вокруг фонда «Хамовники» такой общей схемы, общей рамки, системы координат нет.

НВ: Почему я вспомнила фонд «Хамовники»? Потому что у них есть попытка посмотреть на ту реальность, в которой мы существуем, не исходя из терминов, которые мы заимствуем из европейской социологии. Европейские оптики и понятия, которые, если мы их аккуратно начинаем приземлять на нашу реальность, начинают очень сильно трансформироваться. Есть ли такая проблема перевода понятий? Вопрос к вам как переводчику: у меня есть постоянное ощущение, что есть проблема с концептами, которые мы используем. Когда мы их начинаем использовать в рамках других отношений, они трещат по швам, их надо пересобирать, чтобы хоть как-то схватить то, что мы пытаемся описывать здесь и сейчас.

ВН: С понятиями, концептами, с терминологией, конечно, есть проблемы, когда они импортные, когда они доходят в кальках и в абстрактных формах и с той реальностью, в которой они сделаны, не видятся вместе. Тогда это готовые формы, языковые шаблоны, иногда довольно мертвые. Как любые завезенные формы, они сами по себе не работают – либо они работают формалистически, и ситуация заимствованности форм сильно срачивается с академической бюрократизацией.

И это на пользу не идет: когда мы начинаем приносить искусственную терминологию, по сути мы уходим от тех задач, которые мы как исследователи должны решать. Вместо того чтобы исследовать ту реальность, в которой мы живем, пытаемся искусственно сконструировать, сфабриковать несуществующий фиктивный дубликат. И мало того, что неадекватно описываем реальность, но еще пытаемся ее насильно привести к тем формам, которые теория хорошо и эстетично бы описывала. Нельзя просто брать понятия, выросшие в другой среде, исходящие из других проблем, из других жизненных обстоятельств, конкретных, исторических, и просто переносить сюда.

Правильнее действовать как чикагцы: подбирать те понятия, которые позволяют решать проблемы.

Этим же самым теоретическим материалом мы можем пользоваться как прагматисты. Если мы имеем этот набор инструментов и внимательно отнеслись к тому, где взяли эти инструменты, какие результаты и как они приносили, если мы связываем инструменты с получаемыми результатами, если мы гибко и творчески мыслим, то мы можем делать то, что мы должны делать, пользуясь теми средствами, которые уже проработаны. Пользуясь ими, разумеется, творчески и никогда не забывая о том, что средства не должны крутить исследованием, как хвост собакой. Понятия, методы – это «хвост» на службе у познания реальности.

Мы должны быть, как и чикагские социологи, взрослыми состоявшимися личностями, которые работают с имеющимися инструментами и пытаются решить с их помощью локальные проблемы и ответить на локальные вопросы. Есть условие познания у чикагцев: ты должен в этой области присутствовать, ты должен чувствовать себя там как рыба в воде. Человек делает хорошее исследование, потому что действительно понимает, как все устроено: он может и со стороны посмотреть, и при этом внутри находиться. И постепенно он вырабатывает средства документировать то, что он видит благодаря опыту участия и дистанцированности.

Так, для Ансельма Стросса социология умирания – это не абстрактная вещь: он пошел умирающих людей изучать, когда у него самого была тяжелая хроническая болезнь. Он знал, что это такое [Glaser & Strauss, 1965]. Или Андерсон, если брать чикагскую социологическую традицию 1920-х годов. Он чуть ли не 10 лет работал, сам был хобо, сам был мигрирующим рабочим. Он знал, что такое быть хобо [Anderson, 1923]. И потом он отправился уже дистанцированно с другими людьми разговаривать, совместив опыт инсайдера и аутсайдера. Луис Вирт никогда бы не написал такую пронизательную и глубокую работу о гетто, если бы сам не знал эту среду по собственному мигрантскому опыту: он подростком переехал из Европы к своему дяде в Америку [Вирт, 2015]. То есть чикагцы имели соответствующий опыт – и исследовали то, что они знали. Конечно, необязательно быть участником организованного преступного сообщества, чтобы его изучать. Но если человек, сын румынских иммигрантов, провел детство в трущобах, если друзья его детства, как в сериале «Бригада», состоят в бандах, если с ними есть доверительные отношения, то они могут знаниями поделиться. Отсутствие жизненного опыта, даже времени, которое бы позволило погрузиться в поле, конечно, очень сильно влияет на качество исследований. Одноразовые экономичные заходы без глубокого знакомства – это, конечно, то, что очень сильно отличается от чикагской традиции.

Беседовала Наталия Волкова, редактора – Марат Невлютов, Нина Любинарская, Наталия Волкова.

Источники

- Андерсон, Б. (2001). *Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма*. Москва: КАН-ОН-Пресс-Ц, Кучково поле.
- Баньковская, С.П. (1991). *Инвайронментальная социология*. Рига: Зинатне.
- Берджесс, Э.У. (2015). Рост города: введение в исследовательский проект. В Д.В. Ефременко (ред.), *Чикагская социология: сборник переводов* (с. 20–34). ИНИОН РАН.
- Блумер, Г. (2010). Наука без понятий. В Д.В. Ефременко (ред.), *Интеракционизм в американской социологии и социальной психологии первой половины XX века* (с. 299–317). Москва: ИНИОН РАН.
- Вирт, Л. (2015). Гетто. В Д.В. Ефременко (отв. ред.), *Чикагская социология: Сборник переводов* (С. 107–165). Москва: ИНИОН РАН.
- Вишневский, А.Г. (2012). Россия: демографические итоги двух десятилетий. *Мир России. Социология. Этнология*, 21(3), 3–40.
- Ермолаев, В.Н. (2004). *Организационное развитие малых коммерческих организаций: на примере стоматологических клиник Москвы* [Диссертация ... кандидата социологических наук, Московский государственный университет сер-виса].
- Ефременко, Д.В., и Николаев, В.Г. (2024). *Мыслители города ветров: Прагматистская социальная наука в Чикаго в первой половине XX века*. Москва: ИНИОН РАН.
- Зорбо, Х.У. (2015). Золотой берег и трущобы. В Д.В. Ефременко (отв. ред.), *Чикагская социология: Сборник переводов* (с. 166–227). Москва: ИНИОН РАН.
- Мерриам, Ч. (2023). Современное состояние изучения политики; Урбанизм. В Д.В. Ефременко (ред.), *Чикагская школа политической мысли (1920–1940-е годы): сб. пер.* (с. 54–76). Москва: ИНИОН РАН.
- Мертон, Р. (2006). Социальная структура и аномия. В Р. Мертон, *Социальная теория и социальная структура* (с. 243–281). Москва: АСТ.
- Николаев, В.Г. (1998). Человек «на границе»: проблема маргинальности в зеркале социологической классики. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология*, (2), 156–197.
- Николаев, В.Г. (2000). *Советская очередь как среда обитания: Социологический анализ*. Москва: ИНИОН РАН.
- Парк, Р. (2011a). Новость как форма знания. В Р. Парк, *Избранные очерки: сборник переводов* (с. 257–275). Москва: ИНИОН.
- Парк, Р. (2011b). Социология, сообщество и общество. В Р. Парк, *Избранные очерки: сборник переводов* (с. 80–114). Москва: ИНИОН.
- Парк, Р.Э. (1997). Эссе. Социальные и гуманитарные науки. *Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология*, (4), 162–165.
- Рабочие тетради по истории и теории социологии*. (1992). Выпуск 1. Рига: Социологический факультет, Московский университет им. М.В. Ломоносова.
- Томас, У., и Знанецкий, Ф. (1998). Польский крестьянин в Европе и Америке. В *Контексты современности: Хрестоматия* (с. 141–225). Казань: АБАК.
- Трэшер, Ф.М. (2015). Шайки. В Д.В. Ефременко (отв. ред.), *Чикагская социология: Сборник переводов* (с. 300–350). Москва: ИНИОН РАН.
- Addams, J. (1911). *Twenty years at Hull-House with autobiographical notes*. New York, NY: Macmillan Company.
- Anderson, N. (1923). *The hobo: The sociology of the homeless man*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Bogardus, E.S. (1933). A social distance scale. *Sociology & Social Research*, 17, 265–271.
- Cavan, R.S. (1928). *Suicide*. Chicago: University of Chicago Press.
- Cressey, P. (1932). *The taxi-dance hall: A sociological study in commercialized recreation and city life*. Chicago: University of Chicago Press.
- Glaser, B.G., & Strauss, A.L. (1965). *Awareness of dying*. Chicago: Aldine.
- Halbwachs, M. (1932). Chicago, expérience ethnique. *Annales d'histoire économique et sociales*, 4(13), 11–49.
- Hauser, P.M. (1969). The chaotic society: Product of the social morphological revolution. *American Sociological Review*, 34(1), 1–19.
- Hawley, A.H. (1950). *Human ecology: A theory of community structure*. New York: The Ronald Press Company.
- Hawley, A.H. (1986). *Human ecology: A theoretical essay*. Chicago: University of Chicago Press.
- Hull-House maps and papers*. (1895). New York, NY: Thomas W. Crowell.
- Landesko, J. (1929). Who's who of organized crime in Chicago. In *Illinois crime survey* (pp. 1061–1087). Chicago: Illinois Association for criminal justice.
- Law, J. (1974). Theories and methods in the sociology of science: an interpretive approach. *Social Science Information*, 13(4–5), 163–172.
- Ogburn, W.F. (1957). Cultural lag as theory. *Sociology & Social Research*, 41, 167–174.
- Reckless, W. (1933). *Vice in Chicago*. Chicago: University of Chicago Press.
- Redfield, R. (1930). *Tepoztlan, a Mexican village: A study of folk life*. Chicago: University of Chicago Press.
- Redfield, R. (1941). *The folk culture of Yucatan*. Chicago: University of Chicago Press.
- Ren, X. (2019). Robert Park in China: From the Chicago school to urban China studies. In *The City in China* (p. 1–16). Bristol University Press.
- Sutherland, E.H. (1983). *White collar crime: The uncut version*. New Haven.
- Thomas, W.I. (1923). *The unadjusted girl: With cases and standpoint for behavior analysis* (Criminal science monographs, No. 4). Boston: Little, Brown and Company.
- Thomas, W.I., & Znaniecki, F. (1927). *The Polish peasant in Europe and America*. New York, NY: Alfred A. Knopf.
- Thrasher, F.M. (1926). *The gang: A study of 1, 313 gangs in Chicago*. Chicago: University of Chicago Press.
- Urry, J. (1970). Role analysis and the sociological enterprise. *The Sociological Review*, 18(3), 351–363.
- Wald, P. (2002). Communicable Americanism: Contagion, geographic fictions, and the sociological legacy of Robert E. Park. *American Literary History*, 14(4), 653–685.

"THE LINK BETWEEN ABSTRACTION AND REALITY WAS IMPORTANT TO THE CHICAGO SCHOOL OF SOCIOLOGY": AN INTERVIEW WITH VLADIMIR NIKOLAEV

Vladimir G. Nikolaev, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of General Sociology, HSE University; Senior Researcher, Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN).
E-mail: vnik1968@yandex.ru

Nataliya A. Volkova, Visiting Researcher, Narxoz University; Almaty, Kazakhstan.
E-mail: chestrek@gmail.com

This interview with Vladimir Nikolaev, a sociologist and translator of texts from the Chicago School of Sociology (CSS), focuses on the primary stages of its development and its reception within the post-Soviet discourse of the 1990s. The discussion centers on CSS's methodology, which is rooted in fieldwork and direct interaction with social reality. Nikolaev demonstrates the pragmatist origins of the tradition, in which theoretical constructs require empirical verification. The specific research approach of CSS is revealed through the prism of pragmatism: statistics and quantitative metrics are instrumental in nature and are not ends in themselves. These methods serve to identify and "stenographically" record observations for subsequent analysis. This pragmatic stance also determines translation strategies: since language sets the research optics, the translation must be congruent with the original and also with the reality in which it unfolds. The discussion leads to the question of the applicability of the CSS approach in other contexts, particularly the Russian one. CSS appears as an instrument of reform based on the study of specific cases: from dance halls and youth gangs to migration and suicide. Entering such complex fields requires the involvement of personal experience. In this paradigm, the inevitable subjectivity of the gaze does not lower the quality of the data but creates a space for experiment, turning the sociologist's biographical resource into an instrument of cognition.

Keywords: Chicago School of Sociology; pragmatism; Herbert Blumer; Robert Park; human ecology

Citation: Nikolaev, V., & Volkova, N. (2025). «The Link Between Abstraction and Reality Was Important to the Chicago School of Sociology»: An Interview with Vladimir Nikolaev. *Urban Studies and Practices*, 10(4), 6–17. <https://doi.org/10.17323/usp10420256-17>

References

- Addams, J. (1911). *Twenty years at Hull-House with autobiographical notes*. New York, NY: Macmillan Company.
- Anderson, B. (2001). *Vobrazhaemye soobshchestva: Razmyshleniia ob istokakh i rasprostraneniі natsionalizma* [Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism]. Moskva: KANON-Press-Ts, Kuchkovo pole.
- Anderson, N. (1923). *The hobo: The sociology of the homeless man*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Ban'kovskaia, S.P. (1991). *Invairomental'naia sotsiologiya* [Environmental sociology]. Riga: Zinatne.
- Blumer, H. (2010). Nauka bez poniatii [Science without concepts]. V D.V. Efremenko (red.), *Interaktsionizm v amerikanskoі sotsiologii i sotsial'noi psikhologii pervoi poloviny XX veka* [In D.V. Efremenko (Ed.), *Interactionism in American sociology and social psychology of the first half of the 20th century*] (s. 299–317). Moscow: INION RAN.
- Bogardus, E.S. (1933). A social distance scale. *Sociology & Social Research*, 17, 265–271.
- Burgess, E.W. (2015). Rost goroda: vvedenie v issledovatel'skiy proekt [The growth of the city: An introduction to a research project]. In D.V. Efremenko (Ed.), *Chikagskaya sotsiologiya: Sbornik perevodov* [Chicago sociology: A collection of translations] (pp. 20–34). Moscow: INION RAN.
- Cavan, R.S. (1928). *Suicide*. Chicago: University of Chicago Press.
- Cressey, P. (1932). *The taxi-dance hall: A sociological study in commercialized recreation and city life*. Chicago: University of Chicago Press.
- Efremenko, D.V., & Nikolaev, V.G. (2024). *Mysliteli goroda vetrov: Pragmatistskaia sotsial'naia nauka v Chikago v pervoi polovine XX veka* [Thinkers of the windy city: Pragmatist social science in Chicago in the first half of the 20th century]. Moscow: INION RAN.

- Ermolaev, V.N. (2004). *Organizatsionnoe razvitie malykh kommercheskikh organizatsii: na primere stomatologicheskikh klinik Moskvy* [Organizational development of small commercial organizations: A case study of dental clinics in Moscow] [Candidate of Sociological Sciences dissertation, Moscow State University of Service].
- Glaser, B.G., & Strauss, A.L. (1965). *Awareness of dying*. Chicago: Aldine.
- Halbwachs, M. (1932). Chicago, expérience ethnique. *Annales d'histoire économique et sociale*, 4(13), 11–49.
- Hauser, P.M. (1969). The chaotic society: Product of the social morphological revolution. *American Sociological Review*, 34(1), 1–19.
- Hawley, A.H. (1950). *Human ecology: A theory of community structure*. New York: The Ronald Press Company.
- Hawley, A.H. (1986). *Human ecology: A theoretical essay*. Chicago: University of Chicago Press.
- Hull-House maps and papers*. (1895). New York, NY: Thomas W. Crowell.
- Landesko, J. (1929). Who's who of organized crime in Chicago. In *Illinois crime survey* (pp. 1061–1087). Chicago: Illinois Association for criminal justice.
- Law, J. (1974). Theories and methods in the sociology of science: an interpretive approach. *Social Science Information*, 13(4–5), 163–172.
- Merriam, Ch. E. (2023). *Sovremennoe sostoianie izucheniia politiki; Urbanizm* [The present state of the study of politics; Urbanism]. In D.V. Efremenko (Ed.), *Chikagaskaia shkola politicheskoi mysli (1920–1940-e gody): Sb. per.* [The Chicago school of political thought (1920s–1940s): A collection of translations] (pp. 54–76). INION RAN. Moscow: INION RAN.
- Merton, R. (2006). *Sotsial'naia struktura i anomiiia* [Social structure and anomie]. In *Sotsial'naia teoriia i sotsial'naia struktura* [Social theory and social structure] (pp. 243–281). Moscow: AST.
- Nikolaev, V.G. (1998). *Chelovek «na granitse»: problema marginal'nosti v zerkale sotsiologicheskoi klassiki* [The person "on the border": The problem of marginality in the mirror of sociological classics]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaia i zarubezhnaia literatura. Seria 11: Sotsiologiya* [Social sciences and humanities. Domestic and fo-

- reign literature. Series 11: Sociology], (2), 156-197.
- Nikolaev, V.G. (2000). *Sovetskaiia ochered' kak sreda obitaniia: Sotsiologicheskii analiz* [The Soviet queue as a habitat: A sociological analysis]. Moscow: INION RAN.
- Ogburn, W.F. (1957). Cultural lag as theory. *Sociology & Social Research*, 41, 167-174.
- Park, R.E. (2011a). Novost' kak forma znaniia [News as a form of knowledge]. In *Izbrannye ocherki: Sbornik perevodov* [Selected essays: A collection of translations] (pp. 257-275). Moskva: INION.
- Park, R.E. (2011). Sotsiologiya, soobshchestvo i obshchestvo [Sociology, community and society]. In *Izbrannye ocherki: Sbornik perevodov* [Selected essays: A collection of translations] (pp. 80-114). Moscow: INION.
- Park, R.E. (1997). Esse [Essay]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaia i zarubezhnaia literatura. Seriya 11: Sotsiologiya* [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology], (4), 162-165.
- Rabochie tetradi po istorii i teorii sotsiologii. Vypusk 1* [Workbooks on the history and theory of sociology. Issue 1]. (1992). Riga: Sotsiologicheskii fakul'tet, Moskovskii universitet im. M.V. Lomonosova.
- Reckless, W. (1933). *Vice in Chicago*. Chicago: University of Chicago Press.
- Redfield, R. (1930). *Tepoztlan, a Mexican village: A study of folk life*. Chicago: University of Chicago Press.
- Redfield, R. (1941). *The folk culture of Yucatan*. Chicago: University of Chicago Press.
- Ren, X. (2019). Robert Park in China: From the Chicago school to urban China studies. In *The City in China* (p. 1-16). Bristol: University Press.
- Sutherland, E.H. (1983). *White collar crime: The uncut version*. New Haven: University Press.
- Thomas, W.I. (1923). *The unadjusted girl: With cases and standpoint for behavior analysis* (Criminal science monographs, No. 4). Boston: Little, Brown and Company.
- Thomas, W.I., & Znaniecki, F. (1927). *The Polish peasant in Europe and America*. New York, NY: Alfred A. Knopf.
- Thrasher, F.M. (1926). *The gang: A study of 1, 313 gangs in Chicago*. Chicago: University of Chicago Press.
- Thrasher, F.M. (2015). Shaiki [The gang]. In D.V. Efremenko (Ed.), *Chikagaskaia sotsiologiya: Sbornik perevodov* [Chicago sociology: A collection of translations] (pp. 300-350). Moscow: INION RAN.
- Tomas, W.I. & Znaniecki, F. (1998). Pol'skii krest'ianin v Evrope i Amerike [The Polish peasant in Europe and America]. V *Konteksty sovremennosti: Khrestomatiia* [In Contexts of modernity: A reader] (pp. 141-225). Kazan': ABAK.
- Urry, J. (1970). Role analysis and the sociological enterprise. *The Sociological Review*, 18(3), 351-363.
- Vishnevskii, A.G. (2012). Rossiia: demograficheskie itogi dvukh desiatiletii [Russia: Demographic results of two decades]. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya* [World of Russia. Sociology. Ethnology], 21(3), 3-40.
- Wald, P. (2002). Communicable Americanism: Contagion, geographic fictions, and the sociological legacy of Robert E. Park. *American Literary History*, 14(4), 653-685.
- Wirth, L. (2015). Getto [The ghetto]. In D.V. Efremenko (Ed.), *Chikagaskaia sotsiologiya: Sbornik perevodov* [Chicago sociology: A collection of translations] (pp. 107-165). Moskva: INION RAN.
- Zorbaugh, H.W. (2015). Zolotoi bereg i trushchoby [The Gold Coast and the slum]. In D.V. Efremenko (Ed.), *Chikagaskaia sotsiologiya: Sbornik perevodov* [Chicago sociology: A collection of translations] (pp. 166-227). Moscow: INION RAN.

Метод описания и опыт свободы

Дмитрий Rogozin,
Михаил Бодe

Михаил Бодe: Дмитрий Михайлович, в какой момент своей жизни, своего академического трека вы всерьез познакомились с чикагцами?

Дмитрий Rogozin: Я в каком-то смысле «всерьез» с чикагцами еще не познакомился. Это у меня в планах. Я читал их вскользь, в основном Роберта Парка. Через вторичные источники – Флориана Знанецкого. Чикагский ли он парень, не чикагский – другой вопрос, но точно к ним близок со своим «Польским крестьянином в Европе и Америке» [Thomas, Znaniecki, 1918–1920; Томас, Знанецкий, 2008]. Также вскользь – Street Corner Society [Whyte, 1943], вскользь – общие обзоры.

Мой проводник в чикагскую социологию – Владимир Николаев. Вот уж кто по-настоящему посвятил себя Чикагской школе (см., например: [Ефременко, Николаев, 2024; Николаев, 2009, 2015]). Признаюсь, слушать его непросто, с его детализацией, подачей материала, строгостью в отношении того, что и как интерпретировать. Но пишет он прекрасно, не сокращая, не обходя стороной трудных мест. Нам повезло иметь такого исследователя в России.

Для меня Чикагская школа – это направление, которое я изначально узнавал больше по байкам, мифам, рассказам, нежели по первоисточникам. Чикагцы были писучие. Нужно усилие, чтобы пройти весь материал, который они подавали. Когда я еще учился, у меня такой задачи и потребности не было: если говорить об американской социологии, я сразу переключился на Пола Лазарсфельда, с одной стороны, на ту традицию, которая связана с количественными опросами, а с другой – на школу, которую развивал Франклин Гиддингс еще до прихода немецкой традиции, до того как возшла звезда Толкотта Парсонса и Питирима Сорокина. Сейчас, если грубо, мы бы обозначили их как позитивистов, поскольку они пытались выстраивать понятия точно, стремились как-то их измерять.

В этом смысле чикагцы предложили нечто совершенно уникальное, отличное от всех остальных направлений. И журнал, который в большей степени был обязан им, *American Journal of Sociology*, – первые его выпуски отражали поворот к качественной социологии и отказу от метрик. Вместе с тем многие из них прекрасно разбирались в статанализе. Это не был отказ от статистического анализа, потому что ты плохо разбираешься в нем. Нет, именно в силу понимания того, какие риски несут в себе эти стандартизированные методики.

Рогозин Дмитрий Михайлович, полевой интервьюер, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН; заведующий, Лаборатория полевых исследований, Институт социального анализа и прогнозирования, Российская академия народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС); Москва, Российская Федерация.
E-mail: rogozin@tanera.ru.

Михаил Михайлович Бодe, независимый исследователь, основатель бюро Beyond research.

E-mail: mikhail.bode@gmail.com

В интервью Дмитрий Rogozin размышляет о Чикагской школе социологии как о школе коллег и современников, с которыми он ведет опосредованный диалог, обращаясь к их методической честности и умению не проводить лишние границы – между методологией и описанием результатов, литературой и академическим текстом. Rogozin выстраивает параллели между Чикагской школой и русской классической литературой (Толстой, Лесков, Чехов), видя в обеих традициях мастерство «сгущения деталей» и создание «великой этнографии». Лейтмотивом беседы служит также концепция «профессиональной растерянности» как предпочтительного базового состояния исследователя: фиксация того, на чем «споткнулся» взгляд, рефлексия собственного интереса, удержание неопределенности служат залогом вдумчивого исследования. Другая линия беседы – идея школы: Rogozin сравнивает Чикагскую школу и Шанинскую школу. Школа становится возможной, когда идет работа с наследием и поиском идей в текстах предшественников, складывается умение слушать – в узком кругу, а не среди толпы поклонников. И эта узкая группа становится способной менять социальную реальность, действуя не только в текстах, но и взаимодействуя с ней напрямую. Критическая линия направлена против доминирования специфического извода количественной методологии и «менеджерального» подхода в социальных науках. Наряду с прочим в интервью затронуты иные научные интересы Дмитрия Rogozina, в том числе публичная социология Майкла Буравого.

Ключевые слова: Чикагская школа социологии; А.П. Чехов; этнография; маргинальность; Карл Поппер; профессиональная растерянность

Цитирование: Rogozin, D., & Bode, M. (2025). «Метод описания и опыт свободы»: интервью с Дмитрием Rogozinym. *Городские исследования и практики*, 10(4), 18–29. <https://doi.org/10.17323/usp104202518-29>

Этнография между литературой и публицистикой

МБ: В каком направлении вы видите свое продолжение знакомства с чикагцами?

ДР: В первую очередь меня всегда интересуют биографии, личные сюжеты. Чикагцы, в отличие от многих социологов, в том числе ныне живущих, не чуждались личных местоимений и рассказов о том, как они пришли к тому или иному заключению. Им свойственна пространность изложения такого рода. Огромное им уважение за их честность в представлении материала и за отсутствие страха перед апологетами «чистой науки». Поразительно, как они сумели выйти на эту тропу войны, да еще и выиграть. И пройти эту тропу с блеском, чтобы задать направление другим.

Сейчас о чикагцах говорят как об истории. Школа пережила свое, и вроде бы прямых наследников у нее нет. Но они чрезвычайно современны в текущем автоэтнографическом повороте. Мне близки их рассуждения о полевых работах, сбоях, описания собственных мыслей, сомнения в том, что они делали. У чикагцев не было жесткого разделения: тут пишем про методологию, а тут про результаты. Это очень правильная позиция, одно из интуитивно понятных, но часто третируемых с точки зрения классической науки представлений о производстве научного вывода. На мой взгляд, действительно нельзя разделять метод – то, как ты делаешь, – и то, что ты получаешь. Как только это разделение производится, чего требует от нас современное научное знание, это приводит к колоссальному разрыву и к фальсификации собственных выводов. А для чикагцев даже такой проблемы не существовало. У них нельзя изъять из текста формальное описание их подхода, оно размыто. Здесь есть чему поучиться, есть о чем подумать. Причем я не их апологет. Я не утверждаю, что надо вернуться к Чикагской школе и повторять за ними. Нет, я о том, чтобы воспринимать их как современников, а значит, как тех, с кем можно полемизировать. Не напрямую, конечно. Но, слава богу, о Чикагской школе только ленивый не писал, рецензий очень много. Поэтому можно через их восприятие, через их критику включаться в диалог, пусть и виртуальный. И это привлекает, как привлекает любое осмысленное чтение. Ну а кроме того, у них великолепный язык: они же думали не только о том, чтобы объективировать реальность и описать ее, но и о форме изложения, о тексте.

Конечно, я их читаю исходя из текущих своих представлений и позиций, но – как современников. Мы с ними живем в одном мире. Мы сталкиваемся с одними и теми же проблемами, и поэтому читать их очень легко. Я не смотрю на них как на гуру, которые должны меня научить жизни. Я смотрю на них как на уважаемых, фантастических собеседников, с которыми может состояться диалог.

И я не считаю, что научный текст должен отличаться от художественного. Нужно работать с формой подачи материала, думать о том, кто читает, и о нарративе. Вот это всё у чикагцев тоже получалось естественно. Вряд ли они на эти темы много рефлексировали. У них это получалось само собой в силу базовой установки: они не требовали социологического образования от своих исследователей. Они требовали включенности в поле. Гораздо важнее быть знакомым с предметом и одновременно быть от него на некоторой дистанции. Уметь дистанцироваться от знакомого гораздо важнее, чем иметь социологическую подготовку. Поэтому Чикагская школа – изначально история синтетическая. Туда пришли люди с разным бэкграундом, с разным образованием и сформировали нечто, что назвали школой, при всем разнообразии того, что оказалось внутри.

У чикагцев есть смысл учиться построению законченных нарративов, потому что они, в отличие от многих, ушли от публикации отчетно-квалификационных работ к публикации законченных произведений – в публичное пространство. Их книжки выходили не для служебного пользования. Они были восприняты широкой публикой и толковались очень по-разному, приближались к общественно-политическим журналам, которые издавались в XIX веке в России.

МБ: В России часто воспринимали этнографию как беллетристику.

ДР: Драма русской социологии заключается в том, что у нас главные социологи оказались литераторами. Есть ключевые фигуры, например Лев Толстой. Его описание бездомности – одно из лучших, не утратившее актуальности. В своих очерках он просто рассказывает о собственной практике. И поражаешься точности формулировок, которыми он характеризует проблему. Вот он дает деньги, из него выбивают жалость – и эти деньги тут же пропиваются. И нет никаких оснований, чтобы исправить эту ситуацию. И он очень аргументированно описывает замкнутый круг бездомного существования, подчеркивая, что ни одну из сторон нельзя обвинять. Аналитическая работа в чистом виде.

Предельно социологические работы есть и у Лескова. У него настолько точное описание жизни, повседневности. Не говоря уже о Гоголе с его «Мертвыми душами». С одной стороны, это вроде бы образы, а с другой – с какой фактурой они поданы, это позволяет видеть архетипичные проявления. Это реально исследовательская работа. Я уж не говорю о публицистах. Чернышевский, Герцен – это не публицистика, а социологическое осмысление реалий, с которыми они сталкивались.

Хотя они, конечно, были глашатаями общественного мнения, но под гнетом цензуры постоянно занижали свою аналитическую роль, свою субъектность. Мол, объективное – это какое-нибудь статистическое ведомство, а мы занимаемся субъективным. А в этой-то субъектности, субъективности

и заключалась «исследовательская сермяжная правда». Скажу крамолу: не чикагцев нам надо читать, а Чехова. И через Чехова читать чикагцев, идти к ним. Вот это был бы очень сильный ход. Здесь речь не о первенстве, но русская мысль ничуть не уступает иным.

Впрочем, основные акторы такого восприятия – сами писатели. Уход в беллетристику – это уход в сторону безопасности высказывания. И то, что мы в России воспринимаем как само собой разумеющееся – аллюзии, эзопов язык и так далее, – первым поколением или близким кругом считывается как ироничная конструкция, а потом перестает восприниматься таковой. И мы не видим за текстами реальных авторов, и требуется огромная литературоведческая работа. А когда она проводится, она ложится на полку к литературоведам.

С одной стороны, мы вроде бы создаем мощную этнографию, но за счет постоянного непроговаривания контекста, вынесения за скобки конкретных маркеров само высказывание вымарывается. Это самовоспроизводящееся разрушение этнографического письма – именно письма, а не процедуры. Потому что Чехов-то, чтобы писать, подслушивал, ходил, смотрел, участвовал. Он никогда не писал, наглухо запершись в своей комнате. По его записям видно, что они из мира, а не из головы.

Чехов для меня первый человек в социологическом плане. То, что он сделал, просто фантастично. Фантастично не по объемам, а потому, что человек, не имеющий отношения к специальному научному знанию, организывает статистическое действие – перепись населения, и организывает очень хорошо. И потом, когда он возвращается с Сахалина, он участвует в переписи даже не как переписчик, а как аудитор. И находит там ошибки. Это не сохранилось, к сожалению. Но его награждают медалью за участие в переписи, за то, что он как доброволец внес огромный вклад в понимание смещений, связанных с переписными листами.

И в этом смысле у меня претензия к условному Лескову не в том, что он писал художественно, а в том, что к его произведениям нет дневниковых записей. Или они утеряны, или даже существуют, но не сопряжены с самим текстом, и нет того, что позволяло бы говорить о фактологичности и методичности проделанной работы. Вот чего нам не хватает, чтобы включить в своей репертуар этнографические работы этих авторов.

Другой, наверное, еще более важный аспект проблемы – институциональный. У нас настолько жестко выстроены институциональные рамки – «клетки институции», – что, если ты не защитил кандидатскую по социологии, тут же возникает вопрос, какой ты социолог. Полный бред. К Чехову, между прочим, были те же претензии. Никто из Русского географического общества, из этнографов не обратил внимания на выход «Острова Сахалин», словно поездка была блажью писателя: дескать, съездил «перезагрузиться», зверьков каких-то привез.

Чиновники рассуждают о межведомственном взаимодействии, академические сотрудники – о междисциплинарном взаимодействии. Но ни того ни другого нет. Ни там ни там, вот беда. А по факту это, на мой взгляд, одно из самых перспективных направлений – переосмысление без учета того, кто доктор наук, а кто нет, кто преподавал, а кто не преподавал в университете, но с оглядкой в первую очередь на то, кто был в поле и вел полевые записки.

МБ: Если снова обратиться к чикагцам, есть ли и у них то, что мы вынуждены познавать через экзегезу? То, что мы сейчас не понимаем или с трудом понимаем через доступные нам рецепции их работ?

ДР: Они нам показали работу идеальной академии. У них реализовались два принципа. Первый – принцип академической свободы. Там никто никого не принуждал писать аналитические записки, отчеты, сдавать НИРы. Люди уходили надолго, мучились и, возвращаясь, общались если не с равными, то с критиками, с собеседниками, а не в режиме «начальник – подчиненный», как у нас это принято.

Второй принцип – отсутствие дисциплинарных рамок как ограничителей. Как у нас любят: хотите заниматься психологическим тестированием – получите сертификат. Покажите бумагу, которая подтвердит, что вы вправе это делать. Да зачем эти бумаги нужны? Есть человек – есть общение. Оно формирует все твои качества.

В известном смысле чикагцы дают возможность отстроиться от всеобъемлющей бюрократии «правильного образования» и «правильного исследования», которой сейчас и на Западе хватает, с их многочисленными этическими комитетами и прочим.

Эти этические комитеты – тоже отдельная история. Я думаю, ни одна работа Чикагской школы не прошла бы через современные этические комитеты. Значит ли это, что чикагцы не были озабочены этикой? Конечно, нет. Этические вопросы там – ключевые. Другое дело, что они не решаются подписанием на бумаге с информированным согласием. Это полная туфта – преобразование этического вопроса в бюрократический. Так ты снимаешь с себя ответственность и перестаешь думать об этических вопросах. Ты уже нарушил базовые принципы человеческой коммуникации, которые реализуются уж точно не на бумаге.

МБ: Что обеспечивало эту самую нарративную мощь работ чикагцев?

ДР: Честность. Если пытаться редуцировать до какой-то одной универсалии, я бы говорил о методической честности. Ну и исследовательской. Что я имею в виду? Нечестный исследователь – это тот, который пытается убедить вас в какой-то точке зрения, непременно хочет что-то до вас донести. Не обязательно с самого начала: сперва он убеждается сам, а потом невольно начинает искать аргументы, подтверждающие его убеждения, и отсеивать, не видеть те, которые им противоречат. А у чикагцев, в общем-то, видна честность с точки

зрения описания того, что происходит, и они, кажется, не задумывались особо о том, насколько эти описания могут противоречить друг другу. В текстах эти противоречия оставались. И в этом смысле они создавали читателю пространство и для интерпретации, и для мышления, в отличие от строгих текстов условно парсоновского типа, где были попытки объяснить, почему именно это и именно так, со структурами, точным разбиением на квадранты и так далее. Чикагцам была свойственна эта черта, которая должна быть у любой этнографической работы, но часто исключается именно в связи с одной человеческой особенностью – тем, что мы хотим быть более убедительными, чем мы есть. И это стремление быть более убедительными присуще в большей степени именно научным сотрудникам. А чикагцы не всегда себя ощущали учеными и, в общем-то, не игрались в свою ученость. Они ощущали себя в большей степени исследователями, растерянными и удивленными перед тем, что происходит.

А еще чикагцы – это те, кто реализовывал базовый принцип Фейерабенда по полной. Его «Всё дозволено» (*anything goes*) часто интерпретируется вульгарно, как некоторая вольность. Но фейерабендовский методологический анархизм, как и любой анархизм, построен не на вольности, а на ответственности. Вот чем они велики. Они не пытались найти единый, универсальный подход, не пытались создать гранд-теорию. Для них всё было дозволено – с одним ограничением, очень мощным: всё дозволенное должно было быть аргументировано в меру сил. И если оно не аргументировано, то оно должно было быть описано. Тогда должно было быть явлено, обнажено, что аргументов нет. Чикагцы работали с голыми нарративами, они были нудистами от методологии. Тем и сильны. Очень сильны. Потому что те одежды, которые часто надевают исследователи, могут быть все в блесках, красивыми, но больше похожими на облачение звездочетов, нежели на одежды научных сотрудников.

Искусство описания против позитивизма

МБ: Кто те главные медиаторы, через которых доходят до вас чикагцы? Чья рецепция вам важна и повлияла на вас в первую очередь?

ДР: В первую очередь Владимир Николаев. Этот человек – энциклопедический справочник. Если ты хочешь что-то понять, если подозреваешь, что в чем-то заблуждаешься, если у тебя, как говорят про искусственный интеллект, «галлюцинации» – ты идешь к Николаеву, и он тебя ставит на место.

Что касается посредников содержательно близких – к сожалению, у меня все медиаторы уже умерли. Они сами становятся теми, с кем нужно дополнительное усилие, чтобы установить общение. Для меня это был перво-наперво Владимир Александрович Ядов. Он не был специалистом по чикагцам. Но, например, у него было удивительное исследование вместе с поляками по уста-

новлению социальной идентичности. Оно строилось на очень простой методике, количественной в своей основе, но она была открытая – они много записывали. Вообще, любое количественное исследование – это тоже чикагская традиция, кстати, – может быть преобразовано в осмысленный диалог, если просто включить запись. Так вот, они задавали буквально два вопроса полякам и русским: кто мы, а кто они? Там очень крутые результаты (см. краткий обзор результатов на выборке в России: [Ядов, 2003]). Это ведь важно, другие – они враги или нет? И кто мы – те, кто не такие, как они, или у нас есть что-то свое? Это не этнографическое исследование в духе Чикагской школы, какой мы ее знаем, но такое, в котором твой концептуальный вопрос встраивается в рамку, доступную для восприятия собеседника.

Не скажу, чтобы Ядов постоянно говорил о чикагцах, но они занимали в его перспективе важное место. Правда, он многих отпугивал в конце своей жизни эпатажем полипарадигмальности [Ядов, 2012]. Он все время говорил, что необходимы все пути, пусть всё цветет. И чикагцы были таким «большим соцветием» в его сфере, он уделял им внимание, хотя основная традиция для него – английская школа антропологии: Мартин Аткинсон и Пол Хаммерсли [Atkinson, 2013; Atkinson, Hammersley, 2007; Hammersley, 1992].

В меньшей мере – Батыгин. Он их, чикагцев, иронически задевал. В его иронии была здоровая критичность. Многие не понимали Батыгина, пытались придать его смеху пафос объективации происходящего. Но сам он позволял увидеть за его иронией те места, на которые нужно обращать внимание.

МБ: А за что он их задевал?

ДР: За эту чувственность, вживаемость в предмет. Не раз повторял метафору: если вы хотите изучить игру в шахматы, вы что же, начнете наблюдать за играющим? Это вам даст что-нибудь для понимания того, как устроена игра в шахматы? Наверное, нет. Вот за эту многословность чикагцев, за это описание, близкое к тому, что Гирц называл *thick description* – «густым», «толстым» описанием, – он их и критиковал, говоря, что надо быть точнее.

Недавно, когда я был на Сахалине, я проследил близкие нотки у Чехова. У него есть это «густое описание» – в малом сказать многое, сгустить материал. Чикагцы не сгущали материал никогда. Они писали как писалось. В медленном изложении нарратива ты должен нащупать собственную мысль. Читая эти тексты, ты не продираешься через них, а размышляешь вместе с ними, отходя от текста, накручиваешь у себя спираль понимания. А Чехов и Батыгин – это другая позиция. В соответствии с ней ты должен высушить текст до такой степени, чтобы он через малое мог сказать о многом. Он должен быть густым. Жаль, Чехов не читал чикагцев.

МБ: У всякой «густоты» свой генезис. Это некоторая дистилляция – «густого» из «обильного».

А как эта дистилляция происходит в вашей исследовательской практике?

ДР: Очень по-разному. Но основное, что связывает все мои проекты, – состояние растерянности. Это самое устойчивое, что может быть вынесено из поля. Любое более или менее серьезное поле, где было что-то такое, о чем ты мог подумать или о чем ты хотел бы, чтобы подумали другие, – проходило у меня этап растерянности. Полного непонимания. Причем он самый длительный. И эта фрустрация накрывает очень сильно. Потому что обильность [материала], как правило, представляет собой мусорную кучу, с которой ты не понимаешь, что делать. А в поле нужно уметь не принимать решение, вернее, отказывать себе в постановке вопроса о принятии решения на предмет того, что важно, что не важно.

Конфликт важного и неважного становится особенно пагубным, когда, с одной стороны, у тебя есть «важно» или «не важно» с точки зрения твоего исследовательского вопроса, а с другой – «интересно» и «неинтересно», на что ты обратил и на что не обратил внимание. И когда происходит конфликт между «важным» и «интересным», возникают самые большие сбои. Потому что на самом деле то, что привлекло твое внимание, и есть подлинно важное. Даже если оно не вписывается в твою исследовательскую установку, в запрос заказчика, забудь про это. Скорее всего, впишется потом. Но если ты не зафиксируешь это, если ты начнешь блокировать свой интерес, последствия могут быть катастрофическими.

Нужно постоянно задавать себе вопросы: а на что ты обратил внимание? на чем ты споткнулся? Это может быть что угодно. Что-то – в кабинете. Что-то – «в огороде» у твоего респондента. Что-то – в твоих мыслях: раз – и вдруг тебе стало неудобно. Очень важно это неудобство зафиксировать. Ты разберешься с ним потом, а в ходе интервью ничего не поймешь.

Общая установка – на то, чтобы как можно более детально фиксировать то, на что упало твое внимание, и дальше рефлексировать по поводу этого внимания. Это сложно, когда основные усилия уходят на то, чтобы собрать «породу». Нам доступны самые разнообразные способы фиксации информации, и всё в одном устройстве – телефоне. Вроде бы здорово, но парадокс в том, что зафиксированное, как правило, уходит в небытие. Нет лучшего способа, чтобы потерять ткань повествования, чем сделать запись на диктофон. Ты успокаиваешься сознанием того, что оно записано, а на деле всё это – в тину. И когда ты прослушиваешь запись, у тебя уже процентов шести-десяти информации нет. У тебя нет контекста, нет твоих мыслей. Всё скукоживается до неразличимости.

МБ: Как происходит «сжатие»?

ДР: За счет абсолютно формальных требований к себе, к своему письму. Через письмо.

Два года назад умер мой любимый современный писатель Алексей Слаповский, из Саратова. Он как-то в шутку предложил такой новый стиль – «сто-слова». Уложить главное в сто слов – ну, не обязательно именно в сто. Просто ты говоришь себе, что расшифровку на сорок тысяч слов тебе нужно уложить, например, в двести. Я им начал активно пользоваться. Мне очень помогает. В какой-то момент обнаруживается, что даже предлоги функциональны. Редактор говорит тебе, что здесь надо отредактировать, и ты сразу: «Стоп! Не надо. Это очень важное слово. Если я его заменю, то у меня изменится общее количество. Это слово здесь стоит осмысленно». Я долго думаю, что куда поставить. Правила могут быть и другими. Смысл в том, что ты создаешь себе некоторые ограничения за счет правил, в которые ты должен вписаться, и поэтому ты более внимательно смотришь на язык, которым производишь высказывание, и ищешь другие речевые способы выражения. Вот это – сгущение.

Сгущение, конечно, проще делать на количественном материале, оно в случае с ним производится автоматически. Хотя и там есть подводные камни, и очень большие. У меня был еще один учитель, Сергей Чесноков, математик по мировоззрению и ярый критик современных подходов к статистическому анализу. Его базовая посылка была: ребята, прежде чем браться за те или иные виды анализа, посмотрите, какие условия прописаны для их реализации. Присмотришься – и вдруг базовым условием оказывается случайный отбор, да еще и с нормальным распределением. А ведь ничего этого нет, и что же вы тогда делаете? И он предлагал совершенно другую методологию анализа данных. В социологии обычно просто декларируется, что выборки случайные. Но вся эта «случайность» нарушена с самого начала. Кто полевик, тот понимает. Соответственно, надо подходить к анализу как к не случайному. И не проверять гипотезы о нормальном распределении и отклонении от среднего. У нас же чуть ли не все статистические методы построены на работе с дисперсией, с отклонением. Но для этих отклонений есть очень жесткие условия в плане того, с какого рода распределением они работают и как были собраны данные, потому что проверяется гипотеза о случайности распределения. А если данные были собраны не по этому принципу, что вы проверяете? Тут, конечно, сгущение проводится через математические процедуры, но это не снимает очень важной задачи постоянной рефлексии по поводу того, что же стоит за каждым твоим приемом. А иначе – черный ящик, в который ты что-то забросил и что-то из него вынимаешь.

Очень часто к такому черному ящику тяготеют и качественные. Взять хотя бы преклонение перед *grounded theory*. Когда ты идешь по формальной процедуре свободного кодирования, осевого кодирования и так далее, ты в одном шаге от того, чтобы начать считать проценты. Кто-то и считает эти проценты несчастные. Всё от желания передать машине

свою ответственность: «Пусть оно всё как-то соберется в облако». Одно время это было общим местом: каждый отчет содержал эти облачные структуры с тегами, люди сидели и медитировали на них. А что медитировать? Что там особенного?

Так что в сборе данных самая важная процедура – это динамическое поддержание растерянности и преодоление фрустрации. Ты должен быть растерян, но не фрустрирован своей растерянностью. А в анализе, в сгущении данных основная задача состоит скорее в том, чтобы выдерживать сверхкритичную позицию к тому, на каких основаниях ты действуешь. Задавать себе простой вопрос: что вообще я делаю? Нет, его нельзя задавать постоянно, иначе ничего не сделаешь. Но с какой-то периодичностью. Это должно быть прописано в протоколе. Два-три дня работаешь, и бац – что я делаю? И давай, критикуй себя как хочешь.

МБ: Хочу вернуться к вашей «апологии растерянности». По аналогии с зиммелевским «исследователь – это профессиональный чужак» для вас уместно говорить о «профессиональном растерянном»?

ДР: Вполне. Я говорю еще о «профессиональном шизофренике». У хорошего исследователя, кроме сомнения, кроме потерянности, всегда возникают структуры вроде «с одной стороны... с другой стороны...». То, что вменялось оставшейся российской интеллигенции как отсутствие определенности – «Вы уж определитесь, с кем вы», – является и базовой чертой научного сотрудника. У него определенности нет. Как только он находит сильнейшие аргументы в пользу какого-то суждения, неопровержимые доказательства, он тут же автоматически, если он научный сотрудник, ищет способы опровергнуть их – и, конечно, находит. Поэтому у него возникает эта конструкция – в духе мема «Не всё так однозначно». Ты не можешь ни о чем сказать с убежденностью, не добавив нотку сомнения. И чем дольше ты на ней будешь оставаться, тем больше сомнений будет вырастать.

Я люблю одну метафору Поппера. Он говорит, что объекты делятся на два типа. Есть объекты-часы, в которых имеется механизм, и если нам повезет, то мы сможем его разгадать. Механизм может быть бесконечно сложным, и не исключено, что к окончательной разгадке мы не подойдем, но мы всё равно понимаем, что эти объекты работают как механизм. А есть объекты, которые работают как облака. Мы можем пытаться объяснить их как механизм, но нас всё время будет преследовать странное ощущение, что так мы их описываем очень плохо. И вовсе не в силу разделения на гуманитариев и технарей, а в силу онтологического разделения мира и структур, которые мы изучаем. И большинство социальных отношений вписывается в архитектуру именно облачного типа.

В связи с этой простой, но сильной попперовской метафорой возникает много любопытных сюжетов. Начинаешь сам себя ловить на мысли, что ты

понимаешь, что описываешь облачную структуру, но невольно используешь механизмы описания часовой и создаешь артефакты. Хочешь не хочешь, а создаешь, поскольку у тебя такой инструментарий. Это уже метафора Льюиса Козера – сантехник с набором ключей. Он видел социолога как того, кто умеет подобрать правильные ключи. Но ведь это говорит о том, что если ты через такую метафору работаешь, то у тебя объекты – механизмы. Выходит, тебе предзадана очень странная конструкция, которая тебе создает иллюзию понимания мира. Но ты его понимаешь лишь потому, что работаешь с моделью, и тебя ждут огромные разочарования, если что-то пойдет не так. Пока социальная структура воспроизводит себя и нет каких-то всплесков, модель механизма – рабочая. Она дает результаты. Но как только проявляется непредсказуемость, связанная с облачной природой объекта, у тебя всё летит, и ты становишься абсолютно ненужным со всеми своими теоретическими построениями.

У меня недавно было исследование, посвященное рынку труда. Я разговаривал с региональными чиновниками и с бизнесменами по поводу занятости. Мне нужно было быстро сдать статью, я ее написал – и думаю: на кой вот так ее сдавать? И я каждому своему ключевому респонденту отправил статью, выделил его места и говорю: слушайте, а вот с чем вы согласны, с чем нет? И началось. Текст написан, ты его выстрадал. А человек говорит: вот это убери, а здесь не так надо. И понятно, для них главное не стилистические особенности изложения, а угрозы и риски. Может быть, это и неправильно – так дознаваться до подноготной. Но я исходил из того, что важнейшие соучастники твоего проекта – это те, с кем ты говоришь. Твои респонденты – они соучастники. Они не твой материал, не объект, из которого ты чего-то вынимаешь, а потом их подставляешь. В лучшем случае возьмешь информированное согласие, а текст им не покажешь на всякий случай, чтобы они чего-нибудь не изменили. И я пошел по пути, на самом деле очень неудобному, потому что здесь вдруг твое личное пространство начинает сжиматься, чего делать не хочется.

МБ: Надо полагать, «индуцировать неудобство» таким образом регулярно – проблематично.

ДР: Я не считаю это единственной возможной линией. Но это та линия, которая позволяет еще раз сделать акцент на том, что исследование – это не твоя вотчина. Это не твоя рукопись. Это коллективное действие, в котором очень важна драматургия взаимодействия. И то, что респонденты выкидывают, я складываю на отдельную полочку, благодаря чему у меня теперь есть дополнительная возможность осознать границы допустимого.

Вот пример. Один респондент рассказывал о своих взаимодействиях с одной госкорпорацией. Он предложил им свое представление: вот смотрите, вы проводите эти измерения, но фактически измеряете то, чего нет, попробуйте лучше сделать вот

так. Написал в региональный Росстат целое письмо, где обосновывал, как измерять некую ситуацию. Ему пришел ответ в духе: вообще-то у нас утвержденная методика, чего вы сюда суетесь? И он в разговоре говорит мне дальше – «Идите лесом со своими предложениями». Красиво. Я это «идите лесом» оставил. Он мне пишет: «Ну слушайте, уберите „идите лесом“». Но ведь через эту нюансировку слышно его отношение, слышна его боль. Человек пишет развернутое предложение в госструктуру, он болеет за свое дело. И понятно, что эта эмоциональность – она же ему в плюс. Человек не просто адекватный, но и эмоционально включенный в ситуацию. А для него самого – нет. Он чувствует, что здесь есть нотки оскорбления. И что та сторона, кондовая, так и воспримет: «Не было такого». Формированию такой исследовательской повестки я сам только учусь. Ты постоянно пытаешься произвести над собой насилие в чистом виде. Думаешь: это же мой текст!

МБ: Какие еще были прекурсоры у ваших сегодняшних методологических оснований?

ДР: Очень помогает коммуникация, общение с другими. Я абсолютно уверен, что этнографическое заблуждение, миф, будто исследования делаются великими людьми в одиночку, должен быть окончательно изжит. Все исследования у нас так или иначе продукт коллективный. Если ты это не понимаешь, значит, ты занимаешься чем-то другим, но не исследованием.

Эти остановки и дискуссии важны чрезвычайно. В русском языке нет хороших слов, чтобы их описать. Это не мозговые штурмы. Скорее уж сессии. К сожалению, поскольку мы мало пишем о методе, то у нас не развит и аппарат описания того, что мы делаем. Мы выдаем статьи – не важно, заказчику или в научный журнал, – и обычно под метод отведен от силы абзац, за ним – основные выводы. А по-хорошему, выводы должны быть перемешаны с методом – с чего я и начинал. Именно так это было в Чикагской школе. Попробуйте в их нарративах найти где-то метод. Он встроен в повествование.

Я чуть раньше сказал, что российские мыслители не дотянули до научно-исследовательских работ. А чикагцы, наоборот, чуть не дотянули до нашей публицистики, до широкого распространения журналов в интеллектуальной среде. И расплатились отсутствием большой полемики [вокруг своих работ]: я бы не сказал, что Чикагская школа широко распространила свое влияние даже на сами Штаты – ее влияние точно было меньше, чем влияние Чернышевского и Герцена на умы в России. Так что к чикагцам стоит относиться критически, но там есть к чему относиться, без всяких сомнений.

Меня в их отношении даже больше интересует период угасания их традиции, отход от нее. Это хорошо прослеживается по *American Journal of Sociology*, когда вдруг начали господствовать количественные методы, регрессионный анализ как ме-

таподход, безо всяких реверансов в сторону чего-то другого. Хотя выводы, которые мы видим в таких работах, в содержательном плане, как правило, никчемные, но эти методы как произвели фурор с полвека назад, так и закрепились и до сих пор непоколебимы. И тут судьба Чикагской школы тоже совпадает с судьбой наших классиков-публицистов XIX века.

У Нормана Дензина – он умер в 2023 году – был манифест качественной социологии, где он писал: ребята, ваше увлечение доказательной политикой, где в качестве доказательств задействуются регрессионные модели, – это разрушение позиции человека как действующего лица (см. подробнее: [Denzin, 2023; Рогозин, 2023]). Вы это не проговариваете, вы можете писать, как у нас любят, про «человекоцентричную политику» и так далее, но, поскольку вы выстраиваете причинно-следственные связи таким образом, вы человека объективируете, он для вас объект с некоторым набором свойств, на которые можно влиять как на машину. В вашем мировоззрении человек стал машиной, а значит, вся социальная политика через это реализована.

МБ: Всякое очередное возвращение наивного позитивизма характеризуется тем, что позитивизм этот все более изощренный, complex, но не менее наивный в своей сути.

ДР: Я думаю, это даже не позитивизм. Позитивизм в карнаповском изводе развивался как стремление выстроить систему понятий и работать с ними, предполагал представление о том, что любое исследование сводится к проверке гипотез и формированию основных концептов, которые должны проходить операционализацию. Это традиция, которая включает в себя и другую логику, в том числе индуктивную. У позитивизма есть границы, Витгенштейн их хорошо определил, и люди, которые обладают позитивистским мышлением, понимают границы его применения. Позитивизм пытались преодолеть. Можно ему противостоять, можно с ним полемизировать, до сих пор можно даже занимать позицию позитивиста и не отходить от научной логики.

То, о чем я говорил, – нечто другое, вне сферы образования, вне больших концептуальных, мировоззренческих структур. Я бы назвал это «менеджерially» подходом. Своего рода «галлюцинирующий» искусственный интеллект: ты становишься узлом как бы интеллектуального действия, но оно абсолютно пустое. Оно работает не со смысловыми содержаниями – в отличие от позитивизма. Это когда люди пытаются выставить цели бюрократическим образом, но даже цель для них не база. Никто из них не думает всерьез, что же является целью. Всерьез думают о двух вещах – о сроках и об исполнителях, ответственных лицах. В «менеджерially» режиме это понятная процедура. Ты управленец, твоя главная задача – следить за подчиненными, вызывать их на ковер и проверять, насколько они соблюдают сроки, – в общем,

поддерживать работу машинерии. И ладно бы это было управленческое действие – беда в том, что оно перенесено на науку, против чего Дензин и выступал. Он говорил: коллеги, вы не заметили, как все процедуры научного познания, где полученные знания являются проблемными и у самих производителей знаний есть стремление к тому, чтобы их опровергать, – вы заменили менеджериальными посылами, с конечной целью не опровергать, а бесконечно подтверждать собственный статус. Таким образом, наука переняла все методы использования озлобленного маркетинга против своих оппонентов. И всё, науки как таковой дальше и нет.

Школа (в) социологии

МБ: Когда чикагцы начинали работать, они себя школой не мыслили. Они работали – вместе и порознь. Однако постфактум стало понятно, что они составляют школу. Но меня всё чаще посещает сомнение, актуально ли сегодня само понятие «школа». Институциональная динамика теперь совершенно другая. После многочисленных методологических поворотов, в эпоху сетевых исследовательских проектов, временных коллабораций, партисипаторных исследований возможно ли, на ваш взгляд, формирование новых социологических школ – в исходном понимании термина?

ДМ: Я считаю, что возможно. Мне кажется, механизмы остались тем же. «Мы здесь сейчас» и «они там тогда» – это один временной континуум. А что до школ, то они формируются не первым, а вторым поколением исследователей. Теми, кто обращается к работам не с точки зрения воспроизводства тех или иных направлений, а с точки зрения изучения того, что там было. Когда предметом исследования становятся сами исследования, которые были проведены первой волной. Точно так же и Чехов стал классиком за счет работы литературоведов, хотя не последнюю роль сыграла рецепция его пьес на Западе.

То же у нас в социологии. Самая большая горечь исследователя – то, что его не читают, не критикуют. Пока твои труды лежат без движения, не то что школа невозможна – никакая рецепция твоих идей.

Школа, как ни парадоксально, представляет собой механизм эмбрионного типа. Она способна пребывать в зародыше довольно продолжительное время. Так, я могу себе представить, что сформируется устойчивое представление о Шанинской школе. Оно и сейчас есть, но не такое устойчивое, как о той же Чикагской школе. При всем при том в случае с Шанинкой мы видим разнообразие подходов: это не только крестьяноведение и качественный метод, но и много чего еще – хотя бы Крыштановский, который занимался количественными методами [Крыштановский, 2006]. Но это может случиться только в том случае, если будет продолжаться работа с наследием, будут не только продолжаться конференции ритуального типа, Шанинские чтения ка-

кие-нибудь, но и будет взгляд на то, что же делалось, и будут отдельные исторические, историографические работы, а также лингвистические, с анализом текстов. Когда такое делается, возникают школы.

Самая известная в России школа – это Московский методологический кружок. Его образовали четыре совершенно разных человека. Даже Грушина и Зиновьева рядом представить трудно, а добавить Мамардашвили и Щедровицкого – полное безумие. Но они собрались в кружок, и мы интуитивно видим – прямо как сетку – то общее, что объединяет эту четверку. Хотя понятно, что усилия, связанные с методологами, были поддержаны и властью, и другими структурами. Щедровицкий выпал, став слишком тяжелым для того, чтобы находиться в кружке. Но в любом случае здесь можно уверенно оперировать понятием школы.

Я уж не говорю о школах в лингвистике и филологии. Это более устойчивая форма работы в гуманитарном знании, особенно в том, что касается древних текстов, где было меньше давление конъюнктуры. Там у нас вполне себе мощные школы и имена. Допустим, Гаспаров. Рядом с ним – его друг Аверинцев. Огромное направление с очень широким спектром людей, которые не столько входят в эту школу, сколько конституируют ее, постоянно обновляют и поддерживают ее восприятие в публичном пространстве.

Так что да, я считаю, что и сейчас школы формируются. Другое дело, что мы как современники очень хотим, чтобы это происходило быстрее. Хочется, чтобы школа уже была – в настоящем. Правда, если мы говорим о научных школах как о концепте, вполне нормально настоящим считать условно столетний период, а не пятилетний. Вопрос «А что есть настоящее?» применительно к формированию школы – это именно вопрос, ответ на который нужно искать, формулировать, обосновывать.

Если говорить о школах, давайте смотреть тогда, что было разрушено в 1920-х и к какой фрагментации знаний привело. А можно пойти и дальше. Попытка постоянно извлекать из себя и заимствовать новые методы – это и есть первое действие по разрушению интенции к формированию школы. Смирение, послушание, поиск своих мыслей в текстах предшественников – вот первые условия для того, чтобы школы конституировались в текущем режиме. А что касается общих политических и социальных, интеллектуальных условий – всё это есть и никуда не уходило. Единственное, обидно, конечно, что на Западе это реализуется регулярно, и мы это безоглядно копируем.

Для формирования школы не нужны толпы поклонников. Нужна очень узкая группа, участники которой друг на друга ориентированы и формируют общую повестку, но не с точки зрения своего вклада – «Вот мы вчетвером сделали что-то новое», – а с точки зрения вклада предыдущего поколения. Вот если это сформируется – всё, школа будет.

Социологи и социальные реформаторы

МБ: К вопросу интенциональности. У чикагцев заметна установка на то, чтобы преобразовать социальную реальность. Их проекты часто были призваны изменить то, что они наблюдали в поле.

А исследовали они зачастую бедные районы, маргинальные группы. В известном смысле то была перформативная социология. Насколько эта «гражданская перформативная» составляющая близка лично вам и как вы видите ее место в современных исследованиях?

ДР: Эту традицию очень ярко продолжил погибший в феврале 2025 года Майкл Буравой. Если мне память не изменяет, он прямо ссылаясь на чикагцев. И конечно же, эта участвующая социология – она у него названа «публичной социологией» – и выступает базовым условием его метода [Рогозин, 2009].

Единственное, Буравой, я бы сказал, революционер от теоретиков. Он пошел до конца. У него же был тезис, что надо забыть про западную традицию и искать традиции в других местах – в частности, в африканских странах. И Россию он очень любил.

У нас зачастую Буравого знают по декларациям – с его типологией, с выделением профессиональной, критической, прикладной и публичной социологии, – но ведь он занимался этнографией и показывал свой метод в своих же работах. Они небезупречны, можно высказать много претензий к тому, что он увидел и как и что он делал. Особенно на нашем материале – он в Сыктывкаре, по-моему, на заводах работал. Тем не менее видно, что extended case method – «расширенный кейс-метод» [Burawoy, 2009], который он развивал, отчетливо коррелирует с чикагской традицией, он ее просто продолжает. Идея тут очень простая. Рассматривая частный случай, кейс, как значимое, для того чтобы увидеть внутренние связи на уровне микромира, ты обязан поставить его в широкий контекст, и с такой точки зрения в этнографии оказываются легитимны и статистические таблицы, если они релевантны твоей посылке. Буравой пытается это показать через расширенный кейс-метод, выстраивая индивидуальное описание в контексте как можно более широком.

Пока не сложилась, но, я уверен, может сложиться школа Буравого: он многое сделал, много позиций занимал, много чего сказал, у него возникло много последователей. Будет ли развитие? У нас Буравой был всерьез воспринят в Высшей школе экономики: вспомним Елену Ярскую-Смирнову, Никиту Покровского. Буравой был очень дружен с Ядовым. Каждый раз, когда он вбрасывал какую-то статью о публичной социологии, происходил всплеск его рецепции в России. Правда, устойчиво поддерживать эту линию у нас пока, по-моему, не получается.

Я упомянул Буравого, но это не единственная линия, которая восходит к чикагцам. Конечно, нельзя всё что ни попадя привязывать к ним: все-таки

мы должны отдавать себе отчет в том, что эта традиция прервалась. Ничто не прерывается полностью, но от огромной полноводной реки остались ручейки. Допустим, лазарсфельдовская линия получила большее влияние – через Американскую ассоциацию исследователей общественного мнения. У чикагцев мы не видим поддержки со стороны такого мощного института, потому что было очень много конкурирующих направлений, интеллектуальных групп, которые оттягивали на себя внимание, – допустим, Манчестерская школа и, шире, вообще антропология.

Кстати, тоже вопрос: чикагцы – они вроде бы этнографы и антропологи, но не совсем. Вроде и социологи. А больше даже урбанисты – с их участвующей социологией, с вовлеченностью в проектирование среды. А вот с Лазарсфельдом с Мертоном все проще: они вроде бы разные, но задача предсказания выборов как проверка на вшивость того, что вы делаете, прогноз явки и распределения голосов сконцентрировали вокруг себя всё то, что называется политической социологией. Поэтому в случае с ними мы говорим об огромнейшей унаследованной традиции, а с чикагцами – ничего подобного. Я бы не говорил, что их традиция продолжалась напрямую, хотя посыл был колоссальный. На тот момент, когда они развивались – условно, пока был жив Роберт Парк, – они были доминантой в американской социологии, а значит, и в мировой.

МБ: Сразу вспоминается концепция естественных ареалов города – и так далее. Не чувствую натяжки в том, чтобы назвать их урбанистами.

ДР: Да, их запросто можно переопределить в том смысле, что никакие они не социологи. Они использовали социологические концепты, а на самом деле были классиками урбанизма. В этом будет много правды. Просто тогда нужно подвести под это базу и увести их из социологии полностью. Социологи, конечно, будут сопротивляться, но кто их спросит, если устанутся эта система различий. Один из миров, с таким развитием научного знания, вполне можно себе представить.

МБ: Чем еще знамениты чикагцы, так это вниманием к маргинальному, к делинквентному. Кажется, что вы сегодня занимаетесь если близкими, то смежными темами. Той же бездомностью. При том, что аппарат исследований и оптика у вас определены иные. Вы здесь сверяетесь с теми же чикагцами или с какими-то другими школами?

ДМ: В этих исследованиях не так много науки, как хотелось бы. Они, правда, не чисто заказные – скорее партисипаторные. Я включаю сюда и государственные программы разного рода, и частные инициативы, которые загоняются в рамки концепции социально ответственного бизнеса. Вес участия заинтересованных сторон тут гораздо выше, чем у поиска истины. Другое дело, что уместно задаться вопросом: а у чикагцев-то как было? Не находились ли они в похожей ситуации?

Что интересно, когда мы занимаемся маргинальным, мы видим это маргинальное в повседневности так называемых простых людей. Простота, к которой стремится статистическое измерение, подстегивает наше ожидание увидеть среднее – и чтобы распределение было не просто нормальным, а вообще без всяких отклонений. Вот только в исследованиях мы видим, что общая картина показывает не нормальное распределение, а хаотичное – и всё становится непонятно даже на уровне самых обычных практик «простых людей», которые подпадают под все представления о правильности: жил в одном месте, с пропиской, закон не нарушал. А внутри, при других переменных, всё распадается в разные стороны.

МБ: Здесь всё еще остаются основания в каком-то изводе различать девиантное?

ДР: Сама по себе линия девиантности – изучение групп, которые маркируются как чужие, чужие и опасные, так или иначе, с поведением, которое «может угрожать таким, как я», – сначала была мотивом чисто исследовательским. Затем ее взяли на вооружение политики, и она перешла в сферу управления и популистской политики, где и закрепились. Нельзя сказать, что она напрочь вытеснена из социальных исследований и обследований; Батыгин различал исследования и обследования исходя из наличия внешних стейкхолдеров, которые определяют повестку. В обследованиях эта линия, пожалуй, сохранилась – понятно, что мы изучаем.

А вот в исследовательской практике это незначимая переменная, поскольку различия лежат в другой плоскости, не в плоскости того, «бездомный» ты или «домашний». Сама бездомность становится сложным конструктом, и мы вполне обоснованно обнаруживаем бездомность среди тех, кто, казалось бы, имеет все первичные признаки «домашности». Допустим, у человека есть не только прописка, но и право собственности на дом, вдобавок он там же и живет. Но при всем при том – бездомный по другим характеристикам. Например, лишен возможности свободно выходить из дома, распоряжаться собой, потому что прикован к постели. Он не имеет права распорядиться домом. Плюс ко всему над ним совершается насилие. Я говорю в мужском роде, но чаще перечисленное применимо к женской бездомности. Она в основном не уличная, она «домашняя». И когда мы проводим такую многокритериальную линию, то вдруг обнаруживаем, что бездомность – категория континуальная, и мы ее можем наблюдать даже в элитных поселках – в той или иной части. Вот допустим, что такое бездомный? Это тот, у которого нет места уединения, особенно для справления нужд. Пусть не теплый сортир дома, но хотя бы будка во дворе должна быть.

А теперь посмотрим на себя. Вот ты вышел из своего дома в обычном российском городе и куда-то движешься. Много ли мест, где ты можешь зайти в туалет? И как тебя воспримут в случае, если ты зайдешь в какое-то заведение, и что ты должен

делать, чтобы зайти? Купить кофе или еще что-то? Как минимум ты должен попасть в район, где есть кафешечки. А если ты среди кварталов жилой застройки, там поди найди, где сходить в туалет. А если у тебя острая потребность? Например, ты беременная или у тебя какое-то заболевание и тебе нужно справлять нужду гораздо чаще. Все, на тебя будут коситься, а если ты не удержался... Ты маргинализован мгновенно.

Не то чтобы тема была мне невероятно близка. Она мне нравится, но так сложилось, что очень много исследований, которыми я занимаюсь, лежат в сфере изучения бедности – в широком смысле слова. У нас, к сожалению, в эту категорию часто попадают и старики, и, уж подавно, бездомные, и, как ни парадоксально, семьи с детьми. У нас как: хочешь стать бедным – рожай больше детей. Несмотря на то что есть государственная политика [в сфере демографии] и много чего еще, статистика – вещь упрямая, и в соответствии с ней вероятность того, что твои доходы будут снижаться, прямо пропорциональна тому, сколько несовершеннолетних членов семьи в домохозяйстве. Ничего не попишешь.

Поэтому прежнее понимание девиантных групп, на мой взгляд, несостоятельно в свете того многообразия социальных практик, которые мы видим. Если всё же использовать термин «девиация» – за ними же стоят некоторые концепты, – то я бы его применял к ситуации, в которой находится человек, а не к самому человеку. Мы можем регулярно оказываться в ситуации конструирования девиации, прежде всего самодевииции, когда нам самим неудобно, стыдно. Мы чувствуем неловкость, нам плохо, и мы чувствуем, что мы чужие на этом празднике жизни. Все идут, любуются уличной иллюминацией, а мы хотим в туалет. Кто здесь девиант? Конечно, человек, который жутко хочет в туалет, становится чужаком для других. Мгновенно.

Великие исследования и великие люди

МБ: Кажется, что отчасти (не скажу – благодаря чикагцам, но через их рецепцию) и сформировался миф о том, что великие исследования делают великие люди, которые уходят в поле на пять лет – в еврейское гетто, в банду потомков эмигрантов из Италии – и создают этнографический тагнит орус.

ДР: Ровно так. Чикагскую школу воспринимают в большей степени через учебники. А учебники пишутся, как правило, идиотами. И вот эти идиоты ориентируются только на имена. Мы же историю социологии знаем, в сущности, по пяти именам. Вот что такое Вебер? Вебер – это огромное количество его рецепций. Целое исследовательское направление. То же самое с чикагцами. Даже если мы возьмем классические примеры, когда один человек куда-то уходил, например общаться с членами банды. За этим стояли те люди, которые остались на полях. С кем он общался, с кем

поддерживал отношения. Они играют не меньшую роль в его исследовании, чем он сам. Если человек туда попал и закрылся, он ничего не напишет. К сожалению, то, как это подано, порождает иллюзию, будто можно в одиночку пойти и всё изучить. И эта иллюзия бьет молотком по голове нашим аспирантам. Самое частое, что я вижу у аспирантов, — это полное уныние и ощущение, что ты последний человек на планете, потому что не можешь разобраться в чем-то. Так ты и не должен разбираться! Это твое базовое качество как аспиранта — не разбираться: ты не один здесь не разбираешься. Тут скорее нужно говорить о том, что ты не выстроил отношения со своим научным руководителем, со своими коллегами, с исследовательским коллективом.

Но дело не ограничивается чикагцами. Это общая тенденция. Наше стремление кого-то поднять, прислониться к авторитету, перетянуть одеяло в какую-то сторону. И требуется отдельное усилие, чтобы с этим работать.

Источники

- Ефременко, Д. В., и Николаев, В. Г. (2024). Мыслители города ветров: Прагматистская социальная наука в Чикаго в первой половине XX века (Н. Е. Покровский, Ред.). Москва: ИНИОН РАН.
- Крыштановский, А. О. (2006). Анализ социологических данных с помощью пакета SPSS. Москва: Издательский дом ГУ ВШЭ.
- Николаев, В. Г. (2015). «Золотой век» чикагской социологии. В Д. В. Ефременко (Ред.), *Чикагская школа социологии: Сборник переводов* (с. 5–17). Москва: ИНИОН РАН.
- Николаев, В. Г. (2009). Многомерные и редукционистские стратегии в чикагской социологии: случай человеческой экологии. *Социологический журнал*, (2), 18–55.
- Рогозин, Д. М. (2023). Правда Нормана Дензина: введение в научный некролог. *Социологическое обозрение*, 22(3), 376–386.
- Рогозин, Д. М. (2009). Публичная социология по Майклу Бураову. В В. Куренной (Ред.), *Мыслящая Россия: История и теория интеллигенции и интеллектуалов* (с. 351–365). Москва: Некоммерческий фонд «Наследие Евразии».
- Томас, У. И., и Знанецкий, Ф. (2008). *Польский крестьянин в Европе и Америке* (В 2 т.; В. В. Горохов, Пер.). Москва: Издательство ЛКИ.
- Ядов, В. А. (2003). Динамика самоопределения граждан: Кто я и кто мы? Признаки преодоления травмы идентичности. *Телескоп: Наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев*, 1, 2–3.
- Ядов, В. А. (2012). Каким мне видится будущее социологии. *Социологические исследования*, (4), 3–7.
- Atkinson, P. (2013). Blowing hot: The ethnography of craft and the craft of ethnography. *Qualitative Inquiry*, 19(5), 397–404.
- Atkinson, P., & Hammersley, P. (2007). *Ethnography: Principles in practice*. London: Routledge.
- Burawoy, M. (2009). *The extended case method: Four countries, four decades, four great transformations, and one theoretical tradition*. Los Angeles, CA: University of California Press.
- Denzin, N. K. (2023). The elephant in the living room, or extending the conversation about the politics of evidence, part 2. In N. K. Denzin, Y. S. Lincoln,
- M. D. Giardina, & G. S. Cannella (Eds.), *The SAGE handbook of qualitative research* (pp. 549–566). Sage.
- Hammersley, M. (1992). What's wrong with ethnography? London: Routledge.
- Thomas, W. I., & Znaniecki, F. (1918–1920). *The Polish peasant in Europe and America* (Vols. 1–5). Chicago, IL: University of Chicago Press.
- Whyte, W. F. (1943). *Street corner society: The social structure of an Italian slum*. Chicago, IL: University of Chicago Press.

THE METHOD OF DESCRIPTION AND THE EXPERIENCE OF FREEDOM

Dmitry M. Rogozin, Field Interviewer, Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher, Institute of Sociology of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (FCTAS RAS); Head, Laboratory for Methodology of Social Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA); Moscow, Russian Federation.
E-mail: rogozin@ranepa.ru

Mikhail M. Bode, Independent Researcher; Founder, Beyond Research bureau.
E-mail: mikhail.bode@gmail.com

In this interview, Dmitry Rogozin reflects on the Chicago School of Sociology not merely as an institution, but as a community of colleagues and contemporaries with whom he conducts a mediated dialogue, appealing to their methodological honesty and their ability to avoid drawing unnecessary boundaries between methodology and the description of results, between literature and academic writing. Rogozin draws parallels between the Chicago School and Russian classical literature (Tolstoy, Leskov, Chekhov), seeing in both traditions a mastery of the "concentration of detail" and the creation of a "great ethnography." A leitmotif of the conversation is the concept of "professional perplexity" as the preferable basic state of the researcher: registering points where the gaze "stumbles," reflecting on one's own interest, and maintaining indeterminacy serve as the preconditions for thoughtful inquiry. Another line of discussion concerns the very idea of a school: Rogozin compares the Chicago School and the Shanin School. A school becomes possible through sustained work with an intellectual legacy, a search for ideas in the texts of predecessors, and the capacity to listen—within a small circle rather than before a crowd of admirers. This small group then becomes capable of changing social reality, acting not only through texts but also by engaging with it directly. The critical thrust is directed against the dominance of a particular strain of quantitative methodology and a "managerialist" approach in the social sciences. Alongside these themes, the interview touches

on other scholarly interests of Dmitry Rogozin: the public sociology of Michael Burawoy, and research on the marginal and the everyday.

Keywords: Chicago school of sociology; Anton Chekhov; ethnography; marginality; Karl Popper; professional perplexity

Citation: Rogozin, D., & Bode, M. (2025). "The Method of Description and the Experience of Freedom": An Interview with Dmitry Rogozin. *Urban Studies and Practices*, 10(4), 18–29. <https://doi.org/10.17323/usp104202518-29>

References

- Efremenko, D.V., & Nikolaev, V.G. (2024). *Mysliteli goroda vetrov: Pragmatistskaya sotsial'naya nauka v Chikago v pervoy polovine XX veka* [Thinkers of the Windy City: Pragmatist social science in Chicago in the first half of the 20th century] (N.E. Pokrovskiy, Ed.). Moscow: INION RAN.
- Kryshtanovskiy, A.O. (2006). *Analiz sotsiologicheskikh dannykh s pomoshch'yu paketa SPSS* [Analysis of sociological data using SPSS]. Moscow: Izdatel'skiy dom GU VShE.
- Nikolaev, V.G. (2015). "Zolotoy vek" chikagskoy sotsiologii ["Golden age" of Chicago sociology]. In D.V. Efremenko (Ed.), *Chikagskaya shkola sotsiologii: Sbornik perevodov* [The Chicago School of sociology: Collection of translations] (pp. 5–17). Moscow: INION RAN.
- Nikolaev, V.G. (2009). Mnogomernye i reduksionistskie strategii v chikagskoy sotsiologii: sluchay chelovecheskoy ekologii [Multidimensional and reductionist strategies in Chicago sociology: The case of human ecology]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal], (2), 18–55.
- Rogozin, D.M. (2023). Pravda Normana Denzina: vvedenie v nauchnyy nekrolog [Norman Denzin's truth: Introduction to a scientific obituary]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review], 22(3), 376–386.
- Rogozin, D.M. (2009). Publichnaya sotsiologiya po Mayklu Buravovu [Public sociology according to Michael Burawoy]. In V. Kurennoy (Ed.), *Myslyashchaya Rossiya: Istoriya i teoriya intelligentsii i intellektualov* [Thinking Russia: History and theory of intelligentsia and intellectuals] (pp. 351–365). Moscow: Nekommercheskiy fond «Nasledie Evrazii».
- Thomas, W.I., & Znaniecki, F. (2008). *Pol'skiy krest'yanin v Evrope i Amerike* [The Polish peasant in Europe and America] (In 2 vols.; V.V. Gorokhov, Trans.). Moscow: Izdatel'stvo LKI.
- Yadov, V.A. (2003). *Dinamika samoopredeleniya grazhdan: Kto ya i kto my? Priznaki preodoleniya travmy identichnosti* [Dynamics of citizens' self-determination: Who am I and who are we? Signs of overcoming identity trauma]. *Teleskop: Nablyudeniya za pousednevnoy zhizn'yu peterburzhtsev* [Telescope: Observations of everyday life of St. Petersburg residents], 1, 2–3.
- Yadov, V.A. (2012). Kakim mne viditsya budushchee sotsiologii [How I see the future of sociology]. *Sotsiologicheskije issledovaniya* [Sociological Studies], (4), 3–7.

Чикагская школа и современные исследования: что можно использовать из исторического наследия*

Ирина Стародубровская

Роль Чикагской школы в современной науке общепризнанна, различные аспекты ее подходов детально анализируются [Charoulie, 2020; Lal, 1990; Tomasi, 1998]. В то же время эти подходы рассматриваются в первую очередь как часть исторического наследия, а не как набор идей и инструментов, которые можно использовать в современных исследованиях. С одной стороны, это закономерно – наука имеет собственную логику развития, где новые идеи используют классические в качестве фундамента и основы для дискуссии, но не дублируют их. Однако, с другой стороны, создается впечатление, что в случае Чикагской школы ряд существенных ее положений, касающихся процессов урбанизации, был недооценен и выпал из научного оборота либо стал использоваться в других академических дисциплинах, что обеднило последующие исследования этой проблематики.¹

Данная статья не ставит задачу внести вклад в изучение истории либо особенностей взглядов отдельных представителей Чикагской школы. Она представляет рефлексию того, как автор в своих исследованиях городов интенсивной урбанизации на Северном Кавказе использовала те идеи Чикагской школы, которые не привлекали особого внимания социологов, и какие результаты на этой основе удалось получить. Полевые исследования автора на Северном Кавказе продолжа-

* Статья опубликована в рамках реализации проекта ИРН AP23489903, финансируемого КН МНВО РК.

Стародубровская Ирина Викторовна,
профессор, Гуманитарная школа, Уни-
верситет Нархоз; Алматы, Казахстан.
E-mail: irinavstar@gmail.com

Статья посвящена использованию теоретических положений Чикагской школы, связанных с социальной дезорганизацией (аномией), для исследования разрушения социальных регуляторов и формирования социальных условий распространения радикальных исламских идеологий и движений в активно урбанизирующихся северокавказских городах. Анализ проводился на основе результатов многолетних полевых исследований автора на Северном Кавказе, в первую очередь в Махачкале и Грозном. Положения Чикагской школы о двойственном характере социальной дезорганизации, возникающей как из природы крупного города, так и из социального вакуума в результате разрушения прежних регуляторов и несформированности новых в условиях интенсивной урбанизации; об эмансипационных эффектах дезорганизации; об идеологиях и общественных движениях как инструментах противодействия дезорганизации являлись ключевыми в данном анализе.

Исследование показало, что интенсивные процессы урбанизации на Северном Кавказе приводили к размыванию прежней городской культуры и свойственных ей регуляторов, что проявилось в кризисе базовых социальных институтов, в том числе института семьи и брака. Эмансипационные эффекты социальной дезорганизации позволили конфликтам, связанным с кризисом институтов, выступить в острых формах. Социальные предпосылки для распространения радикальных исламских идеологий были созданы возникающими в условиях дезорганизации запросами на жесткую систему правил, не связанную с человеческой деятельностью, а также на легитимацию межпоколенческого конфликта и социального протеста против хаоса и несправедливости. Радикальные исламские движения могли стремиться как уйти от «безбожного мира», так и навязать этому миру новые ценности и нормы либо мирным, либо насильственным путем.

Ключевые слова: Чикагская школа социологии; социальная дезорганизация; радикальный ислам; кризис института семьи; Махачкала

Цитирование: Стародубровская, И. (2025). Чикагская школа и современные исследования: что можно использовать из исторического наследия. *Городские исследования и практики*, 10(4), 30–42. <https://doi.org/10.17323/usp104202530-42>

лись в течение 15 лет, с конца 2000-х, наиболее интенсивно — в 2012–2017 годах. Ключевой темой этих исследований были социальные трансформации, связанные с миграционными процессами. Особое внимание уделялось социальным условиям, способствовавшим распространению радикального ислама.

Объектом исследования в статье выступают региональные северокавказские столицы, в первую очередь Махачкала (Дагестан) и Грозный (Чечня). Махачкала — наиболее крупный на настоящий момент город Северо-Кавказского федерального округа, для которого в постсоветский период были характерны чрезвычайно масштабные урбанизационные процессы, полностью изменившие ее социальный облик. Грозный в советское время был крупнейшим северокавказским городом, который в 1990-е также пережил несколько волн урбанизации, во многом подпитываемой происходящими в тот период политическими процессами.

Статья построена следующим образом. В разделе 1 обсуждаются подходы к наследию Чикагской школы, позволяющие эффективно использовать их в современных исследованиях. В разделе 2 анализируются идеи чикагцев, касающиеся аномии / социальной дезорганизации и способов противодействия данному явлению. В разделах 3, 4, 5 рассматривается применение характерных для Чикагской школы теоретических подходов к анализу, соответственно, условий социальной дезорганизации в северокавказских городах, кризиса институтов семьи и брака как проявления социальной дезорганизации и, наконец, распространения радикальных исламских идеологий как реакции на обстановку аномии / социальной дезорганизации в условиях интенсивной урбанизации на Северном Кавказе. В завершение статьи сформулированы выводы из проведенного анализа.

1. Наследие Чикагской школы — проблемы современной интерпретации

Чем теоретическое наследие Чикагской школы ценно для современности? В первую очередь тем, что ее теоретики базировали свои представления не на наборе абстрактных идей, а на результатах детального анализа города, переживающего активную урбанизацию. Тем самым допустимо предположить, что в своих исследованиях они могли выйти на явления и процессы, характерные не только для Чикаго вековой давности, но и для других городов интенсивной урбанизации в иные исторические периоды. Правда, подобные универсалистские пре-

тензии подвергались критике, и на конкретных примерах доказывалось, что не все выделенные чикагцами тренды характерны для иных урбанизирующихся городских пространств [Southall, 1973]. Однако это не значит, что их концепции не могут рассматриваться как ориентиры и гипотезы, проверка которых должна происходить непосредственно в ходе полевой работы.

В то же время, прежде чем использовать идеи чикагцев подобным образом, необходимо провести определенную аналитическую работу. Во-первых, действительно не все их представления и выводы могли пройти проверку временем. Во-вторых, даже если выявлено сходство выделенных ими и актуальных сегодня процессов, происходящих в городах интенсивной урбанизации, предлагаемые в рамках Чикагской школы интерпретации этих процессов не всегда могут удовлетворить современного исследователя. Мы смотрим на крупный город совершенно иными глазами, чем ученые начала XX века: для нас он является привычным, хотя и достаточно сложным явлением, тогда как для них — в первую очередь источником угроз и дисфункций. Наконец, в-третьих, следует «очистить» идеи «чикагцев» от более поздних наслоений, что особенно важно для анализа процессов перехода от традиционного общества к современному, на восприятие которых наложили серьезный отпечаток подъем и последующий крах модернизационной теории. Именно с этого момента хотелось бы начать.

После Второй мировой войны характерные для ранних социологов представления о социальной трансформации, обозначавшей переход от традиционного общества к современному, были переработаны в глобальную теорию модернизации. Основные ее идеи сводились к противопоставлению традиционного и современного обществ (первое объявлялось статичным, не способным к демократии, характеризующимся незначительной дифференциацией и специализацией, с низким уровнем урбанизации и грамотности); отождествлению модерна с состоянием западных обществ того периода (в первую очередь за образец брались Соединенные Штаты)¹; тезису о единой универсальной модели современности для всего мира. Вестернизация объявлялась безальтернативным путем для любой страны, стремящейся к прогрессу.

Необходимо отметить, что запрос на подобную теорию определялся не только академическим интересом. Ее формирование осуществлялось в период, когда страны так называемого третьего мира массово освобождались от колониальной зависимости и определяли свое будущее. Это происходило

1. Позднейшие исследователи модернизационной теории не без сарказма обращали внимание на то, насколько идеализированным и оторванным от реальности был предлагаемый в рамках теории модернизации идеал модерна: «Для теоретиков модернизации модерн предполагал богобоязненное, но светское общество, где вопросы расы и гендера не имеют особого значения; основанную на частной собственности и при этом полной занятости экономику с высокими зарплатами рабочих, которые в массе имеют в собственности дом и машину и живут в нуклеарных семьях; а также формально демократическую систему, где существует консенсус по целям общества, которые в деталях будут разработаны технически образованной бюрократической элитой» [Gilman, 2003, p. 15].

в условиях острой конкуренции с Советским Союзом на международной арене. Западным странам нужна была альтернативная модель развития, конкурентоспособная по отношению к социалистическому пути. Именно такую роль и пыталась сыграть модернизационная теория. При этом в условиях, когда постколониальные страны далеко не всегда позитивно воспринимали предлагаемые рецепты, считалось допустимым навязывать «правильную» модернизационную траекторию силовым путем, опираясь в этом на «диктатуры развития» (исходя из логики: сначала модернизация, потом демократия).

Однако довольно быстро стало понятно, что модернизационные преобразования приводили совсем не к тем результатам, которые предполагали их теоретики. «Вместо эволюции в направлении свободной конкуренции и демократии наблюдается “эрозия” демократии и тенденция к установлению автократических военных или однопартийных режимов. Вместо стабильности мы видим перевороты и мятежи. Вместо объединяющего национализма и строительства нации – непрекращающиеся этнические конфликты и гражданские войны. Вместо институциональной рационализации и дифференциации нередко происходит распад административных организаций, унаследованных от колониальной эпохи, и ослабление и разложение политических организаций, сформировавшихся в ходе борьбы за независимость» [Хантингтон, 2004, с. 87–88]. Началось разочарование в недавно столь многообещающем подходе, заговорили о проблемах срыва модернизации [Eisenstadt, 1973, р. 47–72]. Широкое движение общественного протеста вызвало военное вмешательство США в развивающихся странах, в первую очередь во Вьетнаме, которое напрямую связывалось с реализацией модернизационной парадигмы. В результате модернизационная теория в ее изначальном виде была дискредитирована и перестала играть значимую роль в академических кругах.

Нельзя сказать, что идеи модернизации не имели ничего общего с представлениями чикагцев и других ранних социологов. И в том и в другом случае теоретики исходили из противопоставления традиционного и современного обществ; и для тех и для других было характерно понимание традиций как барьера на пути модернизации, а в определенной мере – также и культурный детерминизм. Однако это внешнее сходство не должно затушевывать принципиальное различие.

Теоретики Чикагской школы, как и ранние социологи в целом, не стремились делать из процесса модернизации универсальный рецепт всеобщего счастья. Они наблюдали реальную трансформацию социальных отношений и анализировали эти глобальные перемены, пытаясь нащупать их закономерности и последствия. Вполне естественно, что при таком подходе изменениям уделялось больше внимания, чем преимущества, а объектом анализа являлось то, что было непосредственно доступно

для исследования – в данном случае опыт западных стран. Эти во многом неизбежные ограничения исходного анализа могли быть преодолены в ходе дальнейшего развития научной мысли. Однако в рамках теории модернизации они были, напротив, абсолютизированы.

В то же время, не стремясь превратить результаты собственных исследований в рекомендации для всего человечества, ранние теоретики модернизации смогли гораздо более разносторонне посмотреть на характер и проблемы трансформации общественных отношений, выделив те ее моменты, которые во многом недоучитывались впоследствии и не всегда принимаются во внимание вплоть до настоящего времени. Представляется, что возвращение в научный оборот именно этой части наследия Чикагской школы позволяет сделать из нее инструмент современного социологического анализа.

Однако у используемого «чикагцами» подхода также были свои риски. Критически оценивая характерные для модернизационного перехода социальные трансформации, чикагцы, как и другие ранние социологи, могли преувеличивать и абсолютизировать их отрицательные последствия. Это хорошо видно в известной статье Луиса Вирта «Урбанизм как образ жизни» [Вирт, 2005a]. Потеря целостности личности, деперсонализация, незащищенность, одиночество в толпе, психические и социальные отклонения – именно так видит Вирт влияние крупного города. Взгляд Роберта Парка на город более позитивен. Его «маргинальный человек» способен существовать одновременно в разных социальных мирах, и «каждый индивид находит где-то в пестроте и многообразии городской жизни такую среду, в которой он расцветает и чувствует себя непринужденно... находит такой моральный климат, в котором его особая природа обретает стимуляции, доводящие данные ему от природы качества до полного и свободного выражения» [Парк, 2011a, с. 52]. Тем не менее и он не свободен от чрезмерно пессимистического восприятия характерных для города трендов.

Кризис семейно-брачной модели является удачным примером. У теоретиков Чикагской школы бытует представление о том, что в крупных городах роль институтов семьи и брака существенно падает. Вирт называет ослабление родственных уз и упадок социальной значимости семьи одной из причин разрушительного влияния города на личность. Парк, утверждая, что города «населены сегодня по большей части одинокими мужчинами и женщинами» [Парк, 2011f, с. 195], идет еще дальше, прогнозируя «более или менее полное исчезновение еще сохраняющихся традиционных и институциональных форм – в числе прочего, брака» [Парк, 2011f, с. 196].

Мы знаем, что этот прогноз не в полной мере оправдался. Тем не менее разрушение традиционной семейно-брачной модели и кризис этого института в крупных городах – достаточно широко признанный феномен, хотя исследователи и политики разнятся в оценке его причин и остроты [Baskerville,

2009; Busacca, Ryan, 1982]. Поэтому нет однозначного ответа на вопрос, правы ли были чикагцы в своих оценках, – ими идентифицировано реальное явление кризиса, но его отрицательные последствия, судя по всему, были преувеличены. Вывод, который можно сделать применительно к современным исследованиям: необходимо анализировать эволюцию брачно-семейных отношений в условиях интенсивной урбанизации как один из значимых элементов социальных трансформаций. Можно предполагать, что формирование современных городов будет вызывать их кризисное состояние, однако вряд ли стоит ждать, что институт брака отомрет. В целом же важно отметить, что оцениваемая нами как недостаточно адекватная интерпретация последствий того или иного феномена не обязательно ставит под вопрос наличие самого феномена и не отменяет необходимости его исследования.

2. Аномия / социальная дезорганизация как теоретический подход к исследованию социальных трансформаций в городах интенсивной урбанизации

Когда речь идет о теориях урбанизации Чикагской школы, основные дискуссии обычно разворачиваются вокруг идеи «плавильного котла» и неизбежной ассимиляции мигрантов в городах [Alba, Nee, 1997; Southall, 1973]. При этом меньше внимания уделяется одному из центральных сюжетов анализа «чикагцев» и других ранних социологов – проблеме трансформации социальных регуляторов и связанном с ней явлению аномии / социальной дезорганизации в городах интенсивной урбанизации. Для начала более четко определимся с терминами.

Идея аномии как кризисного состояния социального регулирования была предложена Эмилем Дюркгеймом. «Прежняя иерархия нарушена, а новая не может сразу установиться. Для того чтобы люди и вещи заняли в общественном сознании подобающее им место, нужен большой промежуток времени. Пока социальные силы, предоставленные самим себе, не придут в состояние равновесия, относительная ценность их не поддается учету и, следовательно, на некоторое время всякая регламентация оказывается несостоятельной. Никто не знает в точности, что возможно и что невозможно, что справедливо и что несправедливо; нельзя указать границы между законными и чрезмерными требованиями и надеждами, а потому все считают себя вправе претендовать на все» [Дюркгейм, 1994, с. 238]. Чикагцы восприняли эту идею Дюркгейма, определяя аномия как «состояние конституциональной дезинтеграции традиционного общества» [Парк, 2011e, с. 177] либо как состояние «социального вакуума» [Вирт, 2005a, с. 105]. Однако более активно в рамках Чикагской школы применялся термин «социальная дезорганизация». Чикагцы прослеживали связь этого явления с аномией – по Вирту, катего-

рия аномии использовалась Дюркгеймом для того, чтобы «объяснить различные формы социальной дезорганизации в технологическом обществе» [Вирт, 2005a, с. 105].

У «чикагцев» категория социальной дезорганизации фактически связывает трансформацию социального контроля в обществе с разнообразными негативными явлениями – нищетой, преступностью, наркоманией, проституцией, психическими нарушениями и т.п. Хотя Парк в своих работах, по мнению Жан-Мишеля Шаполи, не дает явного определения социальной дезорганизации [Charoulie, 2020], широко известны его утверждения: «В большом городе <...> тесные первично-групповые связи ослабевают и моральный порядок, который на них базировался, постепенно распадается. <...> Вероятно, именно разрушение локальных привязанностей и ослабление первично-групповых принуждений и запретов под влиянием групповой среды в значительной мере ответственны за рост порока и преступности в больших городах» [Парк, 2011a, с. 36, 37]. Очевидно, дезорганизация у чикагцев не сводится к набору социальных патологий. Как отмечал Вирт, «степень, в которой члены общества утрачивают свои общие понимания, т.е. степень, в которой подрывается консенсус, есть мера состояния дезорганизации этого общества. Степень, в которой существует согласие по поводу ценностей и норм общества, выраженное в его эксплицитных правилах и в тех предпочтениях, которые его члены проявляют в отношении этих правил, дает нам критерии для определения того, насколько общество можно называть дезорганизованным» [Вирт, 2005b, с. 194].

В своем анализе кризисного состояния социального контроля представители Чикагской школы обращали внимание в первую очередь на трансформацию социальных регуляторов, определяющих «моральный порядок» и нормы взаимодействия между членами общества. Что приходит на смену традициям и обычаям прошлого? Чикагцы пытались нащупать разные варианты, говоря о законодательстве, моде, общественном мнении. Парк утверждал, что «публичность стала признанной формой социального контроля» [Парк, 2011a, с. 48]. В то же время они обращали внимание на специфику социального регулирования в крупном городе как «мозаике миров», где любые регуляторы сегментируются и ослабляются, эксцентричность вознаграждается, а конвенцией может быть «сама свобода и отсутствие конвенции» [Парк, 2011d, с. 105]. Подобное состояние регулятивной среды само по себе рассматривалось как источник социальной дезорганизации. «Впечатление отсутствия общей системы ценностей, которое возникает при взгляде на городское сообщество в целом, можно интерпретировать как относительное состояние дезорганизации... Взаимопроникновение различных этнических и культурных групп в городском мире привело к необычайному умножению ценностных систем, каждая из которых обязательна только для какого-то сегмента населе-

ния и для индивидов в особых сегментах их жизненного круга» [Вирт, 2005b, с. 196]. Другими словами, крупный город по своей природе не способен обеспечить то состояние организованности и упорядоченности, которое характерно для традиционного общества и привычно для выходцев из него.

Однако и те временные формы дезорганизации, когда, по Дюркгейму, старые регуляторы разрушены, а новые еще не сформировались, также привлекали внимание «чикагцев». Парк отмечал: «Когда <...> рушится традиционная организация общества, результатом оказывается, так сказать, эмансипация индивидуального человека. Энергии, которые контролировались раньше обычаями и традицией, высвобождаются. Индивид становится свободным для новых приключений, но вместе с тем более или менее неуправляемым и неконтролируемым. <...> [Н]о за этим освобождением в конце концов неизбежно следует реинтеграция освобожденных индивидов в новый социальный порядок» [Парк, 2011h, с. 229]².

При этом, если Дюркгейм концентрировался прежде всего на негативных последствиях аномии, Парк рассматривал это явление более разносторонне. Цитируя Ф. Тэггера, он обращает внимание на эмансипационные последствия, порождаемые аномией: избавление от принуждения, «освобождение... от ограничений конвенциональных способов действия» [Парк, 2011h, с. 229], что приводит к агрессивному самоутверждению, гипертрофированному выражению индивидуальности и «вызволению индивидуального суждения из оков конвенциональных способов мышления» [Парк, 2011h, с. 229]. Двойственные последствия аномии: разрушение традиционных запретов и ограничений, распространение свободомыслия и свободы действий, с одной стороны, и неопределенность «правил игры» и связанная с этим психологическая неустойчивость, чреватая социальными патологиями, — с другой, определяют существенные характеристики и запросы сообществ в городах интенсивной урбанизации.

Концентрируясь на формах социального контроля, чикагцы уделяли меньше внимания трансформации социальных ролей в процессе модернизационного перехода. Парк трактует социальные роли как маски, которые индивид воспринимает в ходе социализации и которые превращают его, в терминологии Парка, в персону [Парк, 2011b; Park, 1926]. Роли — маски — отражают установки других индивидов, а также стандарты, которых придерживается группа в отношении данного индивида, и определяются его социальным статусом [Парк, 2011c, с. 78–

79]. При этом Парк фиксировал наличие внутреннего конфликта, связанного с жизнью в соответствии с навязанной обществом ролью и необходимостью сдерживать непосредственные и спонтанные импульсы [Парк, 2011b, с. 63], а также подчеркивал значение неконформного поведения в развитии личности [Парк, 2011d, с. 108]. В отношении современного сложного общества он утверждал, что «индивид становится членом многих разных обществ и социальных групп, в которых он имеет разные статусы и играет разные роли» [Парк, 2011d, с. 104], однако не углублялся в данную тематику.

Возможно, именно с недооценкой трансформации ролей связано то, что в работах «чикагцев» вопросы межпоколенческого конфликта подробно не рассматриваются, хотя акцент в исследованиях на молодежных бандах и молодежной делинквентности должен был бы привлечь внимание к этой проблематике³. В работах Парка можно найти упоминания о том, что во втором поколении иммигрантов социальный контроль, основанный на домашних нравах, рушится [Парк, 2011a, с. 39]; что культурный конфликт между первым и вторым поколением иммигрантов связан с тем, что последние быстрее перенимают культуру принимающего общества⁴ [Парк, 2011d, с. 109]; что молодежная делинквентность может быть обусловлена различием стандартов и норм в семье и сообществе [Парк, 2011d, с. 112–113]. Парк также, хоть и мимоходом, поднимает чрезвычайно важный вопрос о возможном изменении процессов ранней социализации в семье и его последствиях для функционирования современного общества. «При изучении семьи нам интересно знать, передаются ли детям традиции родителей, переходят ли к младшему поколению и реализуются ли в нем планы и чаяния старшего поколения. Если этого не происходит, мы, можно сказать, уже имеем семейную дезорганизацию, ибо семья — носитель традиции, и, передавая эту традицию, семья вовлекается в коллективный акт. Именно благодаря таким коллективным актам... не только возникает, но и сохраняет свою жизнь культура» [Парк, 2011d, с. 114].

Еще один сюжет, где наследие «чикагцев» может сыграть роль в современных исследованиях, — это способы противодействия аномии/дезорганизации как психологически некомфортному для индивидов состоянию. Можно предположить, что поиск подобных инструментов должен быть связан с теми новыми регуляторами, которые, по мнению ранних социологов, приходят на смену традиционным. Однако это не так. Парк, например, насколько можно понять, достаточно скептически относился к воз-

2. Любопытно, что, судя по всему, Парк не связывал данные процессы непосредственно с урбанизацией и рассматривал их как следствие миграции и столкновения культур в любые исторические эпохи. В данном случае речь идет о массовой миграции народов в прошлые времена.

3. Более глубокая теория межпоколенческих взаимоотношений, до сих пор не потерявшая своего значения при анализе городов интенсивной урбанизации, содержится в [Mead, 1970].

4. В современных исследованиях установлено, что культура принимающего общества, в которую вписываются мигранты второго поколения, может быть представлена как культурным мейнстримом, так и протестными контркультурами, ориентированными на противостояние конвенциональным ценностям [Portes, Zhou, 1993].

возможностям законодательства в этом отношении: «В то время как число законодательных актов все более растет, действительный контроль неудержимо падает» [Парк, 2011с, с. 71]. По его мнению, неэффективность законодательных установлений ведет к тому, что выход ищется в массовых общественных движениях.

В данном случае Парк говорил об аморфных и стихийных социальных движениях, но в целом чикагцы скорее ориентировались на консолидирующую роль идеологической индоктринации. Так, Вирт подчеркивает значение идеологии как силы, противостоящей дезорганизации: «Идеологии позволяют нам идентифицироваться с социальными движениями и группами, предлагающими такие интерпретации и решения проблем, которые каждый индивид редко мог бы выдвинуть самостоятельно. Они помогают нам уменьшить избыточную индивидуацию и безразличие в отношении социальных проблем, снабжая нас целями, вокруг которых могли бы интегрироваться более или менее отчетливо выраженные группы» [Вирт, 2005b, с. 192]. Впрочем, он достаточно скептически относился к возможностям подобным образом преодолеть дезорганизацию, считая, что сила идеологий притупилась. «Каждая вера подозрительна, ни один пророк не считается непогрешимым, ни один лидер – искренним, ни одна миссия – одухотворенной, ни одно убеждение – непоколебимым» [Вирт, 2005b, с. 207]. Религиозная индоктринация также связывалась «чикагцами» с попытками противостоять дезорганизации. «Возникая в то время, когда закреплённый порядок рушится или готов вот-вот рухнуть, [религиозная] секта является попыткой всего сообщества интегрироваться заново. Это порядок, возникающий из социального хаоса, хотя, возможно, этот порядок не очень прочен, а хаос – не состояние крайнего распада» [Фэрис, 2015, с. 353].

Чрезвычайно интересную позицию в отношении роли национальных и религиозных движений в преодолении дезорганизации высказывал Парк. С одной стороны, он утверждал, что вступление в религиозную секту либо основание новой – это способ бегства от мира, где индивиду сложно жить и справляться с трудностями [Парк, 2011г, с. 210–211]. С другой стороны, он рассматривал национальные и религиозные движения как здоровую реакцию социально ущемленных и культурно притесняемых меньшинств на ситуацию культурного конфликта. «Подъем националистических и расовых движений внутри государства, как и возникновение сект и религиозных орденов внутри церкви, поражает меня как естественное и здоровое нарушение социальной рутины, результатом которого становятся пробуждение в затронутых им людях живого чувства общей задачи и возникновение у тех, кто чувствует

себя угнетенным, воодушевления общим делом... Внутри своей секты или национальности индивиды чувствуют безопасность и собственное достоинство, которых вовне они лишены... И наконец, новый религиозный орден внутри церкви и новая национальность внутри государственной империи склонны в большинстве случаев создавать новое общество со своим особым кодексом и культурой» [Парк, 2011г, с. 213–214]. При этом Парк противопоставлял подобные проявления признакам дезорганизации, утверждая, что «когда культурные конфликты не пробуждают массовых движений, они обычно выражаются в семейной дезорганизации, делинквентности и функциональных расстройств индивидуальной души» [Парк, 2011г, с. 214].

Итак, что можно извлечь из теории социальной дезорганизации для анализа городов, переживающих интенсивные урбанизационные процессы?

Во-первых, разрушение традиционных норм ведет к ослаблению социального контроля в двух отношениях. С одной стороны, в результате кризиса прежних регуляторов и отсутствия эффективно действующих новых, которые еще не успели сформироваться, возникает ситуация нормативного вакуума (аномии), когда теряется ценностное единство, представления о должном и неопределенность в отношениях между людьми резко возрастает⁵. С другой стороны, городская среда в принципе не способна обеспечить ту же степень организованности и урегулированности, что и традиционное общество, тем самым определенная степень аномии/дезорганизации (или, по словам Вирта, неорганизованности) является для нее естественной и имманентной.

Подобная двойственность источников аномии/дезорганизации влияет на характеристики складывающихся и трансформирующихся институтов в крупном городе. Здесь можно снова вернуться к семейной организации и институту брака. Кризис традиционной модели брака и института семьи свойственен современным городам. Однако в период интенсивной урбанизации возникающий нормативный вакуум может еще более обострять данный кризис, усиливать присущие ему конфликты, в том числе межпоколенческие и гендерные, создавая впечатление распада семейной организации как таковой (которое, собственно, и воспроизводят чикагцы).

Во-вторых, противодействие дезорганизации связано со стремлением индивидов и групп искусственно восстановить первично-групповые связи на основе идеологической либо религиозной индоктринации. Мотивация здесь также двойственна. С одной стороны, уйти от сложного, дезорганизованного мира, с проблемами которого невозможно справиться. С другой – создать противовес этому

5. Заметим, что подобные сложившиеся в ранней социологии представления существенно отличаются от подходов в рамках институциональной экономики, предполагающих сохранение и постепенную эволюцию неформальных институтов даже в условиях, когда формальные институты резко изменяются [Норт, 1997].

миру, противопоставить дезорганизации собственные кодексы и культурные нормы, что Парк считал естественным и здоровым нарушением социальной рутины.

Данный комплекс идей представляется продуктивным для анализа взаимосвязи процессов интенсивной урбанизации с распространением радикального ислама, что, собственно, и было основным предметом исследования автора в ходе многолетней полевой работы на Северном Кавказе. Теоретические положения ранних социологов, связанные с аномией и социальной дезорганизацией, плодотворно применяются в смежной дисциплине – криминологии [Bernburg, 2002; Kubrin, 2009]. Однако, насколько нам известно, для анализа процессов исламской радикализации они ранее не использовались.

3. Социальная дезорганизация в городах интенсивной урбанизации: пример Махачкалы

Наиболее явно последствия разрушения социальных регуляторов можно проследить на примере столицы Дагестана Махачкалы. С одной стороны, это экстремальный случай фактического разрушения городской культуры под воздействием интенсивных миграционных процессов и попыток ее последующего возрождения на совершенно иных основах. С другой стороны, он в гипертрофированном виде демонстрирует те процессы, которые были характерны и для других северокавказских региональных центров (за исключением Владикавказа).

Махачкала была основана в 1844 году как военное укрепление и изначально называлась Петровском. До установления советской власти город не получил особого развития – его численность по переписи 1897 года составляла лишь 10 тыс. человек [Гозулов, 1929], хотя в конце XIX века он и был соединен железной дорогой с Владикавказом и Баку. Важнейшей особенностью Махачкалы, как и многих других северокавказских городов, был этнический состав – он существенно отличался от населения окружающих территорий: город был населен в первую очередь русскими и евреями. В позднесоветский период доля местных этносов стала возрастать, однако сложившаяся городская культура по-прежнему доминировала – «город переваривал село». Махачкала сохраняла мультикультурный характер и впитывала наиболее прогрессивные тенденции, зарождавшиеся в рамках советского культурного пространства. Так, собеседники вспоминали о развитии в городе молодежных театров: *«Ребята сами писали зонги, сами писали тексты, сами шили костюмы. Молниеносно выделились из общей среды и декораторы, и художники, и музыканты, и просто сочувствующие, и актеры. В общем, вот это все так здесь было»*⁶ (жен., сред. возр.,

Дагестан, 2016). В то же время город не оказывал существенного влияния на окружающую территорию, которая во многом жила по своим достаточно традиционным нормам и правилам.

Постсоветский транзит поставил точку в подобной обособленности города и села. Процессы, происходившие в тот период, характеризовались, с одной стороны, активным отъездом из Махачкалы коренных горожан, с другой – массовым переселением в город сельских жителей, прежде всего горцев. И если в 1990-е происходило в первую очередь замещение горожан мигрантами, с начала 2000-х начинается пространственное разрастание города, сельчане активно заселяют городские окраины и пригородные поселки. По данным Росстата (с высокой вероятностью заниженным) численность Махачкалы по переписи 2010 года составляла 572 тыс. человек по сравнению с 315 тыс. в 1989 году. Доля русских за этот период снизилась с 21,5 до 6,3%, доля крупнейших дагестанских этносов, проживающих в горах и предгорьях, – аварцев и даргинцев, – выросла с 30,2 до 41,7%.

В городе искали в первую очередь источник заработка – искусственно субсидируемая сельская экономика с развалом советской системы рухнула. *«Заработать можно было только здесь, они приезжали в Махачкалу, потому что там нечего делать, в горах»* (муж., сред. возр., Дагестан, 2013). Также популярной была образовательная миграция. Однако связанные с ней надежды во многом не оправдавались – качество образования оставляло желать лучшего, да и в любом случае спроса на образованные кадры не было. *«В основном в юристы и экономисты идут, получают диплом – и на базар, торговать»* (жен., сред. возр., Дагестан, 2017). Вообще первое поколение мигрантов переживало переезд достаточно сложно, далеко не всем удалось успешно адаптироваться на новом месте. В этой среде стали распространяться вредные привычки (пьянство, наркотики), асоциальное поведение. *«Из всей этой каши огромное количество людей неудачники, которых оттуда сорвали, с прежнего образа жизни, к этому они не пристали... у них ничего не получилось»* (муж., сред. возр., Дагестан, 2013).

Социальная ситуация в городе определялась тем, что носители городской культуры в массе своей уехали, а «новые горожане» с трудом приспособились к городскому образу жизни. Здесь уже не действовали привычные для них механизмы «внешнего контроля» – со стороны семьи, рода, общины; либо их действие было не столь неотвратимым. «Вот в селении, если ты вдруг что-то плохое сделаешь, любой старший может по башке дать. Это нормально. И неважно, родственник или нет. Когда он [мигрант] приезжает в город, по башке уже никто не дает. Его не научили культуре, почему нельзя, например, девочку обижать. Не объяснили, почему нельзя девочку обижать, а просто по башке давали.

6. Курсивом в тексте выделены цитаты из интервью.

А здесь он видит, что по башке никто не дает. Значить, можно обидеть девочку» (цит. по: [Стародубровская, 2011, с. 248–249], сноски). При этом город оказывался местом встречи чужаков, а жесткая граница «свой-чужой» и враждебное отношение к чужакам выступало органичным элементом традиционной культуры (особенно в Дагестане, где процветала эндогамия). Тем самым нормы городской жизни разрушались, социальный хаос распространялся, село переваривало город, городскую культуру поглощали «зыбучие пески урбанизации». Регулятором городской жизни становилось право сильного. Эта сила могла быть административной, финансовой (в Дагестане сильную, авторитетную фигуру, стоящую за тем или иным человеком либо начинанием, называют «спина»). А могла представлять собой и непосредственное физическое насилие – наиболее доступный для выходцев из сельской местности ресурс.

Не удивительно, что Махачкала в этот период нередко воспринималась как сосредоточение порока и хаоса, разрушающих то позитивное, что виделось в традиционной дагестанской культуре. Отсутствие порядка и справедливости – именно так во многих интервью характеризовалось состояние социума на Северном Кавказе. И собеседники нередко винили в этом именно феномен большого города. *«Большие города – это большая безнравственность. Большой город – это большая бесконтрольность и большая анонимность, анонимность существования человека... Меня беспокоит то, что под видом свободы человека человек сам себя разрушает. Семья разрушается... Вот слово “надо” у человека – неужели у человека не должно быть слова “надо”?!»* (муж., стар. возр., Дагестан, 2012). Подобное восприятие не особо отличалось от пессимистического отношения к крупным городам, характерного для «чикагцев».

4. Социальная дезорганизация и институты семьи и брака

Традиционная семья на Северном Кавказе, основанная на поколенческих и гендерных иерархиях, а также на обычаях избегания,⁷ предполагала жесткое регламентирование социальных ролей. Строгий муж и отец – добытчик и защитник, обладающий непререкаемым авторитетом; женщина – хранительница домашнего очага, поддерживающая уют и воспитывающая детей; вежливые и послушные дети – подобные роли обеспечивали упорядоченность и преемственность семейных отношений.

Нельзя сказать, что советская модернизация никак не повлияла на регламентацию семейных ролей – например, женщины стали работать в общественном секторе и зарабатывать. Однако ее воздействие было ограниченным и фрагментарным,

базовые основы ролей сохранялись. Постсоветская урбанизация привела к более явному кризису института семьи. Нередко женщины и молодежь лучше приспосабливались к рыночной трансформации и брали на себя функции по финансовому обеспечению, что ослабляло экономические основы семейных ролей. Проблемы с адаптацией старшего поколения в городах, распространение среди его представителей вредных привычек подрывало авторитет отцов, у которых «правильные» слова все чаще расходились с делами. В целом родители с их опытом сельской социализации во многих случаях не могли передать рецепты жизненного успеха детям – уже горожанам, которым приходилось искать свой путь в хаосе городской жизни. Все это происходило в условиях снижения информационных барьеров, открывавшего простор для разнообразных культурных влияний и обеспечивающего доступ к сведениям о многообразии семейных моделей. В подобных условиях формировались предпосылки для поколенческих и гендерных конфликтов и препятствия передаче семейных ценностей от старших к младшим. Это, по Парку, создавало основы для семейной дезорганизации, когда, с одной стороны, молодежь становилась более самостоятельной, а с другой – поколенческая преемственность разрывалась, создавая запрос на новые нормы и правила.

Кризис семейных ролей в условиях интенсивной урбанизации дополняется кризисом брачных моделей. Традиционный вариант, когда семья создавалась по сговору старших, а молодые не имели права голоса и вообще могли не видаться до заключения брака, уходит в прошлое. Но о переходе к какой-то новой универсальной модели, в том числе к современной модели брака, основанной на свободном выборе и чувствах молодых людей, речь все же не идет. В большинстве случаев действует правило «двух ключей» – союз должен устраивать как самих молодых, так и их родителей. При этом длительное знакомство до брака по-прежнему не поощряется, чувства как основа создания семьи не вызывают доверия, любовь рассматривается скорее как форс-мажор. В то же время миграции и социальные сети существенно расширяют возможности брачного выбора, не давая при этом ценностных ориентиров его осуществления. Молодые люди в этих условиях нередко не могут осознать свои предпочтения, мечутся между собственными приоритетами и родительскими установками, не готовы брать ответственность. И в результате откладывают создание семьи либо добровольно передают решение родственникам.

Смягчение давления старших в пользу сохранения семьи любой ценой, даже если женщина в ней подвергается насилию, вкупе с неопределенностью критериев выбора брачного партнера, неизбежно

7. Обычай избегания – комплекс семейных норм, определяющих необходимость публичного дистанцирования и отсутствия демонстрации чувств между членами семьи. Например, в ингушском обществе не принято, чтобы теща когда-либо общалась с зятем.

приводит к росту числа разводов, о чем многократно упоминали информанты. Реальная перспектива остаться без мужа и самостоятельно зарабатывать на жизнь усиливает стимулы к получению девушками высшего образования, что, в свою очередь, может (хотя и не всегда) способствовать откладыванию момента создания семьи и рождения детей. Однако, чем позже заключается брак, тем сложнее найти подходящего партнера. *«Это – беда девушек моего поколения. Досидев до такого возраста, выходить за кого угодно не хочется... Сейчас очень сложно найти человека, который будет отвечать всем твоим, ну не всем даже, элементарным каким-то требованиям»* (жен., сред. возр., Чечня, 2015). В результате не только мужчины, но и женщины могут оставаться одинокими даже после 30 лет. В некоторых северокавказских городах вообще сложилась особая субкультура женщин, ориентированных на карьеру и стремящихся избежать замужества. Обычно, когда с возрастом контроль семьи ослабевает, они стремятся уехать с Северного Кавказа.

5. Социальная дезорганизация и радикальные идеологии

Замечания Парка и Вирта о роли идеологий и общественных движений в противодействии дезорганизации имеют высокую актуальность для Северного Кавказа. Здесь в условиях постсоветского хаоса широкое распространение получили общественные движения, причем у первого поколения городских мигрантов они в основном носили этнонациональный характер, а у второго – религиозный. Понять причины широкого распространения радикального ислама в регионе проще, если разобраться в том, каким социальным запросам в условиях социальной дезорганизации он удовлетворял.

Во-первых, в условиях разрушения социальных регуляторов неизбежно формируется запрос на систему правил, дающих хоть какую-то определенность и облегчающих взаимодействие между людьми. Ислам способен удовлетворить этот запрос, при этом более жесткие фундаменталистские его формы требуют безусловного соблюдения исламских норм, что в условиях аномии становится привлекательным. То, что подобные нормы идут от Всевышнего, повышает к ним доверие, поскольку социальный хаос убеждает в том, что люди не способны создать работающую нормативную систему. В результате в рамках исламского сообщества снижаются издержки взаимодействия и облегчается коммуникация. *«Мне легко работать с мусульманами в каком плане – мне их не надо контролировать. Потому что, если человек богобоязненный, он знает, что Всевышний все видит, и он ничего не скроет, не сможет скрыть. Я доверяю. У меня нет там проблем, что я деньги не оставляю»* (муж., сред. возр., Дагестан, 2014).

Выше уже говорилось о кризисе института брака. Исламские нормы, с одной стороны, позволяют

преодолеть местный партикуляризм, расширяя рамки брачного выбора по сравнению с традиционными: семья может создаваться с любым мусульманином вне зависимости от национальности или места жительства, мужчины могут жениться также на христианках и иудейках. В Махачкале даже сложилась своеобразная субкультура – молодые мусульмане стремились жениться на девушках другой этнической принадлежности, манифестируя тем самым глобальность исламской уммы. *«Я как-то принципиально не хотел, чтобы жена моей нации была, чтобы вот эту границу как-то нарушить. И у меня отец говорил – разницы нету, главное, чтобы человек был хороший, нация значения не имеет... А мать говорила – только должна быть лачка, и только с селения... Ну я пошел один раз с отцом уже, сказал – жениться больше не буду, если вы не хотите, чтобы я ее брал, я просто не женюсь, и все»* (муж., мол. возр., Дагестан, 2014).

С другой стороны, эти нормы дают ориентиры выбора пары, предлагая принимать во внимание прежде всего благочестие, но не отрицая роли красоты и богатства. Семейная жизнь в идеале также регулируется исламскими установлениями. *«В исламе... правила прописаны, и людям легче. Если вы не можете договориться насчет чего-то с женой, вы просто пользуетесь... элементарно знаниями из книг. И если и он, и она одинаково их соблюдают, то там не будет никаких противоречий, потому что она это воспринимает как поклонение, вообще всю свою семейную жизнь, и он также это воспринимает как поклонение. Городское население, ну, светские ребята, там они этого лишены»* (муж., мол. возр., Дагестан, 2013).

Во-вторых, радикальный ислам вполне успешно обслуживает запрос на поколенческую и в отдельных случаях гендерную эмансипацию. Это утверждение может вызывать вопросы – ведь по исламу дети должны уважать и слушаться родителей, чем могут заслужить довольство Аллаха. Однако есть исключение – *«если они [родители] против ислама идут, тогда уже можно их послушаться... Позволено их не слушать, если они против религии... Религия – это главное»* (муж., мол. возр., Дагестан, 2013). Но что считать религиозными вопросами, в которых допускается послушаться старших? Здесь возможны разные интерпретации, в том числе и такая: родители – не мусульмане или «неправильные» мусульмане, то есть вся их жизнь не соответствует религиозным канонам, и потому дети имеют право на поиск собственных путей. Межпоколенческий конфликт при такой трактовке может манифестироваться в различных формах, в том числе предельно жестких.

Ситуация с гендерными иерархиями сложнее. Исследования показывают, что консервативный гендерный поворот на Северном Кавказе связан с распространением фундаменталистского ислама [Стародубовская, 2019]. В то же время в ходе полевой работы были примеры, когда женщины видели в ис-

ламе потенциал эмансипации. Так, один из собеседников рассказывал, как, приняв ислам, его мать стала поднимать голос против мужа-тирана, следующим образом трактуя ее позицию: «Я сейчас знаю, что вот на это я имею право. То есть это мои права, Богом данные. <...> Почему ты, муж, меня притесняешь? Я могу идти до конца, потому что со мной Бог» (муж. о своей матери, мол. возр., Дагестан, 2015).

В-третьих, в условиях несбывшихся надежд на образование как социальный лифт и перекрытости вертикальных лифтов в целом, проблематичности достижения успеха без поддержки «спины», разгула насилия и невозможности добиться социальной справедливости радикальный ислам давал альтернативный социальный идеал, за который можно было бороться, давая выход протестным настроениям. «В этом мире из всего, что там, например, телевизор <...>, вся информация, которая до меня вот лично доходит, ну нигде нету справедливости, в самом деле нету же, нигде справедливости нету, везде убивают, режут, бардак везде. <...> А то, что ислам до меня доводит – кроме справедливости, ничего я в исламе не нашел просто» (муж., мол. возр., Дагестан, 2013). Здесь наблюдается та самая исламизация протеста, о которой много писал Оливье Руа [Руа, 2018]. При этом, как и отмечал Парк, протест против дезорганизованного общества может выражаться как в желании минимизировать контакты с «неверными» и закрыться от безбожного, несправедливого мира, так и в стремлении изменить этот мир, заставить его подчиняться «правильным» исламским законам либо в результате распространения исламской культуры и мирных реформ, либо с помощью насилия.

Таким образом, радикальный ислам способен удовлетворять запросы, возникающие в условиях аномии, причем он делает это лучше, чем альтернативные идеологические конструкты. Так, более умеренные варианты ислама не всегда предусматривали обеспечение жесткой исламской нормативности, а если они относились к традиционным и официально признанным – не могли легитимировать межпоколенческий конфликт (религия отцов) и не давали выход протестным настроениям. Этнический национализм⁸ в его северокавказском варианте неплохо справлялся с ролью протестной идеологии, но не легитимировал межпоколенческий конфликт, акцентируя солидарность разных поколений в рамках единой этнической общности, а также в большинстве случаев не способен был удовлетворить запрос на нормативное регулирование. При этом обе альтернативные радикальному исламу идеологии имели свои ниши. Так традиционный ислам мог

быть привлекателен для выходцев из приближенных к власти кланов, а также из секулярных сообществ. Этнический национализм оказывался конкурентоспособным, когда этническая мобилизация давала возможность обеспечить выигрыш в борьбе за ресурсы и статусы. Однако социальная база радикального ислама оказывалась гораздо более широкой.

Но действительно ли радикальная исламская идеология способна справиться с социальной дезорганизацией или Вирт был прав в своих опасениях по поводу эффективности идеологических конструкций в решении этой задачи? История с так называемым «салафитским бизнесом» в Махачкале подтверждает, что сомнения Вирта имели под собой основания. В какой-то момент сочувствовавшие фундаменталистскому исламу бизнесмены стали брать на работу в первую очередь своих единомышленников, считая, что тем самым они смогут поддерживать высокий уровень доверия и деловую этику. Однако эксперимент оказался удачным далеко не во всех случаях. Были примеры, когда работа у «своего» рассматривалась как основание для снижения требовательности в сфере трудовой дисциплины, а то и использовалась как площадка для пропаганды радикальных взглядов, что могло создать серьезные проблемы для работодателя. У представителей бизнеса подобное отношение вызывало обоснованный протест. «У них выбриты усы, [есть] бороды, и они там если у тебя два волоска торчат вот здесь на губе, они тебя посадят и они тебе будут делать даават [в данном случае внушение] насчет двух волосков здесь.⁹ При этом они, если ты их возьмешь на работу, будут 30 раз в неделю опаздывать на работу, недобросовестно ее выполнять, нарушать договор, который заключили: нельзя пользоваться телефоном <...>, если ты выходишь, надо отпрашиваться. В общем, 30 раз они изнасилуют тот договор, который мы заключили» (муж., мол. возр., Дагестан, 2013). В результате, по свидетельствам собеседников, нередко происходил отказ от найма работников по критерию идеологической близости в пользу квалификации, деловых и человеческих качеств.

Таким образом, не отрицая иных причин распространения радикальной исламской идеологии на Северном Кавказе, включая деятельность радикальных проповедников, войну в Чечне и т.п., необходимо признать, что запросы населения в условиях социальной дезорганизации, вызванной постсоветским институциональным кризисом и интенсивными урбанизационными процессами, сыграли немалую роль. И теоретические положения Чикагской школы, раскрывающие многообразие форм и социальных последствий аномии / социальной дезорганизации,

8. Для обозначения идеологии, о которой идет речь, нет хорошего термина. Национализмом она называется в повседневном обиходе на Северном Кавказе, однако реально речь идет об идеологизации этнической солидарности. Конкурирующий термин «трайбализм» не представляется возможным использовать ввиду его неполиткорректности.

9. Многие сторонники фундаменталистского ислама считают, что, вслед за Пророком, необходимо носить бороду, брить усы и надевать укороченные брюки.

а также значение идеологий и общественных движений в стремлении преодолеть их разрушительные эффекты, позволяют проследить возникающие здесь взаимосвязи.

Заключение

Данная статья раскрывает, как теоретические положения Чикагской школы, связанные с анализом явления социальной дезорганизации (аномии), позволяют понять кризис институтов в городах интенсивной урбанизации и связанное с ним распространение радикальных идеологий. Применительно к Северному Кавказу речь идет о радикальных исламских взглядах. Анализ объективных основ распространения исламского радикализма не означает оправдания его насильственных форм, но позволяет глубже понять его истоки и возможные формы противодействия.

Наиболее важными идеями «чикагцев», позволяющими продвинуться в анализе исламского радикализма на Северном Кавказе, являются:

- понимание двойственных истоков социальной дезорганизации, которая, с одной стороны, связана с природой современных крупных городов, с другой – коренится в условиях интенсивной урбанизации, когда городская культура разрушена, прежние регуляторы не действуют, а новые не успели сформироваться;
- представление о двояких формах проявления социальной дезорганизации, которая, с одной стороны, имеет эмансипационный эффект, освобождая индивида от конвенциональных ограничений, с другой – разрушает ценностной базис общества и порождает нормативный хаос;
- рассмотрение идеологической и религиозной индоктринации, общественных движений как инструментов противодействия социальной дезорганизации, пусть и не всегда успешных;
- выделение двух возможностей противодействия социальной дезорганизации, заложенных в национальных и религиозных движениях: с одной стороны, уход от мира с его хаосом и проблемами, с другой – противопоставление ему другой культуры и других норм.

Две формы социальной дезорганизации, накладываясь друг на друга, обостряют характерные для крупного города проблемы, придают им конфликтный характер, особо острый с учетом того, что новые горожане еще не адаптировались к разрушению традиционного сельского социального контроля. При этом эмансипационный эффект социальной дезорганизации позволяет подобным конфликтам проявляться открыто и нередко в крайне жестких формах. Данные эффекты продемонстрированы в статье на примере кризиса институтов семьи и брака в крупных северокавказских

городах и связанного с ним межпоколенческого конфликта.

Радикальные исламские движения на Северном Кавказе распространялись в том числе и как реакция на сформировавшиеся в условиях социальной дезорганизации запросы на непререкаемую однозначную систему правил, а также на легитимацию межпоколенческого конфликта и социального протеста. Они могли стремиться как максимально отделиться от «общества неверных» и замкнуться в кругу единомышленников, так и навязать обществу свою систему ценностей и норм – мирным путем или с применением насилия. При этом использование радикального ислама как инструмента противодействия социальному хаосу далеко не во всех случаях демонстрировало эффективность.

Источники

- Вирт, Л. (2005а). Урбанизм как образ жизни. В Л. Вирт, *Избранные работы по социологии: Сборник переводов* (с. 93–118). Москва: ИНИОН РАН.
- Вирт, Л. (2005б). Идеологические аспекты социальной дезорганизации. В Л. Вирт, *Избранные работы по социологии: Сборник переводов* (с. 192–208). Москва: ИНИОН РАН.
- Гозулов, А. И. (1929). *Морфология населения: Опыт изучения строения основных свойств населения Сев.-Кавк. края по данным трех народных переписей – 1926, 1920 и 1897 гг.* Ростов-на-Дону: Сев.-Кавк. краев. стат. упр.
- Дюркгейм, Э. (1994). *Самоубийство: Социологический этюд*. Москва: Мысль.
- Норт, Д. (1997). *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики*. Москва: Фонд экономической книги «Начала».
- Парк, Р. Э. (2011а). Город: Предложения по исследованию человеческого поведения в городской среде. В Р. Э. Парк, *Избранные очерки: Сборник переводов* (с. 19–56). Москва: ИНИОН РАН.
- Парк, Р. Э. (2011б). Человеческая природа и коллективное поведение. В Р. Э. Парк, *Избранные очерки: Сборник переводов* (с. 57–65). Москва: ИНИОН РАН.
- Парк, Р. Э. (2011с). Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок. В Р. Э. Парк, *Избранные очерки: Сборник переводов* (с. 66–79). Москва: ИНИОН РАН.
- Парк, Р. Э. (2011д). Социология, сообщество и общество. В Р. Э. Парк, *Избранные очерки: Сборник переводов* (с. 80–114). Москва: ИНИОН РАН.
- Парк, Р. Э. (2011е). Физика и общество. В Р. Э. Парк, *Избранные очерки: Сборник переводов* (с. 158–179). Москва: ИНИОН РАН.
- Парк, Р. Э. (2011ф). Современное общество. В Р. Э. Парк, *Избранные очерки: Сборник переводов* (с. 180–200). Москва: ИНИОН РАН.
- Парк, Р. Э. (2011г). Личность и культурный конфликт. В Р. Э. Парк, *Избранные очерки: Сборник переводов* (с. 201–216). Москва: ИНИОН РАН.
- Парк, Р. Э. (2011h). Человеческая миграция и маргинальный человек. В Р. Э. Парк, *Избранные очерки: Сборник переводов* (с. 223–235). Москва: ИНИОН РАН.
- Руа, О. (2018). *Глобализированный ислам: В поисках новой уммы*. Москва: Фонд Марджани.
- Стародубовская, И. В. (2011). Мифы и реальность урбанизации. В И. В. Стародубовская (Ред.), *Северный Кавказ:*

- Модернизационный вызов (с. 235–254). Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Стародубровская, И.В. (2019). Кризис традиционной северокавказской семьи в постсоветский период и его социальные последствия. *Журнал исследований социальной политики*, 17(1), 39–56.
- Фэрис, Э. (2015). Секта и сектант. В Д.В. Ефременко (отв. ред.), *Чикагская социология: Сборник переводов* (с. 351–365). Москва: ИНИОН РАН.
- Хантингтон, С. (2004). *Политический порядок в меняющихся обществах*. Москва: Прогресс-Традиция.
- Alba, R., & Nee, V. (1997). Rethinking assimilation theory for a new era of immigration. *International Migration Review*, 31(4), 826–874.
- Baskerville, S. (2009). Freedom and the family: The family crisis and the future of Western civilization. *Humanitas*, 22(1/2), 168–184.
- Bernburg, J. (2002). Anomie, social change and crime: A theoretical examination of institutional-anomie theory. *The British Journal of Criminology*, 42(4), 729–742.
- Busacca, R., & Ryan, M. (1982). Beyond the family crisis. *Democracy*, 2(4), 79–92.
- Chapoulie, J.-M. (2020). *Chicago sociology*. New York: Columbia University Press.
- Eisenstadt, S.N. (1973). *Tradition, change and modernity*. New York: John Wiley & Sons.
- Gilman, N. (2003). *Mandarins of the future: Modernization theory in Cold War America*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press.
- Kubrin, C.E. (2009). Social disorganization theory: Then, now, and in the future. In M. Krohn, A. Lizotte, & G. Hall (Eds.), *Handbook on crime and deviance* (pp. 225–236). New York: Springer.
- Lal, B. (1990). *The romance of culture in an urban civilization: Robert E. Park on race and ethnic relations in cities*. London: Routledge.
- Mead, M. (1970). *Culture and commitment: A study of the generation gap*. New York: Garden City.
- Park, R.E. (1926). Behind our masks. *Survey Graphic*, 56, 135–139.
- Portes, A., & Zhou, M. (1993). The new second generation: Segmented assimilation and its variants. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 530, 74–96.
- Southall, A. (Ed.). (1973). *Urban anthropology: Cross-cultural studies of urbanization*. New York, London, Toronto: Oxford University Press.
- Tomasi, L. (1998). *The tradition of the Chicago School of Sociology*. Abington, New York: Routledge.

THE CHICAGO SCHOOL: WHAT CAN CONTEMPORARY RESEARCH USE FROM ITS HISTORICAL LEGACY

Irina V. Starodubrovskaya, professor, the School of Arts and Social Sciences, Narxoz University, 050035; Almaty, Kazakhstan. E-mail: irinavstar@gmail.com

This article examines how the Chicago school's theories of social disorganization can be applied to researching the disruption of social control and the conditions fostering the spread of radical Islamic ideologies in the rapidly urbanizing cities of the North Caucasus. The analysis is based on the author's long-term field research in the North Caucasus, primarily in Makhachkala and Grozny. The study's framework is built upon key ideas from the Chicago school: the twofold character of social disorganization, emerging from the nature of the big city and the social vacuum created by the gap between the disruption of old regulators and the formation of new ones; the emancipatory effects of this disorganization; and the role of ideologies and social movements as instruments to combat it. The research demonstrates that intensive urbanization has led to the erosion of traditional urban culture and its forms of social control, manifesting as a crisis in basic social institutions, including family and marriage. The emancipatory effects of disorganization allowed acute conflicts related to this institutional crisis to emerge. The social preconditions for the spread of radical Islamic ideologies were created by a demand for strict, divinely-inspired rules and the legitimization of generational conflicts and social protest against the chaos and injustice generated by this disorganization. In response, radical Islamic movements either sought to separate from "the ungodly world" or attempted to impose new values and norms on it, whether peacefully or through violence.

Keywords: Chicago school of sociology; social disorganization; radical Islam; family crisis; Makhachkala

Citation: Starodubrovskaya, I. (2025). The Chicago School: What Can Contemporary Research Use From Its Historical Legacy. *Urban Studies and Practices*, 10(4), 30–42. <https://doi.org/10.17323/usp104202530-42>

References

- Alba, R., & Nee, V. (1997). Rethinking assimilation theory for a new era of immigration. *International Migration Review*, 31(4), 826–874.
- Baskerville, S. (2009). Freedom and the family: The family crisis and the future of Western civilization. *Humanitas*, 22(1/2), 168–184.
- Bernburg, J. (2002). Anomie, social change and crime: A theoretical examination of institutional-anomie theory. *The British Journal of Criminology*, 42(4), 729–742.
- Busacca, R., & Ryan, M. (1982). Beyond the family crisis. *Democracy*, 2(4), 79–92.

- Chapoulie, J.-M. (2020). *Chicago sociology*. New York: Columbia University Press.
- Durkheim, E. (1994). *Samoubiistvo: Sotsiologicheskii etiud* [Suicide: A study in sociology]. Moscow: Mysl'.
- Eisenstadt, S.N. (1973). *Tradition, change and modernity*. New York: John Wiley & Sons.
- Faris, E. (2015). Sekta i sektant [The sect and the sectarian]. In D.V. Efremenko (Ed.), *Chikagskaia sotsiologiya: Sbornik perevodov* [Chicago sociology: A collection of translations] (pp. 351-365). Moscow: INION RAN.
- Gilman, N. (2003). *Mandarins of the future: Modernization theory in Cold War America*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press.
- Gozulov, A.I. (1929). *Morfologiya naseleniia: Opyt izuchenii stroeniia osnovnykh svoistv naseleniia Sev.-Kavk. kraia po dannym trekh narodnykh perepisei – 1926, 1920 i 1897 gg.* [Morphology of the population: A study of the structure of the main properties of the population of the North Caucasus region according to three censuses – 1926, 1920, and 1897]. Rostov-on-Don: Sev.-Kavk. kraev. stat. upr.
- Huntington, S. (2004). *Politicheskii poriadok v meniaiushchikhsia obshchestvakh* [Political order in changing societies]. Moscow: Progress-Traditsiia.
- Kubrin, C.E. (2009). Social disorganization theory: Then, now, and in the future. In M. Krohn, A. Lizotte, & G. Hall (Eds.), *Handbook on crime and deviance* (pp. 225-236). New York: Springer.
- Lal, B. (1990). *The romance of culture in an urban civilization: Robert E. Park on race and ethnic relations in cities*. London: Routledge.
- Mead, M. (1970). *Culture and commitment: A study of the generation gap*. New York: Garden City.
- North, D. (1997). *Instituty, institutsional'nye izmeneniia i funktsionirovanie ekonomiki* [Institutions, institutional change and economic performance]. Moscow: Fond ekonomicheskoi knigi "Nachala".
- Park, R.E. (1926). Behind our masks. *Survey Graphic*, 56, 135-139.
- Park, R.E. (2011a). Gorod: Predlozheniia po issledovaniuu chelovecheskogo povedeniia v gorodskoi srede [The city: Suggestions for the investigation of human behavior in the urban environment]. In R.E. Park, *Izbrannye ocherki: Sbornik perevodov* [Selected essays: A collection of translations] (pp. 19-56). Moscow: INION RAN.
- Park, R.E. (2011b). Chelovecheskaia priroda i kollektivnoe povedenie [Human nature and collective behavior]. In R.E. Park, *Izbrannye ocherki: Sbornik perevodov* [Selected essays: A collection of translations] (pp. 57-65). Moscow: INION RAN.
- Park, R.E. (2011c). Gorodskoe soobshchestvo kak prostranstvennaia konfiguratsiia i moral'nyi poriadok [The urban community as a spatial configuration and a moral order]. In R.E. Park, *Izbrannye ocherki: Sbornik perevodov* [Selected essays: A collection of translations] (pp. 66-79). Moscow: INION RAN.
- Park, R.E. (2011d). Sotsiologiya, soobshchestvo i obshchestvo [Sociology, community, and society]. In R.E. Park, *Izbrannye ocherki: Sbornik perevodov* [Selected essays: A collection of translations] (pp. 80-114). Moscow: INION RAN.
- Park, R.E. (2011e). Fizika i obshchestvo [Physics and society]. In R.E. Park, *Izbrannye ocherki: Sbornik perevodov* [Selected essays: A collection of translations] (pp. 158-179). Moscow: INION RAN.
- Park, R.E. (2011f). Sovremennoe obshchestvo [Modern society]. In R.E. Park, *Izbrannye ocherki: Sbornik perevodov* [Selected essays: A collection of translations] (pp. 180-200). Moscow: INION RAN.
- Park, R.E. (2011g). Lichnost' i kul'turnyi konflikt [Personality and cultural conflict]. In R.E. Park, *Izbrannye ocherki: Sbornik perevodov* [Selected essays: A collection of translations] (pp. 201-216). Moscow: INION RAN.
- Park, R.E. (2011h). Chelovecheskaia migratsiia i marginal'nyi chelovek [Human migration and the marginal man]. In R.E. Park, *Izbrannye ocherki: Sbornik perevodov* [Selected essays: A collection of translations] (pp. 223-235). Moscow: INION RAN.
- Portes, A., & Zhou, M. (1993). The new second generation: Segmented assimilation and its variants. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 530, 74-96.
- Roy, O. (2018). Globalizirovannyi islam: V poiskakh novoi ummy [Globalized Islam: In search of a new ummah]. Moscow: Fond Mardzhani.
- Southall, A. (Ed.). (1973). *Urban anthropology: Cross-cultural studies of urbanization*. New York, London, Toronto: Oxford University Press.
- Starodubrovskaya, I.V. (2011). Mify i real'nost' urbanizatsii [Myths and reality of urbanization]. In I.V. Starodubrovskaya (Ed.), *Severnyi Kavkaz: Modernizatsionnyi vyzov* [The North Caucasus: A modernization challenge] (pp. 235-254). Moscow: Izdatel'skii dom «Delo» RANKhiGS.
- Starodubrovskaya, I.V. (2019). Krizis traditsionnoi severokavkazskoi sem'i v postsovetskii period i ego sotsial'nye posledstviia [The crisis of the traditional North Caucasian family in the post-Soviet period and its social consequences]. *Zhurnal issledovaniia sotsial'noi politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 17(1), 39-56.
- Tomasi, L. (1998). *The tradition of the Chicago School of Sociology*. Abington, New York: Routledge.
- Wirth, L. (2005a). Urbanizm kak obraz zhizni [Urbanism as a way of life]. In L. Wirth, *Izbrannye raboty po sotsiologii: Sbornik perevodov* [Selected works on sociology: A collection of translations] (pp. 93-118). Moscow: INION RAN.
- Wirth, L. (2005b). Ideologicheskie aspekty sotsial'noi dezorganizatsii [Ideological aspects of social disorganization]. In L. Wirth, *Izbrannye raboty po sotsiologii: Sbornik perevodov* [Selected works on sociology: A collection of translations] (pp. 192-208). Moscow: INION RAN.

Оставление надписей на мавзолее Эрлангеров и мавзолее М. И. Волконской сквозь призму символического интеракционизма

Александр Ушаков

Места исполнения желаний, граффити и культурное наследие

Кладбища являются практически неотъемлемой частью человеческой жизни и смерти. Введенское кладбище, расположенное между улицей Лонгиновской и Госпитальным валом в Лефортове, исторически было иновеческим — первые захоронения на его территории начались в 1771 году, на нем находится памятник пленным французским солдатам войны 1812 года [Саладин, 1996, с. 69–75]; значительная часть надгробий выполнена в готическом стиле и украшена выточенными именами на немецком, польском, английском и французском языках. Тем не менее архитектурный облик Введенского кладбища и известные личности, захороненные на нем, не являются предметом интереса этой работы. Значительно более примечателен тот факт, что на территории Введенского кладбища располагается ряд мавзолеев, склепов и часовен (по данным А. Б. Мороза, не менее 12 [Мороз, 2021, с. 164]), вокруг которых сложилась специфическая социальная практика — на их стенах посетители кладбища оставляют разного рода надписи, большую часть

Ушаков Александр Сергеевич, студент-бакалавр, кафедра территориального развития им. В. Л. Глазычева, Институт общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы (ИОН РАНХиГС); Москва, Российская Федерация.
E-mail: ushakov_as_w@mail.ru

Статья посвящена исследованию уникальной современной городской практики, сложившейся на территории Введенского кладбища в Москве. В центре внимания находится феномен оставления посетителями надписей с просьбами об исполнении желаний на стенах исторических мавзолеев, в частности мавзолея княгини Волконской и мавзолея семьи Эрлангеров. Данная практика анализируется как пример «спонтанной обрядности», а для ее интерпретации привлекаются классические социологические концепции: понятия сакрального и профанного Эмиля Дюркгейма и теория обрядов перехода Арнольда ван Геннепа. Основной теоретической рамкой исследования выступают работы Ирвинга Гофмана и Уильяма Ллойда Уорнера. Автор показывает, что оставление надписей является особым видом социального действия, которое не вписывается в гофмановскую дихотомию пространств «переднего плана», где индивид исполняет социальную роль, и «закулисья», где он от нее отстранен. Различия в содержании просьб объясняются через теорию Уорнера. Его разграничение «действующих» и «мертвых» кладбищ позволяет связать вариативность прошений со степенью сохранности социального значения захоронения и ролью памятника как объекта, позволяющего «связать себя со спиритуализированной личностью».

Эмпирической базой послужил собранный автором корпус надписей, которые были сгруппированы по тематике (просьбы о благополучии, отношениях, материальных благах и др.). Проведенный сравнительный анализ выявил значимые различия в содержании и стилистической форме прошений, оставленных на стенах разных мавзолеев, что подтверждает теоретические предпосылки. В заключение в статье также затрагивается аспект взаимодействия этих надписей, как специфической формы граффити, с объектами культурного наследия и шире — с городской средой.

Ключевые слова: граффити; спонтанная обрядность; мавзолеем Эрлангеров; мавзолеем Волконской; символический интеракционизм; Чикагская школа социологии

из которых составляют просьбы об исполнении желаний, что позволяет охарактеризовать данное явление как пример спонтанной городской обрядности (самовоспроизводящейся обрядовой практики в городском ландшафте, исполняемой разными, не организованными заранее людьми независимо друг от друга [Громов, 2013]).

Согласно Дюркгейму, все религиозные явления разделяются на категории «верований» и «обрядов», при этом все верования обладают одной общей чертой: разделение всех реальных и идеальных вещей на два класса – профанные и сакральные, которые отделены от первых запретами и особыми правилами поведения и являются символическим выражением общества и его влияния на индивида [Дюркгейм, 2018, с. 80, 86, 353–356]. Обряды же – это «правила поведения, которые предписывают, как человек должен вести себя со священными вещами», при этом священной может быть любая вещь – от камня до Бога. Проведение обряда «практически невозможно без того, чтобы профанное не утратило своих специфических черт, чтобы оно само некоторым образом и в определенной мере не стало священным» [Дюркгейм, 2018, с. 86].

Для описания процесса перехода между профанным и сакральным состоянием необходимо обратиться к понятию «обрядового перехода». Согласно ван Геннепу, «жизнь конкретного человека обусловлена последовательными переходами от одного возраста к другому и от одного рода деятельности к другому» и «всякое изменение в положении человека влечет за собой взаимодействие светского и сакрального. Оно требует регламентации и соблюдения ритуала, дабы общество в целом не испытало затруднений и не понесло ущерба» [ван Геннеп, 1999, с. 8–9]. Эти ритуалы (обряды перехода) состоят из прелиминарных обрядов (отделение от прежнего, профанного мира), лиминарных обрядов, совершаемых в промежуточный период, и постлиминарных обрядов (включение в новый, сакральный мир).

В работе Громова выделяются три типа мест, связанных со спонтанной городской обрядностью: 1) места, обслуживающие смену социального статуса (например, посещение достопримечательностей в ходе свадебной церемонии или натирание памятника в честь завершения учебного заведения); 2) места исполнения желаний (оставление записок, подношение монет и пр.); 3) мемориалы в память погибших (например, возложение цветов у мест совершения террористических актов) [Громов, 2013]. Первый и третий тип создаются обрядами перехода – «церемониями, сопровождающими переход из одного состояния в другое, из одного мира (космического или общественного) – в другой» [ван Геннеп, 1999, с. 15], где первый тип мест обслуживает обряды инициации и бракосочетания, а третий служит как этап отделения в ходе похоронных и траурных обрядов. Примечательно, что обряды, формирующие места исполнения желаний, не являются в строгом смысле обрядами перехода, так как они не обслуживают смену социального статуса индивида, но при этом индивид, совершая обряд, ставит изменение социального статуса своей целью. В то же время места исполнения желаний могут формироваться около существующих сакральных объектов – в качестве примеров Громовым приводятся почитание могилы, в которой якобы похоронена бандитка Сонька Золотая Ручка [Громов, 2013], и Напрудной башни Новодевичьего монастыря, ставшей местом почитания «святой Софьи» [Громов, Ипполитова, 2011, с. 76–87].

Наиболее обстоятельной работой по спонтанной городской обрядности на Введенском кладбище является статья А. Б. Мороза «Черный спаситель», описывающая историю возникновения культа исполнения желаний вокруг склепа Кнопа. Согласно Морозу, особенностью почитания склепов на Введенском кладбище является направленность на исполнение желаний и отсутствие привязки желаний к захороненному субъекту – иными словами, для загадывающих желание важно само

Цитирование: Ушаков, А. (2025). Оставление надписей на мавзолее Эрлангеров и мавзолее М. И. Волконской сквозь призму символического интеракционизма. *Городские исследования и практики*, 10(4), 43–53. <https://doi.org/10.17323/usp104202543-53>

наличие усыпальницы, воспринимаемой ими как культовый и/или религиозный объект [Мороз, 2021, с. 164]. Большая часть надписей на мавзолеях и склепах ни к кому не обращена, несущественная часть просителей обращается к Богу. Исключением является мавзолей Эрлангеров, где было оставлено «незначительное число надписей», обращенных к собственно Эрлангеру и его семейству. Автор объясняет это отличие тем, что над входом в мавзолей золотыми буквами сделана надпись «Семья Эрлангер» [Мороз, 2021, с. 165].

Мавзолей Эрлангеров был построен в 1914 году под руководством архитектора Ф. О. Шехтеля, в нем находится мозаичное панно, выполненное К. С. Петровым-Водкиным [Департамент культурного наследия города Москвы, 2019]. Примерно в 10 м от мавзолея Эрлангеров располагается мавзолей княгини М. И. Волконской (урожденной Геннесиен), выполненный в неоготическом стиле и датируемый 1850-ми годами (рис. 1) [Департамент культурного наследия города Москвы, 2022]. Статус объектов культурного наследия в сочетании с многочисленными надписями, покрывающими фасады обоих зданий (рис. 2, 3), создает их особую туристическую привлекательность. Надписи, оставленные на стенах мавзолеев посетителями кладбища, не включены в предмет охраны – напротив, они являются актами вандализма по отношению к объектам культурного наследия, как минимум нарушающими изначальные колористические решения. Это противоречие побуждает обратиться к анализу схожих кейсов в предметном поле исследований наследия (*heritage studies*).

Оставление надписей (или же в более широком смысле – граффити) на объектах, имеющих сакральный статус внутри сообщества, не является сколь-нибудь новой практикой. Ярким примером служит ораторий Святого Себастьяна в коммуне Арборио в Италии, на фресках которого сохранились надписи, оставленные местными жителями в период с 1531 по 1889 год и описывающие ключевые события в жизни сообщества [Plesch, 2002]. Надписи следуют одной структуре (дата и событие), используют схожие грамматические конструкции и в подавляющем большинстве вычерчены на фресках с изображением святых, считающихся важными в местном сообществе, в то время как расположенные вблизи сцены Страстей Христовых получили значительно меньшее число надписей. По утверждению Плеш, надписи,

оставленные местными жителями на фресках оратория Святого Себастьяна, имели прежде всего религиозный характер. Через них верующие благодарили святого за благополучие и просили защиты от бед, а сам акт нанесения надписи становился точкой физического соприкосновения профанного и сакрального. В то же время эти надписи были частью обрядовой практики, которая позволяла жителям Арборио структурировать прошлое, ощущать контроль над ним и, отделяя его от настоящего, формировать свою местную идентичность. Тем не менее, несмотря на представленную в статье ценность исторических надписей и граффити, в ряде случаев реставраторы воспринимают их исключительно как повреждения, препятствующие сохранению изначального исторического объекта.

Согласно Меррилу, специалисты по наследию часто уделяют приоритетное внимание «основному» историческому периоду культурного объекта, а не всей его истории, что приводит к удалению недавних актов вандализма, даже если они могут иметь культурную ценность [Merrill, 2011]. Примером здесь могут послужить граффити, оставленные миротворцами ООН из миссии МООНРЗС (MINURSO) на наскальных рисунках возрастом около 6000 лет на скале Lajuad (Западная Сахара) – они разрушают исторически важный объект, но в то же время служат свидетельством современной напряженности в регионе и роли МООНРЗС в ней. Сложность сохранения граффити, даже признанных культурно значимыми (как в случае с работами Бэнкси), заключается в их эфемерности. Будучи уязвимыми для внешней среды и недолговечными, они требуют применения альтернативных подходов к сохранению наследия [Edwards-Vanderhoek, 2015; Merrill, 2011].

Также важно отметить, что граффити выступает в качестве практики, превращающей статичную городскую среду в пространство взаимодействия и коммуникации, – граффити служит «социальным дневником» городских сообществ, где стены превращаются в «холст, а социальные условия – в краску» [Tsilimpounidi, 2015]. Поверхности города могут не только направлять и инструктировать жителей, но и «разговаривать» с ними через граффити, муралы и афиши, формируя «насыщенное» визуальное пространство города [Samutina, Zaporozhets, 2015].

Близкое расположение мавзолеев (рис. 1) в сочетании с их одинаковой функ-

Рисунок 1. Мавзолей княгини Волконской (слева) и мавзолей Эрлангеров (справа)
Источник: полевые материалы автора.

цией (места исполнения желаний) предполагает значительное пересечение аудиторий и, как следствие, сходство в тематике надписей [Громов, 2023]. Этой гипотезе, однако, противоречит факт наличия уникальной формы обращения к Эрлангерам, что может служить маркером особого символического статуса их мавзолея и тематических расхождений.

Цель данного исследования – определить, существуют ли тематические различия в надписях на мавзолеях Эрлангеров и Волконской, и установить, обусловлены ли эти различия неодинаковым символическим статусом объектов. Исследование основано на полевых материалах, собранных автором в марте 2024 года. Эмпирическую базу составили 230 надписей (113 на мавзолее Эрлангеров и 117 – на мавзолее княгини Волконской), зафиксированных на более чем 100 фотографиях. Для анализа данных применялись тематический и сравнительный методы. В тексте статьи надписи цитируются с сохранением оригинальной орфографии и пунктуации; сокращения обозначаются угловыми скобками (<...>).

Символический интеракционизм: кладбища и границы закулисья

В своей работе «Живые и мертвые» Уильям Уорнер определяет основную сакральную функцию кладбища следующим образом: оно призвано «дать подходящие символы для обозначения и выражения веры человека на обретение бессмертия посредством веры и ритуала христианства, а также в том, чтобы уменьшить его тревогу и страх перед смертью, обозначающей исчезновение его личности» [Уорнер, 2000, с. 317]. Кладбище помогает «сохранить живыми мертвых», оно

служит «символическим местом встречи мертвых и живых, мира сакрального и мира профанного, естественного и сверхъестественного» и является социальным символом, составленным из множества «обособленных индивидуальных символов» [Уорнер, 2000, с. 318]. Человек, пришедший на кладбище, может «понятным и эмоционально доступным способом связать себя со спиритуализированной личностью, пребывающей теперь во вневременном пространстве сверхъестественного иного мира» [Уорнер, 2000, с. 319] через конкретный физический объект, связанный с умершим, – могильный камень, памятник, склеп и т. п. По Уорнеру, секулярная жизнь покойного продолжается и после его смерти, пока память о нем сохраняется среди живых [Уорнер, 2000, с. 337–338], а надгробия служат символом бессмертия умерших и бессмертия общества, которому они принадлежат, ровно до того момента, пока их не перестают навещать – после надгробия становятся объектом исключительно исторического интереса. Аналогичный процесс, захватывающий уже целые кладбища, служит их разделению на «живые» и «исторические».

В рамках предложенного подхода можно предположить, что чета Эрлангеров сохраняет заметное присутствие в публичном пространстве. Подтверждением тому служат периодические публикации в СМИ, связывающие историю жизни главы семейства с практикой оставления желаний на стенах мавзолея [Фочкин, 2018; Соколова, 2025]. Биография княгини М. И. Волконской (урожденной Геннесиен), напротив, практически отсутствует в общедоступном поле: единственным источником, содержащим ее краткое жизнеописание, является акт государственной историко-культурной экспертизы [Департамент культурного наследия города Москвы, 2022]. Вероятно, в общественном восприятии мавзолей Волконской лишился своей персональной привязки и теперь несет лишь общее символическое значение, связанное с религией и историей. Мавзолей Эрлангеров, в свою очередь, продолжает функционировать как точка соприкосновения мира живых (профанного) и мира мертвых (сакрального). Проверка гипотезы о сохранении памяти об Эрлангерах и особом символизме их мавзолея сводится к анализу двух аспектов. Во-первых, следует установить, связаны ли тематически прошения с биографией Антона Эрлангера как успешного промышленника (например, просьбы о помощи в карьере, бизнесе и т.д.). Во-вторых, важно определить, являются ли обращения к нему осознанным ак-

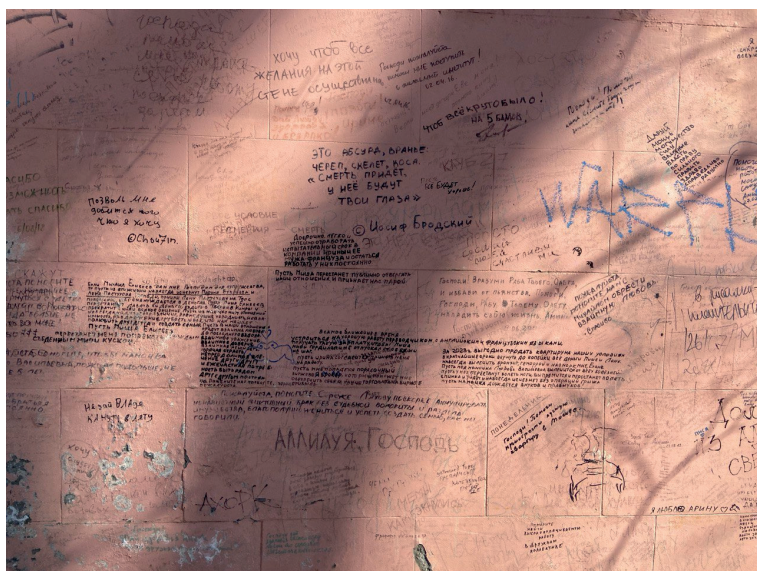

Рисунок 2. Надписи на мавзолее княгини М. И. Волконской

Источник: полевые материалы автора.

том, а не простым копированием формулировок в рамках механизма, описанного А. Б. Морозом.

В то же время важно отметить специфичность самой практики оставления надписей в каких бы то ни было публичных пространствах. Согласно драматургическому подходу Ирвинга Гофмана [Гофман, 2000], когда индивид и его действия видны другим, то у него появляются мотивы для того, чтобы попытаться контролировать впечатления, которые окружающие получают от наблюдения ситуации. По этой причине при взаимодействии с внешними акторами индивид практически никогда не действует полностью открыто, а всегда старается подстроиться под возлагаемые на него социальные ожидания — подобно актеру, надевает «маску» ожидаемой от него социальной роли, скрывающей аспекты личности, неподходящие текущей ситуации. По аналогии с театром, на «переднем плане» индивид ведет себя согласно социальным ожиданиям, а в «закулисье» он может, с одной стороны, готовиться к предстоящему «представлению», а с другой — не испытывает на себе обременение накладываемой социальной роли. Гофман утверждает, что разделение на «передний план» и «закулисье» существует не только в социальном, но и в физическом пространстве: красочные занавески вывешиваются на том окне, где их будет видно людям; существует деление на парадный вход и парадные комнаты (для гостей и для полноценных членов общества) и на черный вход и задние комнаты (для прислуги, то есть для тех, чьи действия не стоит представлять), есть учительские комнаты (в которых преподава-

тельский состав ведет себя более «закулисно») и классные кабинеты (где учителя «играют представление») и т. д. Это разделение не перманентно, а потому некоторые пространства поочередно становятся то «передним планом» (кабинет руководителя во время совещания), то «закулисьем» (кабинет руководителя, когда тот в нем обедают).

Оставление надписей в публичных пространствах представляет собой амбивалентную практику «действия на переднем плане — действия в закулисье» по целому ряду причин. С одной стороны, результат действия по определению публичный — проходящие мимо люди при желании смогут прочесть оставленную индивидом надпись. С другой — само действие может быть совершенно одиночно и анонимно («закулисно»), а может быть совершенно коллективно и, следовательно, «на переднем плане». Кроме того, индивид, осознающий отложенную публичность оставляемой надписи, подпадает под влияние собственных установок о том, что является «ожидаемым поведением» при встрече с местами исполнения желаний. Исходя из этого, можно предположить, что чем выше известность места, тем сильнее оно ассоциируется с практикой оставления желаний. В связи с этим можно ожидать, что на мавзолее Эрлангеров, как более известном объекте, доля надписей, не являющихся просьбами, будет значительно ниже, чем на мавзолее Волконской.

Кто и кому оставляет надписи?

Подавляющее большинство надписей на мавзолеях носит анонимный характер, однако на 24 надписях авторы так или иначе раскрывают себя. Зачастую подпись оставляется в конце текста, например: «Пусть все будут счастливы! Натали» [В]¹. 4 раза авторы оставили указание на свою личность внутри текста: «Дорогие Эрлангеры! Помогите мне Насте вернуть любимого Бехзода. <...>» [Э]. Помимо имен, 4 человека оставили на мавзолеях свои контактные данные (никнейм в соцсети или номер телефона). Также было оставлено 4 надписи формата «С + Л = Любовь» [В] и одна — «Здесь был Давид» [В]. На каждом мавзолее было оставлено по 12 надписей с неанонимным автором. Скорее всего, аудитория людей, оставляющих надписи на мавзолеях, преимущественно женская: на мавзолее Эрлангеров были найдены

1. Здесь и далее [В] — надпись оставлена на мавзолее княгини Волконской, [Э] — на мавзолее Эрлангеров.

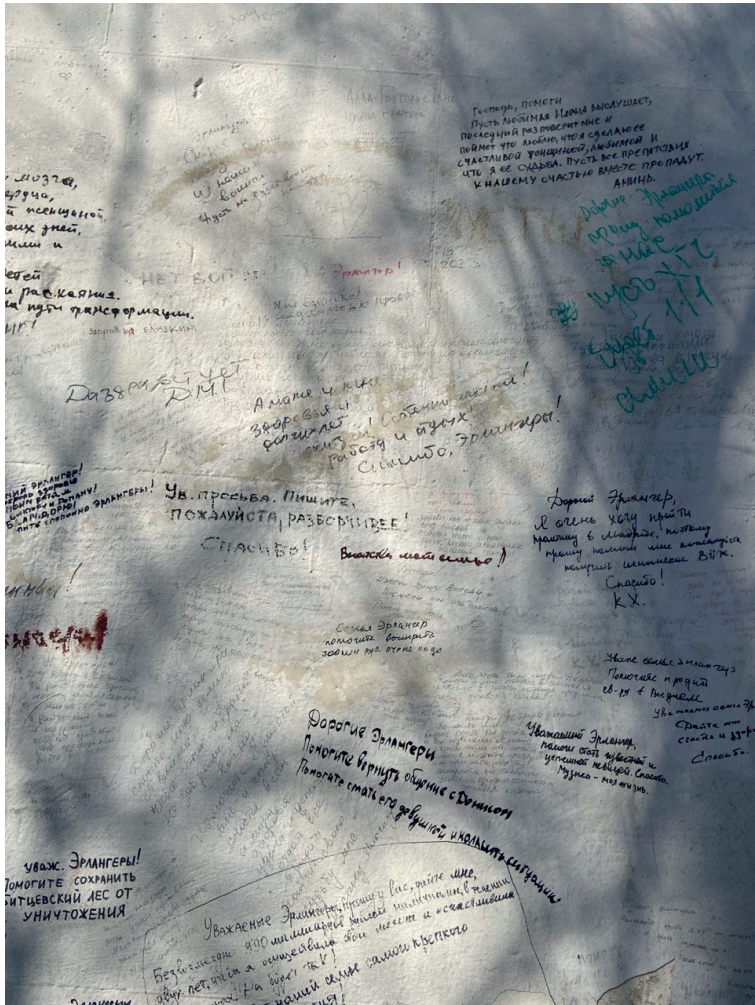

Рисунок 3. Надписи на мавзолее Эрлангеров

Источник: полевые материалы автора.

3 «мужских» текста, 21 «женский» текст, на мавзолее Волконской – 7 мужских и 25 женских. Возможно, несколько текстов было написано парами (в вариациях на «кто-то + кто-то = любовь»), также есть пример просьбы с двумя адресантами: «Милые Эрлангеры, дайте людям ума. Вера и Гена» [Э].

Весомая часть надписей, оставленных на обоих мавзолеях, содержала в себе обращение к адресату или к адресатам. Так, на мавзолее Волконской было обнаружено 46 обращений к Богу («Боже», «Господь», «Господи»), одно обращение к Эрлангерам и одно обращение к Богородице; на мавзолее Эрлангеров число обращений к Богу было незначительным – 4 вхождения, в то время как чуть больше половины надписей содержало в себе обращение к Эрлангеру или к Эрлангерам. На мавзолее Эрлангеров более распространена форма обращения к Эрлангерам (46 вхождений) – чаще всего обращаются к «уважаемым/дорогим/милым/ Эрлангерам», реже – к «господам Эрлангерам» (10 вхождений), наименее часто – к «семье Эрлангер» (5 вхождений). Было обнаружено

12 надписей, адресатом которых является «уважаемый» или «дорогой» Эрлангер в единственном числе, при этом по имени он упоминается лишь единожды: «Дорогой и уважаемый Антонио Эрлангер! Привет из Ялты, из твоей дачи на ул Чехова 5. Благодарим тебя за то, что ты сделал для нашего города Ялта. Инна. 13.09.2022 г.». Примечательно встретившееся трижды обращение к «Барону Эрлангеру»: «Уважаемый Барон Эрлангер! Прошу у Вас помощи в быстрой и успешной продаже дома». Адресанты практически никогда не обращаются к Богу и к Эрлангерам одновременно – такой случай был встречен лишь единожды: «Эрлангеры! Господи! Нужна помощь с работой, помогите получить ставку главного специалиста. Спасибо!» [Э]. Также было встречено уникальное обращение: «Жители этого кладбища, помогите человечеству» [Э].

Кроме того, часть надписей была обращена не к исполнителям, а к просителям желаний. Так, например, на мавзолее Эрлангеров кто-то написал: «Вы просите удачи у мертвых! Чтож вы ее получите на том свете. Ждем», а на мавзолее Волконской была встречена такая надпись: «Передаю привет дяде Славе». Детальнее этот феномен будет рассмотрен в следующем разделе.

Преобладание множественного числа в обращениях к Эрлангерам можно объяснить механическим копированием фасадной надписи «Семья Эрлангеръ». Эта гипотеза получит окончательное подтверждение, если тематический анализ не выявит существенных различий в прошениях на обоих мавзолеях.

Зачем пишут?

В ходе тематического анализа все надписи были разделены на три группы в зависимости от цели их авторов: просьбы об исполнении желаний, благодарности и прочие высказывания. Учитывая ритуальную функцию мавзолеев как мест исполнения желаний, прошения предсказуемо составили самую многочисленную категорию: 96 на мавзолее Эрлангеров и 89 – на мавзолее Волконской. Анализ выявил три основные формы, которые принимают просьбы об исполнении желаний:

1) собственно *просьбы* – «Ув. Эрлангеры! Пусть Гарик живет по-дольше! Прошу Вас! Умоляю!» [Э], «Помогите найти сестру» [Э], «Господи помогите нам с бизнесом. Чтобы было много заказов от клиентов» [В];

2) *желания* – «Пусть Таня родит в след году» [Э], «Чтобы вокруг меня крутилось

много мальчиков красивых и успешных» [В], «Я хочу чтобы у моей бабушки было много здоровья» [В];

3) *аффирмации* (перечисления собственных желаемых качеств в форме настоящего времени) – «Я успешная художница и я следую за своей судьбой. Я счастлива, как и мои друзья и близкие. Я излучаю свет и живу полной жизнью!!!» [В].

Количественное распределение форм желаний неравномерно. Прямые просьбы преобладают на мавзолее Эрлангеров (74 против 62), что может быть следствием популярности готовой формулы обращения. Количество надписей-констатаций желаний на обоих объектах примерно одинаково (около 20), тогда как аффирмации встречаются крайне редко (1 на мавзолее Эрлангеров, 4 – на мавзолее Волконской). Более подробный разбор прошений² будет представлен в следующем разделе.

Наименее многочисленной категорией надписей являются благодарности за исполненные желания: 3 на мавзолее Эрлангеров и 2 – на мавзолее Волконской. Связано это в том числе и с тем, что выражение благодарности зачастую идет в связке с прошением об исполнении нового желания (например: «Уважаемые Эрлангеры, благодарю за исполнение желания! Прошу, пожалуйста, помогите продать квартиру до конца июня за нашу адекватную цену, отдать долги и забрать Сониного сына. Спасибо, Господи, за все, что у меня есть!» [Э]).

Вторую по численности категорию составляют надписи, цель которых – выразить мысль или обратиться к другим посетителям (далее – сообщения). К ним были отнесены приписки к чужим пожеланиям («я тоже», «надеюсь, ты не рисуешь фурри» [В] и т. п.), стихи и поэтические высказывания («Любить нельзя забыть» [Э], «Потому что все действительно очень хрупкое» [В], «“Это абсурд, вранье: / Череп, скелет, коса. / Смерть придет, у нее / Будут твои глаза” Иосиф Бродский» [В]), публичное отторжение практики и попытки ее изучить («***[Нет] вам всем! Надоели!» [Э], «Просьба, пишите разборчивее. Нужно для научной работы. Спасибо!» [Э]) и прочие рисунки и надписи, не содержащие в себе прошений («[номер мобильного телефона]» [Э], «M + PG [в сердечке]» [Э], «Yellowcard тоже распались(((камбэкнитесь пж [грустный кот]» [В], «Радфем топ» (надпись в сердечке, перечеркнута крестом) [В]).

2. В следующих разделах все формы выражения желаний (просьбы, желания и аффирмации) объединяются под термином «прошения» для достижения ясности изложения.

Существенная разница в количестве неритуальных сообщений – 15 на мавзолее Эрлангеров против 32 на мавзолее Волконской (13% и 27% соответственно) – подтверждает гипотезу об «ожидаемом поведении». На более известном объекте посетители вдвое реже отклоняются от его основной ритуальной функции. Вместе с тем этот же факт, в совокупности с медийным освещением истории Эрлангеров, ставит под сомнение идею об «обращении-кальке». Можно предположить, что осведомленность посетителей не ограничивается ритуальной функцией места, но распространяется и на личность адресата. Впрочем, окончательно подтвердить или опровергнуть это предположение может только тематический анализ самих прошений.

О чем просят?

1. *Общее благополучие.* Эта категория объединяет просьбы о получении абстрактных благ, не имеющих конкретных измеримых показателей, но отражающих представление о хорошей жизни: счастья, здоровья, богатства, успеха, безопасности, терпения и т.д.: «Господи, помоги мне стать счастливой, здоровой, успешной и богатой» [В], «Хочу чтоб все желания на этой стене осуществились» [В], «Господи помоги моей семьей и тех кого люблю быть счастливее и быть здоровыми всегда. Господи и если останется время на меня то помоги добиться заветных целей и исполнить свои желания» [В], «Дайте сил пережить все это» [Э], «Дорогие Эрлангеры, помогите, пожалуйста, моим друзьям обрести счастье и покой!» [Э], «Alle meine Wünsche ins leben kommen [Чтоб все мои желания претворились в жизнь]» [Э]. Как видно из приведенных примеров, бенефициаром таких прошений может быть не только сам проситель, но и его окружение и даже все те, кто оставил на мавзолее свое желание.

2. *Материальные блага.* Эти прошения можно разделить на несколько подтем:

- Карьера и бизнес: «Эрлангеры! Господи! Нужна помощь с работой, помогите получить ставку главного специалиста. Спасибо!» [Э], «Уважаемый Эрлангер, помоги стать известной и успешной певицей. Спасибо. Музыка – моя жизнь» [Э], «Господи помоги нам с биз-

несом. Чтобы было много заказов от клиентов» [В].

- Недвижимость: «Уваж. семья Эрлангер. Помогите продать кв-ру в Видном» [Э], «Уважаемый Г-н Эрлангер! Помогите пожалуйста купить квартиру в Москве!» [Э], «Помоги, Господи продать 2 участка [неразборчиво] по доступной цене» [В], «Всемогущий Господь вседержитель, помоги нам продать все книги на авито. Аминь! 15.3.24» [В].
- Образование: «Ув. Эрлангеры, помогите сдать экзамены! [крест]» [Э], «Дорогие Эрлангеры! Помогите хорошо закончить учебный год, <...>» [Э], «Господи пожалуйста помоги мне поступить в желаемый институт! 02.04.16» [В].
- Конкретные вещи и возможности: «Желаю БМВ х6 новый черного цвета из салона» [Э], «Хочу много путешествовать» [В], «Хочу свою хату и КОТОВ!!!» [В].

3. *Отношения.* Третью крупную категорию составляют надписи, посвященные отношениям. В ней можно выделить следующие подтемы:

- Начало романтических или семейных отношений: «Дорогие Эрлангеры, хочу, чтобы Алексей меня полюбил, предложил встречаться в течение трех дней, и чтобы он сегодня проводил меня. Благодарю и принимаю!» [Э], «Пусть я выйду замуж» [В].
- Поддержание романтических или семейных отношений: «Господь, помоги. Пусть любимая Илона выслушает, последний раз поверит мне и поймет что люблю, что я сделаю ее счастливой женщиной, любимой и что я ее судьба. Пусть все препятствия к нашему счастью вместе пропадут. Аминь» [Э], «Господи, пусть у нас с Витей все будет хорошо. Хочу, чтобы мы попробовали начать жить вместе» [В]. К этой группе также были отнесены просьбы о поддержании хороших отношений с родителями, родственниками и детьми, например: «Господи хочу чтобы отец мною гордился» [В].
- Деторождение: «Ув. господа Эрлангеры! Помогите мне забеременеть и родить здорового крепкого сына. Аминь» [Э], « <...> Даше выйти замуж за доброго богатого человека. Чтобы меня любила и троих деток родила» [В].

Единичные просьбы о начале и поддержании дружеских отношений были отнесены к первой и второй подтемам соответственно.

4. *Разрешение кризиса.* Отдельную категорию образуют просьбы, связанные не с достижением благополучия, а с преодолением кризисных жизненных обстоятельств. В частности, на стенах мавзолеев встречаются прошения:

- Об исцелении болезней. Они хотят избавиться от зависимостей («Ув. Эрлангер! Помогите сыну Кириллу, избавьте от алкоголя <...>» [Э], «Помогите мне бросить курить» [В], «Господи помогите избавиться от героиновой зависимости» [В]), вылечить заболевания – как относительно легкие («Ув. господа Эрлангеры! Пожалуйста, помогите мне вылечить бронхит, геморрой и насморк!!!» [Э]), так и смертельно опасные («Ув. господа Эрлангеры. Пожалуйста, помогите моей мамочке Любове Васильевне вылечиться от всех болезней. Пусть ее прекратят мучить головные боли, болеть ноги, распрямится и перестанет болеть спинка и без операции исчезнет грыжа. Пусть моя мамочка дожидается внуков и правнуков» [Э], «Папа, живи» [В]).
- О прекращении войны: «Эрлангеры, [нрзб.] и нашим воинам. Пусть не будет война никогда!» [Э], «Господи, помоги. Сделай так, чтобы не было войны, чтобы сыновей не забрали на войну. Спаси и сохрани» [В].
- О смерти. Прошения о смерти направлены либо на недоброжелателей («Ув. Эрлангеры, пусть наши враги сдохнут!» [Э], «Ув. Эрлангеры! Пусть эта тварь Гуля сдохнет в тюрьме!» [Э]), либо на самого просителя («Господи забери меня, пошли мне быструю и легкую мгновенную смерть. В этот год» [В]).
- О воскрешении умерших: «Господи, воскреси моего мужа Александра, а если это невозможно, забери меня к нему. Я очень скучаю без него, мне плохо. Люблю его» [В], «Хочу, чтобы моя дочь снова была жива 14.5.2014 г.» [В].
- О решении проблем с законом: «Помогите убрать черную полосу в жизни и чтоб отстали полицаи!» [Э], «Господи, помоги пережить все это, чтобы его поскорее освободили и он ко мне вернулся» [В].

Детальное распределение тем и подтем представлено в таблице 1. Сумма входящих по всем темам превышает общее число надписей, поскольку некоторые сообщения содержат прошения, относящиеся к разным категориям.

Тематический анализ подтверждает гипотезу о связи содержания прошений с личностью погребенного. Так, на мавзолее Эрлангеров, известного как «мукомольный король» [Фочкин, 2018; Соколова, 2025], самой популярной темой ожидаемо стали материальные блага (40 вхождений, 28%). В то же время на мавзолее Волконской преобладают неритуальные сообщения (32 вхождения, 23%). Хотя тема общего благополучия распространена на обоих объектах почти одинаково (23% и 22% соответственно), существенный перевес просьб о материальных благах и отношениях на мавзолее Эрлангеров (на 11 упоминаний по каждой теме) свидетельствует о его четкой символической «специализации». В то же время преобладание просьб об отношениях на мавзолее Эрлангеров, в отличие от просьб о материальном успехе, не находит прямого объяснения в медийном освещении. Вероятнее всего, здесь играют роль два фактора. Во-первых, общая популярность объекта как места исполнения желаний. Во-вторых, что более важно, фасадная надпись «Семья Эрлангеры», которая делает обращения по вопросам личной жизни и брака символически уместными. Учитывая это, можно с осторожностью заключить, что публичный образ («секулярная жизнь») семейства Эрлангеров действительно влияет на тематическое содержание надписей на их мавзолее.

Заключение

Результаты исследования подтверждают гипотезу об «ожидаемом поведении» при взаимодействии с местами исполнения желаний, основанную на концепции Ирвинга Гофмана. Было установлено, что на мавзолее Эрлангеров, как более известном объекте, доля надписей, не являющихся прошениями, значительно ниже, чем на мавзолее Волконской. Это различие сопровождается и тематической специализацией: для мавзолея Эрлангеров характерны просьбы о материальных благах, тогда как для мавзолея Волконской – неритуальные сообщения. Таким образом, надписи, с одной стороны, разрушая памятник, с другой – создают эфемерный архив, содержание которого напрямую зависит от публичной репутации объекта.

Вместе с тем однозначно определить степень влияния «секулярной жизни» Эрлангеров на тематику надписей пока невозможно. С одной стороны, преобладание просьб о материальных благах прямо

коррелирует с образом «мукомольного короля». С другой стороны, высокая популярность прошений об отношениях, не связанная с этим образом, усложняет интерпретацию. Чтобы разграничить влияние этих факторов и подтвердить гипотезу об осознанном выборе адресата, необходимо проведение дальнейших исследований, включающих интервью с посетителями и увеличение выборок.

Благодарности

Выражаю благодарность Нине Александровне Любинарской за помощь в написании работы.

Источники

- Геннеп, А. ван. (1999). *Обряды перехода: систематическое изучение обрядов*. Москва: Издательская фирма «Восточная литература» РАН.
- Гофман, И. (2000). *Представление себя другим в повседневной жизни*. Москва: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле.
- Громов, Д. В. (2013). Обрядность в городском ландшафте: объекты и практики. *Традиционная культура*, (3), 71–82.
- Громов, Д. В. (2024). Камни-записки на могиле Максимилиана Волошина. *Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»*, (4), 92–111.
- Громов, Д. В., и Ипполитова, А. Б. (2011). Карта человеческих желаний, или Записки у стен московского монастыря. *Традиционная культура*, (2), 76–87.
- Департамент культурного наследия города Москвы. (2019). Распоряжение № 366 «Об утверждении предмета охраны объекта культурного наследия федерального значения (памятника) “Мавзолей Эрлангеров, 1914 г., арх. Шехтель Ф. О., худ. Петров-Водкин К. С.”». https://www.mos.ru/upload/documents/files/7039/MavzoleiErlangerov_ot02072019_16-31-366_9.pdf.
- Департамент культурного наследия города Москвы. (2022). Акт ГИКЭ проектной документации по сохранению объекта культурного наследия регионального значения «Ансамбль часовен Введенского кладбища, XIX – начало XX в.: Мавзолеем княгини М. И. Волконской (урожденной Геннесиен) (1803–1849), 1850-е гг.» по адресу: г. Москва, ул. Наличная, д. 1 (Введенское кладбище, участок 11). <https://www.mos.ru/dkn/documents/discussions/view/16677221>.
- Дюркгейм, Э. (2018). *Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии*. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Мороз, А. Б. (2021). Почитаемые склепы на Введенском кладбище в Москве: «Черный Спаситель» – история культа. *Этнографическое обозрение*, (1), 163–178.
- Саладин, А. Т. (1997). *Очерки истории московских кладбищ*. Москва: Книжный сад.

Тема/подтема	Мавзолей Эрлангеров		Мавзолей Волконской	
	число вхождений	% от числа вхождений	число вхождений	% от числа вхождений
1. Общее благополучие	33	23,1	31	22,3
2. Материальные блага	40	28	29	20,9
2.1. Карьера	14	9,8	13	9,4
2.2. Недвижимость	13	9,1	5	3,6
2.3. Образование	6	4,2	7	5
2.4. Конкретная вещь	7	4,9	4	2,9
3. Отношения	32	22,4	21	15,1
3.1. Начало	17	11,9	15	10,8
3.2. Поддержка	9	6,3	4	2,9
3.3. Деторождение	5	3,5	2	1,4
4. Разрешение кризиса	19	13,3	24	17,3
4.1. Исцеление болезни	8	5,6	9	6,5
4.2. Война	6	4,2	7	5
4.3. Пожелание смерти	3	2,1	3	2,2
4.4. Воскрешение	0	0	3	2,2
4.5. Проблемы с законом	2	1,4	2	1,4
5. Сообщения	15	10,5	32	23
6. Благодарность	4	2,8	2	1,4

Таблица 1. Тематическая структура надписей, оставленных на мавзолее Эрлангеров и мавзолее Волконской (М.Э. – 113 надписей, М.В. – 117 надписей)

Источник: на основании полевых материалов автора.

- Соколова, А. (2025, 29 января). Загадочная сила Эрлангера: место в Москве, где исполняются желания. *Аргументы и факты*. <https://aif.ru/society/people/zagadochnaya-sila-erlangera-mesto-v-moskve-gde-ispolnyayutsya-zhelaniya>.
- Уорнер, У. (2000). *Живые и мертвые*. Москва: Университетская книга.
- Фочкин, О. (2018, 12 декабря). Склеп исполнения желаний. *Вечерняя Москва*. <https://vm.ru/society/462723-sklep-ispolneniya-zhelanij>.
- Edwards-Vandenhoeck, S. (2015). You aren't here: Reimagining the place of graffiti production in heritage studies. *Convergence*, 21(1), 78–99.
- Merrill, S.O.C. (2011). Graffiti at Heritage Places: Vandalism as Cultural Significance or Conservation Sacrilege? *Time and Mind*, 4(1), 59–75.
- Plesch, V. (2002). Memory on the wall: Graffiti on the religious buildings. *Journal of Medieval and Early Modern Studies*, 32(1), 167–197.
- Samutina, N., Zaporozhets, O. (2015). Berlin, the City of Saturated Walls. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, 7(2), 36–61.
- Tsilimpounidi, M. (2015). "If These Walls Could Talk": Street Art and Urban Belonging in the Athens of Crisis. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, 7(2), 18–35.

THE PRACTICE OF LEAVING INSCRIPTIONS ON THE ERLANGER AND VOLKONSKAYA MAUSOLEUMS: A SYMBOLIC INTERACTIONIST PERSPECTIVE

Aleksandr S. Ushakov, Undergraduate Student, V.L. Glazychev Department of Territorial Development, Institute for Social Sciences, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA); Moscow, Russian Federation.
E-mail: ushakov_as_w@mail.ru

This article examines a unique contemporary urban practice that has emerged at the Vvedenskoye Cemetery in Moscow. The focus is on visitors leaving inscriptions with wishes on the walls of historic mausoleums, particularly the mausoleum of Princess Volkonskaya and the mausoleum of the Erlanger family. This practice is analyzed as an example of "spontaneous ritualism," and its interpretation draws on classic sociological concepts: Émile Durkheim's notions of the sacred and the profane and Arnold van Gennep's theory of rites of passage. The main theoretical framework for the study is provided by the works of Erving Goffman and William Lloyd Warner. The paper demonstrates that leaving inscriptions is a special kind of social action that does not fit into Goffman's

dichotomy of "front stage" spaces, where an individual performs a social role, and "backstage" spaces, where one is detached from it. Differences in the content of the wishes are explained through Warner's theory. His distinction between "living" and "dead" cemeteries makes it possible to link the variability of the wishes to the degree to which the social significance of the burial is preserved and the role of the monument as an object that allows one to "connect oneself with a spiritualized personality."

The empirical basis was a corpus of inscriptions collected by the author, which were grouped thematically (requests for well-being, relationships, material goods, etc.). A comparative analysis revealed significant differences in the content and stylistic form of the requests left on the walls of the different mausoleums, which confirms the theoretical premises. In conclusion, the article also touches upon the interaction of these inscriptions, as a specific form of graffiti, with cultural heritage sites and, more broadly, with the urban environment.

Keywords: graffiti; spontaneous ritualism; Erlanger mausoleum; Volkonskaya mausoleum; symbolic interactionism; Chicago school of sociology

Citation: Ushakov, A. (2025). The Practice of Leaving Inscriptions on the Erlanger and Volkonskaya Mausoleums: A Symbolic Interactionist Perspective. *Urban Studies and Practices*, 10(4), 43-53. <https://doi.org/10.17323/usp104202543-53>

References

- Departament kul'turnogo naslediya goroda Moskvyy. (2019). *Rasporyazheniye № 366 "Ob utverzhdenii predmeta okhrany ob'yekta kul'turnogo naslediya federal'nogo znacheniya (pamyatnika) 'Mavzoley Erlangerov, 1914 g., arkh. Shekhtel' F.O., khud. Petrov-Vodkin K.S.'"* [Decree No. 366 "On the approval of the subject of protection of the object of cultural heritage of federal significance (monument) 'The Erlanger Mausoleum, 1914, arch. F.O. Shekhtel, art. K.S. Petrov-Vodkin'"]. https://www.mos.ru/upload/documents/files/7039/MavzoleiErlangerov_ot02072019_16-31-366_9.pdf.
- Departament kul'turnogo naslediya goroda Moskvyy. (2022). *Akt GIKE proektnoy dokumentatsii po*

sokhraneniyu ob'yekta kul'turnogo naslediya regional'nogo znacheniya "Ansaml' chasoven Vvedenskogo kladbishcha, XIX - nachalo XX vv.: Mavzoley knyagini M.I. Volkonskoy (urozhdennoy Gennissiyen) (1803-1849), 1850-ye gg." po adresu: g. Moskva, ul. Nalichnaya, d. 1, (Vvedenskoye kladbishche, uchastok 11) [Act of the state historical and cultural expertise of the project documentation for the preservation of the object of cultural heritage of regional significance "Ensemble of chapels of the Vvedenskoye cemetery, 19th-early 20th centuries: Mausoleum of Princess M.I. Volkonskaya (nee Genissien) (1803-1849), 1850s" at the address: Moscow, Nalichnaya st., 1, (Vvedenskoye cemetery, plot 11)]. <https://www.mos.ru/dkn/documents/discussions/view/16677221>.

- Dyurkgeym, E. (2018). *Elementarnyye formy religioznoy zhizni: totemicheskaya sistema v Avstralii* [The Elementary Forms of Religious Life: The Totemic System in Australia]. Moscow: Izdatel'skiy dom "Delo" RANKHiGS.
- Edwards-Vandenhoeck, S. (2015). You aren't here: Reimagining the place of graffiti production in heritage studies. *Convergence*, 21(1), 78-99.
- Gennep, A. van. (1999). *Obrady perekhoda: Sistematicheskoye izucheniye obryadov* [The Rites of Passage: A Systematic Study of Rites]. Moscow: Izdatel'skaya firma "Vostochnaya literature" RAN.
- Goffman, E. (2000). *Predstavleniye sebya drugim v pousednevnoy zhizni* [The Presentation of Self in Everyday Life]. Moscow: KANONpress-Ts; Kuchkovo pole.
- Gromov, D.V. (2013). Obryadnost' v gorodskom landshafte: ob'yekty i praktiki [Rituals in the urban landscape: Objects and practices]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional Culture], (3), 71-82.
- Gromov, D.V. (2024). Kamni-zapiski na mogile Maksimiliana Voloshina [Stone notes on the grave of Maximilian Voloshin]. *Vestnik RGGU. Seriya "Literaturovedeniye. Yazykoznaniye. Kul'turologiya"* [RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Culturology" Series], (4), 92-111.
- Gromov, D.V., & Ippolitova, A.B. (2011). Karta chelovecheskikh zhelaniy, ili zapiski u sten moskovskogo monastyrya [A map of human desires, or notes at the

walls of a Moscow monastery]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional Culture], (2), 76-87.

- Merrill, S.O.C. (2011). Graffiti at Heritage Places: Vandalism as Cultural Significance or Conservation Sacrilege? *Time and Mind*, 4(1), 59-75.
- Moroz, A.B. (2021). Pochitayemyye sklepy na Vvedenskom kladbishche v Moskve: "Chernyy Spasitel'" - istoriya kul'ta [Venerated crypts at the Vvedenskoye cemetery in Moscow: "The Black Savior" - the history of a cult]. *Etnograficheskoye obozreniye* [Ethnographic Review], (1), 163-178.
- Plesch, V. (2002). Memory on the wall: Graffiti on the religious buildings. *Journal of Medieval and Early Modern Studies*, 32(1), 167-197.
- Saladin, A.T. (1997). *Ocherki istorii moskovskikh kladbishch* [Essays on the History of Moscow Cemeteries]. Moscow: Knizhnyy sad.
- Samutina, N., Zaporozhets, O. (2015). Berlin, the City of Saturated Walls. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, 7(2), 36-61.
- Sokolova, A. (2025, January 29). Zagadochnaya sila Erlangera: mesto v Moskve, gde ispolnyayutsya zhelaniya [The mysterious power of Erlanger: a place in Moscow where wishes come true]. *Argumenty i Fakty* [Arguments and Facts]. <https://aif.ru/society/people/zagadochnaya-sila-erlangera-mesto-v-moskve-gde-ispolnyayutsya-zhelaniya>.
- Tsilimpounidi, M. (2015). "If These Walls Could Talk": Street Art and Urban Belonging in the Athens of Crisis. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, 7(2), 18-35.
- Warner, W. (2000). *Zhivyye i mertvyye* [The Living and the Dead]. Moscow: Universitetskaya kniga.

Прекарная Россия будущего, или «Мир мебелированных комнат» сто лет спустя

Екатерина Колпинец

Введение

Почти сто лет назад Харви Зорбо, на тот момент аспиранта Роберта Парка в Чикагском университете, интересовали два основных вопроса: возможно ли сохранение и развитие сплоченных сообществ в современном городе и как на индивидуальном уровне отражаются процессы дифференциации и сегрегации мегаполиса? Мир мебелированных комнат Чикаго 1920-х, где постояльцы сменялись каждые несколько месяцев, был для Зорбо миром «до странности неконвенциональных обычаев и людей», где люди живут «как обитатели большого отеля, встречаясь, но не зная друг друга» [Зорбо, 2015, с. 186, 227].

Сто лет спустя я задаю те же вопросы в отношении обитателей временного жилья в Москве. Можно ли в их случае говорить о специфическом социальном мире, и если можно, то каким образом конструируются его границы? Как конструирование границ данного мира связано с внешними процессами и условиями рынка московской аренды (например, изменением ключевой ставки ЦБ и связанным с ней ростом арендной ставки)? Можно ли утверждать, что жители московских арендованных комнат также разобщены, как и постояльцы доходных домов Чикаго, но делают все возможное, чтобы создать некое подобие конвенций, общих правил? Каким образом артикулируются эти правила?

Предметом интереса Зорбо был небольшой участок Чикаго к северу от делового центра – Ближний Норт-Сайд, где на крошечной по нынешним временам площади (около 6 км²) соседствовали радикально разные районы – от иммигрантских анклавов и трущоб до роскошных особняков Золотого Берега. Если Золотой Берег воплощал богатство, высокий социальный статус, основательность и укорененность, то район доходных домов – мобильность, анонимность, изоляцию и туманные жизненные перспективы.

Зорбо отмечал, что доходные дома в Чикаго никогда не строились целенаправленно: комнаты в них начинали сдавать в аренду, когда

Колпинец Екатерина Владимировна, исследователь социальных сетей, культуролог, Школа философии и культурологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); Москва, Российская Федерация.

E-mail: katerinakolpinets@gmail.com
ORCID: 0000-0002-6541-375X

Статья проводит параллель между «миром мебелированных комнат» Чикаго 1920-х годов, описанным Харви Зорбо, и рынком аренды жилья в Москве 2020-х. Опираясь на методологию Чикагской школы социологии и применяя нетнографический анализ, автор исследует онлайн-сообщества по поиску жилья, в частности группу Flats for Friends. Анализируются механизмы конструирования социальных норм и ценностей внутри этих цифровых пространств: как формируются образы «идеального соседа» и «комфортного жилья» и какие неформальные правила регулируют взаимодействие участников. Центральной темой исследования является прекарность – состояние нестабильности, характерное как для обитателей доходных домов сто лет назад, так и для современных горожан, живущих в условиях краткосрочной аренды и гибких социальных связей. В статье утверждается, что, несмотря на различия в технологическом и социальном контекстах, онлайн-платформы не столько преодолевают, сколько воспроизводят и видоизменяют классические формы городской отчужденности и поиска «своих». Исследование показывает, что цифровые сообщества становятся арендой, где разворачивается борьба с прекарностью через создание локальных, но хрупких уз доверия. Таким образом, работа вносит вклад в понимание того, как исторические модели городской жизни отражаются в современных цифровых практиках.

Ключевые слова: Харви Зорбо; Чикагская школа социологии; доходные дома; сообщества; нетнография; рынок аренды жилья; прекарность

Цитирование: Колпинец, Е. (2025). Прекарная Россия будущего, или «Мир мебелированных комнат» сто лет спустя. *Городские исследования и практика*, 10(4), 54–62. <https://doi.org/10.17323/usp104202554-62>

район понемногу терял свою респектабельность. Районы доходных домов были транзитной зоной между элитными кварталами и трущобами.

Первое существенное отличие Москвы от Чикаго – съемные комнаты здесь рассеяны по всему городу, а не локализованы в конкретном районе. Обветшалое, с прогнившими коммуникациями, заставленное старой мебелью жилье под сдачу можно найти как в центре Москвы, так и на ее окраинах. Причем его цена зависит не от близости к престижным дорогим районам, а, например, от размера ключевой ставки Центробанка и напрямую связанной с ней ипотечной ставки или от сезонного колебания цен, когда спрос многократно превышает предложение и владельцы жилья выбирают из десятка кандидатов. О том, чтобы снизить цену, речь чаще всего не идет [Луныкова, 2025а]. В 2025 году, по данным «Авито Недвижимости», только два из десяти самых популярных районов для аренды жилья в Москве находились в ЦАО [Луныкова, 2025б]. Для арендаторов была важна не близость к центру, а сочетание таких факторов, как приемлемая цена, транспортная доступность, наличие в районе парков и зон отдыха.

Методология

Поскольку эссе посвящено сетевым группам по поиску жилья, в качестве основного метода анализа выбрана нетнография. Термин был разработан и введен социологом Робертом Козинцем в одноименной книге 2010 года [Kozinets, 2010]. Образованный из слов «интернет» и «этнография» термин предлагает качественный исследовательский подход, адаптирующий традиционные этнографические методы – от включенного наблюдения до активного участия – для изучения онлайн-сообществ, их культур и практик. Нетнография напоминает традиционную этнографию и одновременно подразумевает, что этнографические исследования онлайн-сообществ отличаются от офлайн-аналогов. Важно, что нетнография не ограничивается анализом индивидуальных и спорадических действий, а исследует непрерывные и повторяющиеся взаимодействия, происходящие в онлайн-коммуникации, принимающей различные формы, включая текст, аудио, видео или фото [Kozinets, 2002].

Сообщество и культуру, как утверждает Козинец, можно найти в интернете: «Термин “сообщество” уместен, если используется в самом фундаментальном смысле для обозначения группы людей, объединенных социальным взаимодействием, социальными связями, общим интерактивным форматом, местом или “пространством”, пусть и, в данном случае, опосредованным компьютерами или виртуаль-

ным “киберпространством”» [Kozinets, 2010, p. 10]. Границы онлайн-сообщества расплывчаты, но их можно определить через самоидентификацию участников, повторяющиеся контакты, взаимное знакомство, общее знание ритуалов и обычаев.

На сегодняшний день термин «нетнография» можно считать устоявшимся и принятым социальными исследователями. Также он часто встречается в академической литературе, посвященной изучению онлайн-сообществ [Simone Guercini, La Rocca, Mandelli and Snehota, 2014; Beaven and Laws, 2007; Nelson and Otnes, 2005].

В моем случае нетнография выбрана в качестве метода по нескольким причинам. Первая и главная из них – интересующие объявления о поиске подходящего жилья или соседа без посредников публикуются в специализированных группах в Facebook* и телеграм-каналах. Во-вторых, эти группы ввиду своего масштаба (201 тыс., 271 тыс., 129 тыс. и 25 тыс. подписчиков) содержат массив релевантной пользовательской информации. В-третьих, все четыре группы активно обновляются, ежедневно в них публикуются десятки объявлений.

Объявления для анализа выбирались по нескольким параметрам: четкое и полное описание требований к будущей квартире (цена и срок аренды, район, близость к метро), будущему соседу (возраст, пол, род занятий, увлечения, график работы), а также указание собственного возраста, графика работы, профессии и хобби. Были проанализированы сообщения в двух наиболее известных и многочисленных группах в Facebook*, посвященных аренде без посредников, – Flats for friends и Flats for friends (Moscow), а также в двух крупнейших телеграм-каналах – Flats for friends и Flats for friends Marfa в период с ноября 2024-го по апрель 2025 года.

Анализ нетнографических данных основывался на индуктивном подходе, что позволило выявить повторяющиеся паттерны в объявлениях и приблизиться к пониманию того, каким образом конструируется специфический социальный мир жильцов съемных московских комнат. И для тех, кто искал комнату, и для тех, кто искал соседа, помимо расположения квартиры, близости к метро и цены, не менее важными оказались возраст, близость взглядов, опыта, увлечений, сферы деятельности. Люди в упомянутых группах искали не просто соседа, а человека, близкого по духу, кто имел бы схожие взгляды на совместное проживание, внешний вид жилого пространства, представления о порядке, комфорте, добрососедстве. Помимо решения чисто прагматической задачи (поиск подходящего жилья/соседа), для тех, кто публиковал объявления в вышеуказанных группах, важно было эмоциональное, поколен-

* Американская транснациональная холдинговая компания Meta Platforms Inc. по реализации продуктов-социальных сетей Facebook и Instagram включена в Перечень общественных объединений и религиозных организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

ческое, эстетическое, иногда интеллектуальное совпадение с будущим соседом и общие представления о безопасности и комфорте.

Flats for friends. Границы мира московских комнат

Первое сходство мира меблированных комнат Ближнего Норт-Сайда и мира съемных комнат Москвы – отсутствие посредников. Чтобы поселиться в доходном доме Чикаго 1920-х, нужно было увидеть в окне объявление «Сдается в аренду», зайти с улицы и заплатить владельцу за неделю вперед. В современной Москве аналогом объявлений на окнах стали посты в Facebook*-группах и телеграм-каналах о сдаче жилья. Здесь ищут комнату или соседа все, кто не хочет или не имеет возможности платить комиссию риелтору.

На протяжении последних 12 лет главной Facebook*-группой для поиска жилья в аренду остается Flats for Friends (далее – FFF), созданная в 2013 году, где на данный момент состоит 271 тыс. человек [Flats for Friends, n.d.-a]. Чуть позже, в 2018 году, на ее основе была создана отдельная группа – Flats for Friends (Moscow) (201 тыс. участников) [Flats for Friends (Moscow), n.d.]. В 2022 году, после признания компании Meta экстремистской на территории РФ и массового оттока аудитории из Facebook* в Telegram, был создан филиал группы в мессенджере под названием Flats for Friends Marfa [Flats for Friends Marfa, n.d.]. Сейчас в ней состоит 21 тыс. участников, посты в группе публикуются ежедневно. Чуть позже появился телеграм-канал Flats for Friends (129 тыс. человек) [Flats for Friends, n.d.-b].

FFF важна еще и потому, что там возникли и укрепились собственные представления о хорошем жилье, хороших соседях и в конечном счете о комфортном проживании в столице. Именно в FFF возник и получил широкое распространение образ «идеальной комнаты» – она находится в просторной квартире в сталинском (а лучше – дореволюционном) доме в пределах Садового кольца или в паре станций метро от центра, с высокими потолками и светлыми стенами, хорошей сантехникой, минимумом мебели, но обязательно с комнатными растениями. Такое жилье быстро стало визитной карточкой группы. Объявления о сдаче комнат в подобных квартирах молниеносно набирали сотни лайков и десятки комментариев, а само жилье обычно сдавалось в течение суток, а то и пары часов. Позже тот же образ «жилья мечты» довольно успешно эксплуатировал сервис The Locals, предоставляющий платный доступ к якобы эксклюзивной базе объявлений квартир, сдающихся в Москве.

Антитезой «идеальной комнаты» была «бабушкина квартира» или «бабушкин вариант»: тесное жилье в панельных домах или пятиэтажках, заставленное

лакированной мебелью, завешенное коврами, с пожелтевшими обоями и отделкой дешевым ДСП. Комнаты в таких квартирах сдавались хуже всего, а многие арендаторы до сих пор продолжают упоминать в объявлениях, что ищут «не бабушкин вариант».

Зорбо разделял понятия «сообщество» и «ареал»: «Ареал не становится сообществом просто в силу того, что в его пределах распределено некоторое множество людей и институтов, или в силу того, что эти люди имеют общие интересы. Ареал становится сообществом лишь благодаря общим переживаниям людей, которые в нем живут, ведущим к превращению этих людей в культурную группу с общими для всех традициями, чувствами, установками и воспоминаниями, которые составляют средоточие представления, чувствования и действия. Сообщества того типа, к которому относятся европейская крестьянская деревня или маленький раннеамериканский город, в современном городе не обнаруживаются. Как наглядно показывает беглый взгляд на жизнь Золотого Берега, Маленького Ада, Тауэртауна¹ или мира меблированных комнат, локальные ареалы города чрезвычайно отличаются от деревни, и в крупных городских ареалах последние признаки сообщества исчезают» [Зорбо, 2015, с. 203].

В мире московских арендованных комнат, каким он предстает из объявлений в группе FFF, помимо идеального жилого пространства людей интересует также «идеальный» сосед – тот, что разделяет их установки, переживания, представления об эстетике и комфорте.

Первоначальный замысел FFF отражен в самом названии – здесь сдают жилье и ищут соседей среди «своих»: знакомых, друзей, приятелей или общих «френдов». На протяжении двух лет с момента создания группа оставалась камерной и довольно маленькой. О ней действительно знали только «свои»: люди, активно ведущие свои Facebook*-страницы, располагающие сетью контактов и знакомств и, как правило, причастные к московскому «креативному классу», все те, кто зарабатывает нематериальным, интеллектуальным трудом в сфере маркетинга, образования, креативных индустрий и медиа. Стихийный рост группы начался в 2016 году, когда о ней узнали люди за пределами соцсети и туда хлынул поток желающих снять приличное жилье в Москве без риелтора.

Важным нововведением в мире московской аренды стала инициатива создательницы и бессменного администратора группы Марфы Некрасовой по борьбе с дискриминацией, воплощенной в словесном штампе «только славянам». В ноябре 2021 года были установлены новые правила: объявление о сдаче жилья должно было содержать фразу: «квартира *pet-friendly*, приветствуются жильцы всех

1. Названия районов Чикаго, расположенных в Ближнем Норт-Сайде. Золотой Берег – район элитной недвижимости, Тауэртаун – богемный район, Маленький Ад – район эмигрантов.

национальностей, происхождений, полов, возрастов, предпочтений в любви». Если этой приписки нет, автор поста должен был заплатить 500 рублей. Создательница группы объясняла это так:

Это максимально короткая формулировка того, что я хочу донести до участников группы. Можно было еще дописать «детей», но уже есть словосочетание «всех возрастов». Это относится и к молоденьким студентам, которым многие не хотят сдавать жилье из-за их возможной неплатежеспособности, и к детям. Дискриминация из-за национальности, происхождения, возраста, ориентации, наличия детей и животных – это топ жалоб участников группы. Я оставляю возможность публиковать объявления для «дискриминаторов» за 500 рублей, потому что допускаю, что у людей могут быть свои причины для альтернативного мнения. В группе много одиноких девушек с гражданством РФ и с постоянным доходом, которых так жаждут все дискриминаторы. Зачем же лишать их возможности найти себе хороший вариант? Чтобы моя система работала и люди становились более открытыми ко всем типам жильцов, необходимо ограничение, пусть это будет 500 рублей сейчас, а позже посмотрим, возможно, эта сумма и возрастет. Для нововведения эта цена мне кажется адекватной... Четыре человека уже заплатили за объявления с припиской «без животных». Обычно люди не против купить платный пост, если он не соответствует правилам группы. Например, если это повторный пост менее чем через три месяца или они не собственники жилья, или цена квартиры выше, чем 1500 рублей за квадратный метр [Морозова, 2021].

Пост о новых правилах провисел полтора дня, а затем Facebook* скрыл его от всех подписчиков группы, и он стал виден только администраторам. На данный момент правило продолжает действовать. Теперь оно закреплено в описании группы, а не в отдельном посте. Неприятие дискриминации стало такой же важной частью FFF, как и сформированные группой представления об идеальном жилье и соседях. Эти представления, гласные и негласные правила, очерчивают границы специфического мира арендованных московских комнат.

Сознание бродяги и личные границы

Главными обитателями доходных домов Чикаго были белые воротнички – бухгалтеры, стенографистки, конторские работники – холостые мужчины и женщины без детей, часто живущие на грани бедности. Съемные московские комнаты населяют люди самых разных профессий. Всех их объединяют только две черты – временный характер занятости и такой же временный характер проживания. Временная занятость, как правило в сфере сервиса и нематери-

ального труда, напрямую связана с кочевническим образом жизни, когда человек редко проживает по долгу в одной квартире, с одними и теми же соседями.

Это роднит современного временного работника, фрилансера или, если угодно, прекария с бродягой середины прошлого века, каким его описывал Роберт Парк. Как и у фрилансера, у бродяги смена работы и места жительства превращается в привычку. Причем в обоих случаях эта привычка во многом обусловлена характером современного производства и рынком труда в большом городе. Как отмечает Парк в «Сознании бродяги»: «Большая часть современного промышленного производства организована так, что неизбежно стремится к увеличению доли временных работников. Отчасти же это происходит из-за того, что бродяга, будучи своеобразным типом, находит во временной, сезонной, работе тот род занятий, который наилучшим образом соответствует его характеру, поскольку среди обычных рабочих его можно считать богемным типом. У него артистический темперамент» [Парк, 2003, с. 37].

Нестабильная занятость подталкивает людей к тому, чтобы искать комфорт и безопасность во временном жилье, что напрямую отражено в текстах объявлений. Помимо указания на бюджет, район, планировку и детали интерьера, их объединяет указание профессии, увлечений, графика работы, образа жизни, а также особенностей характера.

(В объявлениях орфография и пунктуация авторские.)

Приветствую, мой человек. Рассмотрю подселение к девушке в изолированную комнату (2х комнатная кв), не проходную. Бюджет: до 40.000₽ на человека, близость к метро в пешей доступности (5-10 минут). Минимализм. Светлые тона в дизайне. Высокие потолки и зеркало в рост. Солнечная сторона – прекрасно. Предпочтительно зеленая, красная, желтая, синяя ветки (ЮЗАО, ЗАО, ЦАО). Работаю в формате удаленки (просыпаюсь рано ложусь до 00:00/исключение в выходные, если ты ночной житель и домашний тусовщик, не сойдемся). Уважение личных границ, пространства и взглядов. Творческая. Люблю практики (йога, дыхание). Легкость в общении, умение находить компромиссы и вести диалог. Если описание подходит, пиши в лс.

Всем привет. Меня зовут Аня, 21 год. Работаю менеджером в бутике. Из увлечений фотосъемка и видео, учусь на журналиста :) Дружелюбная и общительная, соседку ищу такую же. Без вредных привычек: не курю, выпить могу очень редко. Без животных, детей. Гражданство РФ. Ищу изолированную комнату, со средним ремонтом. Также рассматриваю поиск жилья вместе.

Добрый день, меня зовут Дарья; 27 лет. Ищу соседку; комнату, бюджет до 30к. Тату мастер (график свободный). Свободное время провожу в интернете, тренируюсь, смотрю фильмы, рисую. Тихая, спокойная, аккуратная. Курю, но только электронки (могу воздержаться в пределах квартиры). Уважаю личное пространство. По метро – чем ближе к центру тем лучше.

В тексте объявлений также указано «уважение личного пространства» и личных границ», в переводе на бытовой язык это означает, что вы не будете излишне любопытствовать о жизни вашего соседа. Зато будете *держат дистанцию*, проживая с человеком в одной квартире, пользуясь с ним одним туалетом, ванной, кухней и вайфаем. Ожидается, что в мире арендованных комнат соблюдение личных границ должно быть обоюдным.

А вот типичное описание от тех, кто в данный момент живет в квартире и ищет соседа в свободную комнату. Список требований меняется, а сами требования возрастают. (Орфография и пунктуация авторские.)

Привет. Сдаем комнату, заезжать можно с 27 января. Комната с балконом. Мы ищем соседку в 3х-комнатную квартиру. Все комнаты изолированные, по 1 чел в комнате. 3 девушки в квартире (одна съезжает по личным обстоятельствам), у оставшихся девушек гибридный график работы (удаленка+офис). ~10 мин.пешком от м.Юго-Западная. Только для длительного проживания. Кого ищем (важно!): аккуратную (мы за порядок и чистоту), дружелюбную, спокойную девушку, гражданство РФ, без вр.привычек и дом.животных. Т.к работаем гибридно, чтобы днем дома не было тесно на кухне, в приоритете офисный формат работы. Нам 35 и 37 лет. Ищем соседку – от 28 лет. Дом и квартира в нормальном состоянии.

Сдам комнату. Комната изолированная, с мебелью, 12 кв м, м. Чертановская. Только одна ДЕВУШКА (гражданство РФ), без животных, желательно с графиком 5/2 офис, гибрид. В соседней комнате проживаю я – твоя соседка. Приветствуются чистоплотные, ответственные, с постоянным доходом, 28-40 лет. Заезжать можно 3 декабря. Договор заключается.

Сдается комната в 2-х комнатной квартире. До метро Лефортово 5 минут пешком. До метро Авиамоторная – 10. Для девушки до 30, платежеспособной, уважающей личные границы, соблюдающей чистоту. Без животных! Комната светлая, удобная кровать с большими выдвижными ящиками, шкаф для хранения вещей.

Как видно из описаний, для тех, кто ищет соседа, уже проживая в квартире, помимо соблюдения лич-

ных границ, важны совсем другие качества: российское гражданство, чистоплотность, молодой возраст, а главное – стабильный доход и наличие работы в офисе, а не удаленно. Сфера занятости будущего соседа, его увлечения и стремления, как и личные качества, второстепенны по отношению к платежеспособности и стабильной работе «не из дома».

Важным качеством бродяги, по мнению Парка, был разрыв всех локальных связей, прикрепляющих его к семье, соседской общине, рабочей ассоциации. В случае московских фрилансеров, несмотря на очевидную нестабильность их существования, временный характер их работы и пользования чужим жильем, потенциальные соседи парадоксальным образом ждут друг от друга гарантий (стабильный доход, работа, уважение личных границ). Какое-то время вам предстоит провести вместе на одной территории, поэтому хочется быть уверенным хотя бы в минимальном комфорте. Тем не менее делить квартиру даже с приятным соседом все не означает близкого знакомства или дружбы, что в корне расходится с первоначальным названием группы – Flats for Friends, то есть «квартиры для друзей». С куда большей долей вероятности люди, снявшие квартиру вместе, чтобы проживать в соседних комнатах, перестанут быть друзьями и разъедутся, не выдержав совместного быта.

В тексте Зорбо доходный дом противопоставлен другому типу временного жилья – пансиону. Если пансион был местом близких, почти дружеских отношений, где постояльцы ежедневно встречались и болтали за ужином в общей гостиной, то доходный дом был местом изоляции и анонимности. В большинстве доходных домов отсутствовали общая столовая и гостиная. Если в пансионе существовал комплекс личных отношений, определявший социальные ситуации, где у человека не было возможности изолироваться и замкнуться в себе, то в доходном доме между жильцами завязывалось мало знакомств, люди зачастую не знали, кто живет в соседней комнате или этажом выше.

Зорбо подчеркивает, что доходный дом – место анонимных отношений:

Человек никого не знает и его никто не знает. Он приходит и уходит, когда пожелает, делает то, что ему захочется, и до тех пор, пока он не причиняет никому беспокойства, к нему не возникает никаких вопросов. Такую полную анонимность не сыскать нигде, кроме как в сегодняшнем городе, и нигде в городе, кроме как в доходном доме [Зорбо, 2015, с. 191].

В случае современной Москвы анонимность стала невозможна: перед тем, как снять комнату, вы ведете переписку с личного аккаунта; район и дом, где вы живете, находятся под круглосуточным видеонаблюдением; в большинстве случаев вы обмениваетесь фотографиями паспорта с владельцем квартиры или будущими соседями. Однако отсутствие

анонимности в юридическом смысле приводит к тому же самому безразличию, что и сто лет назад в доходных домах Чикаго. Соседи по подъезду или дому, где вы снимаете комнату, в лучшем случае знают вас в лицо и точно не знают вашего имени. Ваша жизнь также безразлична и соседям по квартире. Во всяком случае, до тех пор, пока вы соблюдаете личные границы и платите по счетам.

Мобильность, анонимность, одиночество

Во времена Зорбо существовал реестр ночлежных домов штата Иллинойс, где все доходные дома, как и их постояльцы, были учтены и посчитаны. В случае Москвы 2020-х трудно даже приблизительно посчитать количество съемных комнат, сдающихся в настоящий момент, а тем более проживающих там людей. Единственные цифры, которые обычно фигурируют в связи со съемным жильем, – это цены на аренду, что повышаются всякий раз с повышением ключевой ставки Центробанка. К тому же аренда жилья без посредников в Facebook*-группах и Telegram-каналах по умолчанию предполагает, что «сделка» нигде не фиксируется официально, передача ключей и денег происходит с глаза на глаз, в лучшем случае у владельца квартиры есть фото вашего паспорта, а у вас – расписка о передаче денег. К тому же огромное число комнат в Москве сдается в субаренду и владелец жилья даже не знает о том, кто сейчас проживает в его квартире.

В Чикаго 1920-х владелец доходного дома не имел личных контактов с постояльцами до тех пор, пока они не создавали ему проблем. Он довольствовался тем, что брал с них плату за жилье и этим зарабатывал себе на жизнь. То же самое, с небольшими поправками, можно сказать и о владельцах недвижимости в Москве. Как и сто лет назад, основное правило остается неизменным: если вы владеете собственностью, вы владеете ситуацией. Но если держатели доходных домов в Чикаго менялись почти так же быстро, как и их постояльцы, то в Москве ситуация ровно противоположная: никто не спешит расставаться с недвижимостью, которая приносит стабильный пассивный доход и с каждым годом только растет в цене.

Центральный сюжет «мира меблированных комнат» – история анонимной «приютской девушки», юной амбициозной провинциалки, приехавшей в Чикаго из городка в штате Канзас, чтобы строить музыкальную карьеру. После переезда первое время она ослеплена блеском большого города, его огнями, обещанием богатства и успеха, резко контрастирующими с провинциальной жизнью. Девушка поселяется в доходный дом и в следующие несколько месяцев постоянно переезжает из одного такого жилища в другое. Так же быстро сменяются ее новые низкооплачиваемые, непрестижные работы: продавщица в универмаге, работница швейной фабрики, билетерша в кинотеатре. Денег едва хватает, чтобы заплатить за комнату и уроки музыки.

Работая семь дней в неделю, иногда по 12 часов, вечера она проводит в доходном доме, сидя то в одном, то в другом углу либо бесцельно гуляя по городу. В Чикаго у нее нет друзей и даже знакомых. Связи с семьей, оставшейся в Канзасе, постепенно ослабевают. Мать умирает, отец называет ее «гулящей». После полугода занятий учитель музыки говорит ей, что она безнадежна. Она выбрасывает ноты в мусорное ведро, в расстроенных чувствах выбегает из музыкального кабинета на улицу и, не разбирая дороги, идет по ночному городу куда глаза глядят. В один момент она оказывается у высокого берега озера и думает о том, чтобы покончить с собой. Но отбрасывает эти мысли. О своей жизни в тот момент она говорит так:

Во всем этом городе с его тремя миллионами душ я никого не знала, ни за кого не переживала, и никому до меня не было дела. Что у меня было? У меня не было нарядов, не было отдыха, не было свободного времени – ничего из того, что, как предполагается, любят девушки. Мое здоровье не выдерживало напряжения. Я была в долгах. Ответ был: ничего – абсолютно ничего! И впереди у меня были долгие годы того же ничего, пока я наконец не вышла бы замуж за честного, но бедного клерка или коммивояжера и не пыталась бы прокормить свору голодных ртов, или пока не стала бы одной из тех сломленных, старых работающих женщин, которых я снисходительно жалела в первую неделю пребывания в доходном доме [Зорбо, 2015, с. 195].

Героиня видит для себя два выхода: либо утопиться в озере, либо стать «золотоискательницей», то есть найти богатого мужчину. В итоге она устраивается официанткой и продолжает жить в разных доходных домах.

Пожалуй, главное сходство доходных домов Чикаго 1920-х и съемных московских комнат 2020-х заключается в том, что типаж людей, их населяющих, за сто лет почти не изменился. Не изменились главные составляющие самого мира – мобильность, анонимность, индивидуализм и дистанция вместо близости. Главное отличие заключается в том, что подробное описание требований к будущему соседу, общие взгляды на комфорт, соблюдение личных границ, в конце концов, использование одних и тех же групп для поиска жилья без посредников еще не делает вас близкими по духу людьми, а тем более друзьями. Молодой провинциал, приехавший в большой город за «творческой реализацией», быстро сталкивается с тем, что от него требуются совсем другие вещи – своевременная оплата аренды, фотографии счетчиков, соблюдение чужих личных границ. Все, что ему предлагается взамен, – десяток квадратных метров в чужой квартире, пароль от вайфая и некие эфемерные возможности большого города.

Финальной точкой в деле разобщения стало последнее нововведение FFF в Facebook* и Telegram-канале: платная публикация объявлений о поиске квартиры, комнаты или соседа, а также создание секретной платной группы в Telegram для тех, кто ищет жилье. Посты с предложением аренды остались бесплатными.

Атомизация в современном городе для Зорбо была напрямую связана с высокой мобильностью. Создание крепких долговременных отношений, а тем более сообщества невозможно там, где люди проживают в одном месте не дольше четырех месяцев, как в районе доходных домов Чикаго:

Люди не знают никого, кто живет поблизости. Групповой жизни нет; люди одиноки. Их желания часто оказываются не удовлетворенными. Жизненные организации распадаются. Нет никакого общественного мнения. И даже никаких сплетен [Зорбо, 2015, с. 225].

Для Зорбо это мир дезорганизации, случайных связей, беспокойства, где нет ничего постоянного, кроме изменений: фешенебельные улицы ветшают, доходные дома становятся многоквартирными, а те, в свою очередь, постепенно превращаются в трущобы.

Спустя сто лет, в Москве 2020-х, помимо человеческих связей, мобильной и анонимной стала и работа. Главное ноу-хау в мире меблированных комнат – круглосуточно светящиеся экраны телефонов и ноутбуков. На их экранах теперь происходит все: зарабатывание и трата денег, завязывание знакомств и разрыв старых связей, наблюдение с расстояния за жизнью, которой у тебя нет и, вполне возможно, никогда не будет. «Идеальные комнаты», за которые ведется конкуренция, также существуют только там – на светящихся экранах, в лентах социальных сетей. В реальности же существуют «макбук и плесень» [Колпинец, 2022], дедлайны, ругань из-за уборки, напряженное молчание и распадающиеся отношения. А также бесцельный дрейф по кафе и клубам большого города, как и во времена Зорбо остающийся одной из немногих относительно стабильных форм социальности для приезжих. Люди сталкиваются друг с другом как бильярдные шары, мгновенно разлетаясь в разные стороны: ни у кого нет времени вникать в чужие проблемы, разбираться в причинах чужих неврозов.

Мой друг однажды сказал о своих соседях по съемной московской квартире: нужда превращает обывателей в чудовищ. Сегодня я бы добавила: но и чудовищ (в смысле диковинных, странных, необычных персонажей) спустя пару лет жизни по съемным комнатам нужда превращает в обывателей. На место амбиций приходит прагматизм: если не пустить корни, то хотя бы задержаться на одном месте, будь то работа или квартира, как можно дольше. Прекарная занятость и жизнь во временном, съемном жилье образуют тревожный, хрупкий

мир, готовый рухнуть в любую минуту, но от этого не перестающий быть менее притягательным. Во всяком случае, для людей извне, только решившихся на переезд в большой город, кто прямо сейчас ищет соседа или комнату в той самой «идеальной квартире».

Заключение

Участники сетевых групп по поиску жилья в Москве без посредников в Facebook* и Telegram сформировали собственное представление о хорошем жилье и хороших соседях. Хорошее жилье – это в первую очередь визуально привлекательное, удобно расположенное, подходящее для комфортного проживания. Идеальный сосед – человек схожих взглядов, вкусов, эстетических представлений, примерно того же возраста и рода занятий, что и арендатор. Все вышеперечисленные требования подробно и открыто проговариваются в объявлениях сетевых групп, сами группы также имеют правила для текстов объявлений и правила размещения, что можно назвать попыткой очертить границы специфического мира московской аренды. Тем не менее это еще не делает эти группы сообществами. Скорее, можно говорить о форме социальности, которую цифровые этнографы понимают как специфическую систему взаимоотношений пользователей, обусловленных определенной сетевой средой [Пинк и Постиль, 2023].

Мир московских арендованных комнат, его правила, эстетические и этические конвенции остаются по большей части виртуальными. В реальности его обитатели также разобщены, как и постояльцы доходных домов Чикаго сто лет назад. То, что вам нравятся одни и те же комнаты в «сталинках» с белыми стенами и соблюдение личных границ, еще не делает вас близкими людьми или друзьями. Группы для поиска жилья без посредников со временем сами превратились в посредников и требуют плату за право разместить объявление о поиске жилья или соседа. Временная работа, такое же временное жилье в аренду неминуемо порождает те же временные, неглубокие отношения, что и в американском мегаполисе 1920-х. Разница лишь в том, что теперь в сетевых группах этой неустойчивой и разбитой на осколки жизни современных бродяг пытаются придать привлекательный, дружелюбный вид.

Источники

- Зорбо, Х.У. (2015). Золотой берег и трущобы. В Д.В. Ефременко (отв. ред.), *Чикагская социология: Сборник переводов* (С. 166–227). Москва: ИНИОН РАН.
- Колпинец, К. (2022). *Формула грез: как соцсети создают наши мечты*. Москва: Individuum.
- Лунькова, В. (2025а, 7 июля). Рынок наймодателя: как изменился рынок аренды жилья в Москве в 2025 году. *РБК-Недвижимость*. <https://realty.rbc.ru/news/686677ce9a794755b145ca83>.

- Лунькова, В. (2025b, 6 июня). Эксперты назвали самые популярные районы Москвы для аренды жилья. *РБК-Недвижимость*. <https://realty.rbc.ru/news/6841ab949a794710384837e1>.
- Морозова, К. (2021, 29 ноября). Как крупнейшее сообщество аренды жилья Flats for Friends борется с дискриминацией. *Афиша-Daily*. <https://daily.afisha.ru/cities/21835-kak-krupneyshee-soobschestvo-arendy-zhilya-flats-for-friends-boretsya-s-diskriminaciy/>.
- Парк, Р. (2003). Сознание бродяги: Рассуждения по поводу соотношения сознания и перемещения. *Социологическое обозрение*, 3(1), 35–37. https://sociologica.hse.ru/data/2011/03/31/1211857405/3_1_3.pdf.
- Пинк, С., и Постиль, Дж. (2023). Этнография социальных медиа: Цифровой исследователь в беспорядочной Сети. *Фольклор и антропология го-рода*, 5(1), 38–56.
- Beaven, Z., & Laws, C. (2007). 'Never let me down again': Loyal customer attitudes towards ticket distribution channels for live music events: A netnographic exploration of the US leg of the Depeche Mode 2005–2006 World Tour. *Managing Leisure*, 12(2–3), 120–142. <https://doi.org/10.1080/13606710701339322>.
- Flats for Friends (Moscow). (n.d.). *Facebook*. Режим доступа: <https://www.facebook.com/groups/703160323059161> (дата обращения: 22.10.2025).
- Flats for Friends Marfa. (n.d.). *Telegram*. Режим доступа: https://t.me/flats_4_friends (дата обращения: 22.10.2025).
- Flats for Friends. (n.d.-a). *Facebook*. Режим доступа: <https://www.facebook.com/groups/flats4friends> (дата обращения: 22.10.2025).
- Flats for Friends. (n.d.-b). *Telegram*. Режим доступа: https://t.me/flats_for_friend (дата обращения: 22.10.2025).
- Guercini, S., La Rocca, A., Mandelli, A., & Snehota, I. (2014). Netnography approach as a tool for marketing research: The case of Dash-P&G/TTV. *Management Decision*, 52(4), 689–704. <https://doi.org/10.1108/MD-03-2012-0233>.
- Kozinets, R.V. (2002). The field behind the screen: Using netnography for marketing research in online communities. *Journal of Marketing Research*, 39(1), 61–72. <https://doi.org/10.1509/jmkr.39.1.61.18935>.
- Kozinets, R. (2010). *Netnography: Doing ethnographic research online*. London: Sage Publications.
- Nelson, M.R., & Otnes, C.C. (2005). Exploring cross-cultural ambivalence: A netnography of intercultural wedding message boards. *Journal of Business Research*, 58(1), 89–95. [https://doi.org/10.1016/S0148-2963\(02\)00477-0](https://doi.org/10.1016/S0148-2963(02)00477-0).
- THE PRECARIOUS RUSSIA OF THE FUTURE, OR “THE WORLD OF FURNISHED ROOMS” A HUNDRED YEARS LATER**
- Ekaterina V. Kolpinets, social media researcher, cultural studies scholar, School of Philosophy and Cultural Studies, HSE University, Moscow, Russian Federation. E-mail: katerinakolpinets@gmail.com ORCID: 0000-0002-6541-375X
- This article draws a parallel between “the world of furnished rooms” of 1920s Chicago, as described by Harvey Zorbaugh, and the rental housing market in 2020s Moscow. Drawing on the methodology of the Chicago school of sociology and applying netnographic analysis, the paper investigates online housing search communities, particularly the group “Flats for Friends”. The study analyzes the social norms and value construction within these digital spaces: how images of “the ideal neighbor” and “comfortable housing” are formed, and what informal rules govern participant interactions. The central theme of the research is precarity—a state of instability characteristic of the lives of the inhabitants of tenement houses a century ago and modern city dwellers living with short-term leases and flexible social ties. The article argues that, despite differences in technological and social contexts, online platforms do not overcome but reproduce and modify classic forms of urban alienation and the search for “one’s own people.” The study shows that digital communities are becoming an arena where the struggle against precarity unfolds through the creation of local but fragile bonds of trust. The work contributes to understanding how historical models of urban life are reflected in contemporary digital practices.
- Keywords:** Harvey Zorbaugh; Chicago school of sociology; tenement houses; communities; netnography; rental housing market; precarity
- Citation:** Kolpinets, E. (2025). The Precarious Russia of the Future, or “The World of Furnished Rooms” a Hundred Years Later. *Urban Studies and Practices*, 10(4), 54–62. <https://doi.org/10.17323/usp104202554-62>
- References**
- Flats for Friends (Moscow). (n.d.). Home Facebook* group. *Facebook**. Retrieved October 22, 2025, from <https://www.facebook.com/groups/703160323059161>.

- Flats for Friends Marfa. (n.d.). Posts Telegram channel. *Telegram*. Retrieved October 22, 2025, from https://t.me/flats_4_friends.
- Flats for Friends. (n.d.-a). Home Facebook group. *Facebook**. Retrieved October 22, 2025, from <https://www.facebook.com/groups/flats4friends>.
- Flats for Friends. (n.d.-b). Posts Telegram channel. *Telegram*. Retrieved October 22, 2025, from https://t.me/flats_for_friend.
- Guercini, S., La Rocca, A., Mandelli, A., & Snehota, I. (2014). Netnography approach as a tool for marketing research: The case of Dash-P&G/TTV. *Management Decision*, 52(4), 689-704. <https://doi.org/10.1108/MD-03-2012-0233>.
- Kolpinets, K. (2022). *Formula gryoz: Kak sotsseti sozdayut nashi mechty* [The formula of dreams: How social media create our dreams]. Moscow: Individuum.
- Kozinets, R. (2010). *Netnography: Doing ethnographic research online*. London: Sage Publications.
- Kozinets, R.V. (2002). The field behind the screen: Using netnography for marketing research in online communities. *Journal of Marketing Research*, 39(1), 61-72. <https://doi.org/10.1509/jmkr.39.1.61.18935>.
- Lun'kova, V. (2025a, July 7). Rynok naymodatelya: kak izmenilsya rynek arendy zhil'ya v Moskve v 2025 godu [Landlord's market: How the Moscow housing rental market changed in 2025]. *RBK-Nedvizhimost'* [RBC-Real Estate]. <https://realty.rbc.ru/news/686677ce9a794755b145ca83>.
- Lun'kova, V. (2025b, June 6). Eksperty nazvali samyye populyarnyye rayony Moskvy dlya arendy zhil'ya [Experts named the most popular Moscow districts for renting housing]. *RBK-Nedvizhimost'* [RBC-Real Estate]. <https://realty.rbc.ru/news/6841ab949a794710384837e1>.
- Morozova, K. (2021, November 29). Kak krupneysheye soobshchestvo arendy zhil'ya Flats for Friends boretsya s diskriminatsiyey [How the largest housing rental community Flats for Friends fights discrimination]. *Afisha-Daily*. <https://daily.afisha.ru/cities/21835-kak-krupneyshee-soobshchestvo-arendy-zhilya-flats-for-friends-boretsya-s-diskriminatsiyey/>.
- Nelson, M.R., & Otnes, C.C. (2005). Exploring cross-cultural ambivalence: A netnography of intercultural wedding message boards. *Journal of Business Research*, 58(1), 89-95. [https://doi.org/10.1016/S0148-2963\(02\)00477-0](https://doi.org/10.1016/S0148-2963(02)00477-0).
- Park, R. (2003). Soznanie brodyagi: Rassuzhdeniia po povodu sootnosheniia soznaniia i peremeshcheniia [The mind of the hobo: Reflections upon the relation between mentality and locomotion]. *The Russian Sociological Review*, 3(1), 35-37. https://sociologica.hse.ru/data/2011/03/31/1211857405/3_1_3.pdf.
- Pink, S., & Postill, J. (2023). Etnografia sotsial'nykh media: Tsifrovoy issledovatel' v besporiadchnoi Seti [Social media ethnography: The digital researcher in a messy web]. *Urban Folklore and Anthropology*, 5(1), 38-56.
- Zorbaugh, H.W. (2015). Zolotoy bereg i trushchoby [The Gold Coast and the slum]. In D.V. Efremenko (Ed.), *Chikagskaya sotsiologiya: Sbornik perevodov* [Chicago sociology: A collection of translations] (pp. 166-227). Moscow: INION RAN.

Локальные сообщества в условиях городской экспансии: кейсы Курьяново и Северного в оптике Чикагской школы

Иван Печковский,
Камалия Зинурова,
Дарья Котельникова,
Александр Ушаков

Советский рабочий поселок

С точки зрения Зиммеля, главным фактором, влияющим на психологию горожанина, является «повышенная нервность жизни, происходящая от быстрой и непрерывной смены внешних и внутренних впечатлений» в городе по сравнению с маленьким городком или деревней [Зиммель, 2002, с. 1]. Члены малых сообществ ведут более привычный и эмоцио-

Печковский Иван Павлович, студент бакалавриата, кафедра территориального развития им. Глазычева, Институт общественных наук (ИОН), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС); Москва, Российская Федерация.
E-mail: juanfrnko@mail.ru

Зинурова Камалия Маратовна, студентка бакалавриата, кафедра территориального развития им. Глазычева, Институт общественных наук (ИОН), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС); Москва, Российская Федерация.
E-mail: zinurova.kamalya@yandex.ru

Котельникова Дарья Алексеевна, студентка бакалавриата, кафедра территориального развития им. Глазычева, Институт общественных наук (ИОН), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС); Москва, Российская Федерация.
E-mail: dkotelnikova29@gmail.com

Ушаков Александр Сергеевич, студент бакалавриата, кафедра территориального развития им. Глазычева, Институт общественных наук (ИОН), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС); Москва, Российская Федерация.
E-mail: ushakov_as_w@mail.ru

Статья посвящена анализу трансформации локальных сообществ в Москве под влиянием городской экспансии. Теоретической рамкой исследования выступает концепция Харви Зорбо, изложенная в его классической работе «Золотой берег и трущобы» (1929), которая описывает распад традиционных соседских связей в условиях роста и мобильности городского населения. В качестве эмпирической базы для сравнительного анализа были выбраны два московских поселка – Северный и Курьяново. Оба поселка исторически обладали схожими характеристиками: изолированность, уникальные архитектурно-планировочные решения и особые практики участия жителей в локальной жизни, сформированные вокруг градообразующих предприятий.

Изначальная гипотеза предполагала, что сообщество Курьяново находится на стадии дезинтеграции. Этот процесс связывался с масштабными инфраструктурными изменениями (строительство МЦД и ЮВХ), утратой ключевых общественных пространств (ДК «Аэрации») и растущей интеграцией в городскую

нально окрашенный образ жизни: в силу размера их сообщества они неизбежно собирают информацию о своих знакомых и об окружающей среде, вследствие чего все отношения приобретают эмоциональный оттенок. Горожане сталкиваются с несравненно большим числом взаимодействий со средой, чем жители небольшого города, что делает их более сдержанными, безразличными и даже отчужденными в межличностных отношениях по сравнению с жителями деревни, что обусловлено как числом их знакомств, так и ограниченностью человеческой способности переживать психологические реакции [Зиммель, 2002, с. 2]. В современной Москве часть горожан стремится найти места внутри городской черты, образ жизни в которых приближен к деревне или маленькому городку. Одно из наиболее известных подобных мест – поселок Курьяново, о котором регулярно пишут как о «деревне внутри МКАД» [Кадушкина, 2014] и даже как о «самом интересном районе Москвы» [Устюжанин, 2022], снимают репортажи [Гнилырыбов, 2023] и водят экскурсии. Схожими с Курьяново характеристиками обладает куда менее известный поселок Северный, расположенный на самом севере столицы [Шпаковский, 2023]. Оба поселка создавались в начале 1950-х годов в качестве жилья для работников Курьяновской станции аэрации и Северной станции водоподготовки. В их дальнейшей истории можно выделить два основных периода.

Первый – период советский. Ему свойственно существование Курьяново и Северного в рамках классического рабочего поселка. Для понимания его принципов и идей мы обратимся к тексту М. Г. Мееровича «Рождение и смерть города-сада: действующие лица и мотивы убийства». Внешне рабочий поселок схож с идеей города-сада Эбенизера Горварда – «город-сад мыслился как поселение площадью не свыше 400 га, замкнутое в кольцо не подлежащих застройке сельскохозяйственных земель, с зеленым (парковым) центром, сосредоточивающим главные административные, торговые и культурные здания, с предпочтительно радиально-кольцевой планировкой бульваров и улиц и застройкой жилых кварталов зданиями коттеджного типа» [Меерович, 2007, с. 118]. При этом «суть парадигмы заключается, однако, не столько в архитектурно-планировочных и художественно-образных, сколько в социально-экономических, социально-политических и организационных решениях, предполагающих равное и свободное участие каждого жителя в управлении социальным организмом города» [Меерович, 2007, с. 119].

Социально-политическая система СССР требовала централизованного государственного контроля и способности к управлению населением, поэтому недолгие эксперименты по созданию городов-садов в рамках кооперативного поселкового строительства периода НЭП были прекращены. Им на смену пришел рабочий поселок: «Возводится он исключительно для обслуживания производства, которое, собственно, и диктует требования к формированию условий жизни. Здесь деятельность устанавливает, какие формы жизни необходимы для восстановления производительных сил, поэтому актуально лишь то, что позволяет обеспечить нормальное течение трудового дня» [Меерович, 2007, с. 159]. За подчинением всей общественной жизни нуждам производства следовало, что вся собственность, механизмы управления поселением и источники развития принадлежали государству через предприятие, бывшее элементом общегосударственной системы промышленного производства. В отличие от города-сада, где жизнь поселения выстраивалась на основании коллективного управления и демократического участия всех членов товарищества, в рабочем поселке жители в обмен на жилье, продовольственное обеспечение и организацию досуга оказывались в полной зависимости от предприятия.

Трансформация концепции отразилась и на планировке. Город-сад предполагал радиально-кольцевую структуру, с парковым центром, концентрирующим торговые, административные и культурные функции [Меерович, 2007, с. 118]. И в Курьяново, и в Северном, как в классических

среду. Сообщество Северного, напротив, представлялось более устойчивым благодаря географической отдаленности и сохранению формальных институтов, таких как Дом культуры и ТСЖ.

Исследование выполнено с использованием качественной методологии. На основе данных, собранных в ходе глубинных интервью с жителями и включенных наблюдений, в статье прослеживается хронология трансформации сообществ. Анализ повседневных практик и степени вовлеченности жителей в культурную жизнь позволил выявить ключевые различия в траекториях развития этих территорий и оценить влияние про-странственных и социальных факторов на их устойчивость.

Ключевые слова: социология города, Курьяново, Северный, рабочий поселок, сообщества, городская экспансия

Цитирование: Печковский, И., Зинурова, К., Котельникова, Д., & Ушаков, А. (2025). Локальные сообщества в условиях городской экспансии: кейсы Курьяново и Северного в оптике Чикагской школы. *Городские исследования и практики*, 10(4), 63–73. <https://doi.org/10.17323/usp104202563-73>

рабочих поселках, центром выступал зеленый бульвар, заменивший парк как центр всей общественной жизни равных участников радиально выстроенного города-сада. Бульвар подчинен задачам оптимизации рабочего дня и обеспечения постоянного доступа к месту работы. В его начале – предприятие, в конце – Дом культуры. На нем же располагалась вся необходимая инфраструктура. Двухэтажные жилые дома с приусадебными участками по линиям и улицам параллельно расходятся по обе стороны бульвара, обеспечивая равный доступ как к месту работы, так и ко всей необходимой инфраструктуре. Утром люди шли по нему на работу, а вечером на обратном пути покупали все необходимые товары, возвращаясь домой в ведомственную квартиру.

Второй период истории Северного и Курьяново начался в 1994 году, когда устройство рабочих поселков коренным образом изменилось под влиянием отказа от командно-административной экономики, и продолжается до сих пор. Приватизация и передача обязанностей по содержанию инфраструктуры Курьяново и Северного от Управления водопроводно-канализационного хозяйства (далее – УВКХ) [Энциклопедия «Москва», 1980; Мухин, 2011] на баланс городских служб предположительно произошли в период между изданием указа о приватизации жилья в 1992 году и учреждением МГУП «Мосводоканал» в 1995 году, ставшего приемником УВКХ. Для исключения возможной путаницы мы используем 1994 год как точку водораздела, засвидетельствованную респондентами в качестве момента окончательного перехода на рыночные отношения и передачи обязанностей по организации общественной жизни от УВКХ к городским властям.

Курьяново находилось в черте границ Москвы с 1960 года, однако ведомственный статус поселка ограничивал возможность интеграции с растущими вокруг районами вплоть до 1994 года, когда начался процесс интеграции поселка. В 2017-м подвести черту этому процессу взялись авторы проекта «Типология счастья: Курьяново» [Жвирблис, Рудь и Герасименко, 2017]. Их выводы показали, что распад среды рабочего поселка – закрытие ДК, роспуск профсоюза, существовавшего на базе Курьяновской станции аэрации, и проникновение мегаполиса в эмоциональный и культурный ландшафт поселка – лишил сообщество Курьяново субъектности.

Поселок Северный пережил схожую трансформацию, однако в отличие от Курьяново в нем до сих пор функционирует Дом культуры, выступающий в качестве связующего элемента локального сообщества (в Курьяново его здание занял Центр московского долголетия «Печатники»), действует товарищество собственников жилья, позволяющее жителям отстаивать собственные права даже после ликвидации профсоюза, а также сохранились многие материальные элементы советской эпохи (вплоть до заборов придомовых участков). Это позволяет предположить, что Северный смог сохра-

нить многие черты советского, искусственно сконструированного сообщества.

Ареалы и сообщества

Для описания встраивания закрытых ведомственных поселков в общемосковский контекст подходит определение городской экспансии (*expansion*), предложенное Эрнстом Берджессом в своей работе «Рост города. Введение в исследовательский проект»: «Экспансия города с точки зрения городского планирования, зонирования и региональных обследований рассматривается почти всецело в терминах его физического роста» [Берджесс, 2015, с. 22]. «Тем не менее процессы экспансии, и особенно ее темпы, можно изучать не только в физическом росте и развитии бизнеса, но и в вытекающих из них изменениях в социальной организации и личностных типах» [Берджесс, 2015, с. 26]. Отталкиваясь от идей Берджесса, Харви Зорбо в книге «Золотой берег и трущобы» сосредотачивается на вопросах изменения социальной организации сообществ. Квинтэссенцией сообщества, по его мнению, является деревня, к образу которой обращались организаторы городских общин: «Ее население относительно едино с точки зрения социального и экономического статуса. Существуют лишь немногочисленные контрасты между принятым и чужестранным» [Зорбо, 2015, с. 203]. Являлся ли рабочий поселок квинтэссенцией сообщества? Какие трансформации он переживает в контексте городской экспансии и субурбанизации? Чтобы ответить на эти вопросы, мы постарались соотнести аспекты жизни сообществ, сформулированные Зорбо, с контекстом рабочего поселка, описанного Мееровичем:

- «Культурный бэкграунд» (*cultural backgrounds*). Люди одного происхождения предрасположены жить локальными группами и иметь как можно меньше контактов с непохожими на них людьми. В отличие от деревенского сообщества городские жители обладают разным происхождением, которое заставляет их по-разному реагировать на одни и те же социальные ситуации. [Зорбо, 2015, с. 220–221]. Изначально поселки – искусственные образования, к тому же «в соцпоселении строго регулировались социальный состав населения и его численность. Жить в нем должны были лишь те, кто сначала возводил предприятие, а затем на нем работал» [Меерович, 2007, с. 157]. Строгий отбор по профессиональному признаку позволяет предположить, что разный культурный бэкграунд новоселов быстро забывался под влиянием совместного труда и обобществления благ, формируя приближенную к деревенской закрытую локальную группу.
- Цеховой разговор (*shop talk*). Зорбо утверждает, что неотъемлемым элементом большого города является профессиональная дифференциация, способствующая формированию не локальных,

но профессиональных сообществ. В его тексте присутствует термин «цеховой разговор», подразумевающий, что ежедневные встречи с людьми того же типа, которые работают над теми же задачами, тем же способом, способствуют выработке определенной организации и институтов, а вследствие этого – установок и ценностей [Зорбо, 2015, с. 216]. В рабочем поселке локальное и профессиональное сообщество были синонимичны, а цеховой разговор в таком случае был единицей всего общения в поселке и поддерживался через паспортный режим, прописку, введение трудовых книжек и зависимость от распределительной системы [Меерович, 2007, с. 159]. Подобная фильтрация исключала возможность постоянного общения с людьми за пределами профессионального сообщества. Организацией институтов рабочего поселка также занималось государство, причем без участия его жителей. Потому вопрос, насколько цеховой разговор, а не государство влиял на формирование сообщества и смогло ли оно пережить 1994 год, остается открытым.

- Дифференциация менталитетов (*differentiation of community mentalities*). По мере роста доходов, люди склонны сегрегироваться и переезжать в более престижные районы [Зорбо, 2015, с. 221–222].
- Досуг (*recreation*). В деревне досуг сводил людей вместе, создавая общий багаж опыта, традиций и установок. В городе он стал коммерциализован, дифференцирован и вынесен за пределы сообщества [Зорбо, 2015, с. 215]. Создаваемый в рабочем поселке досуг служил цели восстановления производственных сил и был единообразен для всех жителей [Меерович, 2007, с. 156].
- Народные обычаи (*folkways*). Деревня как сообщество представляет собой гомогенную группу, где жизненные ситуации заранее определены традицией. Проблемы решаются коллективно: если человек не справляется сам, действует вся группа. Желания и деятельность индивида ограничиваются нормами, транслируемыми семьей, соседями и сообществом [Зорбо, 2015, с. 203–205]. Методом же решения проблем населения в рабочих поселках выступали профсоюзы, однако государство использовало их как еще один способ прикрепления трудящихся, устанавливая через них нормы пользования жилищем, продовольствием, связью и передвижением [Меерович, 2007, с. 151].
- Мобильность (*mobility*). Мобильность является одним из наиболее характерных проявлений роста города. Разделение труда и развитие коммерции вытягивают человека из локального сообщества, а развитие транспорта и коммуникации облегчают его передвижение. Мобильность является сильнейшим стимулом разрушения социальной солидарности и общественного мнени-

ния малых поселений, ведет к атомизации их жителей или даже к конфликту [Зорбо, 2015, с. 222–224].

- Физическая нестабильность и изменения (*physical instability and change*). Локальные группы обладают физическими символами идентичности: «Это зримые и постоянные символы, которые служат физической основой преемственности сообщества» [Зорбо, 2015, с. 214]. Вокруг них возникают чувства, традиции, ритуалы. Они становятся ядром самосознания сообщества. Рост города стирает их, а вместе с ним стираются и объединяющие сообщества объекты.

Современные исследования вопросов субурбанизации и городской экспансии развивают и дополняют эти идеи. Концепция «эффекта сообщества» Сони Саламон, определяющая социальные поведенческие результаты как продукт взаимодействия норм, экономических возможностей, демографии, культуры и истории места, может помочь объяснить различные траектории развития двух изначально идентичных поселков. В частности, подобно тому, как американские «новоприбывшие, как правило, ищут сельскую атмосферу, спокойствие, безопасность, хорошие школы и природу, а не уникальную идентичность и особые качества того или иного небольшого городка» [Salamon, 2003, p. 11], новые жители уже постсоветских рабочих поселков, привлеченные их «покоем и умиротворением», могут быть не заинтересованы в сохранении или интеграции со сложившимся сообществом. Степень этой заинтересованности в поселках может быть выражена по-разному.

Исследование МакМануса и Этингтона «Трансформация пригородов: новые подходы к их истории» указывает на необходимость изучения пригородных поселений в контексте их долгосрочной трансформации, что особенно актуально для анализа периода жизни рабочего поселка после 1994 года: «истории пригородов следует обратиться к локальному уровню – к тем точкам на местности, которые накопили богатую историю с момента основания того или иного пригорода» [McManus & Ethington, 2007, p. 328].

Также важно учитывать опыт других постсоциалистических стран. Исследование субурбанизации Вроцлава показывает альтернативную траекторию постсоциалистической трансформации пригородных территорий, которая может служить контрпримером для анализа московских рабочих поселков. В отличие от искусственно созданных советских поселков, пригородные деревни Вроцлава представляли собой исторически сложившиеся поселения, морфология которых восходит к Средневековью [Szymytkie, 2020, p. 28]. После 1989 года эти поселения пережили интенсивную субурбанизацию, характеризующуюся масштабным жилищным строительством и успешной адаптацией исторической планировки

к современным потребностям [Szmytkie, 2020, р. 35–37]. Этот пример позволяет выдвинуть гипотезу о том, что функциональная гибкость и историческая укорененность поселений могут определять их способность к адаптации в постсоциалистических условиях, что особенно важно для поселений, основанных менее века назад в условиях командно-административной экономики.

В своем тексте Зорбо использует два понятия для описания городских объединений: ареалы (local area) и сообщества (community). Под «ареалом» «имеется в виду некоторая общность интереса, существующая между членами группы, мыслимая в соотношении с их пространственным распределением» [Зорбо, 2015, с. 202]. Сообществом становится тот ареал, общность интересов которого трансформируется в общие переживания, традиции, чувства, установки и воспоминания, которые являются главными принципами организации жизни индивидов. «Следовательно, сообщество – это локальный ареал, в пределах которого люди используют один и тот же язык, подчинены одним и тем же нравам, испытывают более или менее одинаковые чувства и действуют исходя из одних и тех же установок» [Зорбо, 2015, с. 203]. В конечном счете мы хотим ответить на вопрос: каким образом разный уровень динамики городской экспансии, выраженный в различных пространственных и культурных трансформациях идентичных рабочих поселков, изменил их сообщества?

Методология исследования

Исследование проводилось с января по февраль 2025 года в Москве. В качестве методов исследования использовались контекстуальный анализ, охватывающий весь период развития поселков с 1930-х по 2025 год, включенное наблюдение и полуструктурированное глубинное интервью. В ходе полевых выездов было опрошено 14 человек, по 7 респондентов в каждом поселке. Самому младшему респонденту было 19 лет, самому старшему – 75. Участников исследования мы находили непосредственно в поле, расширяя контактную базу методом «снежного кома» через рекомендации уже опрошенных людей. Гайд-интервью было основано на базе методического пособия проекта «Москва без окраин», посвященного исследованию локальной идентичности районов Москвы через личные истории жизни их жителей [Музей Москвы, 2023]. Мы беседовали с информантами об их досуге, роли станции аэрации и станции водоподготовки в их жизни, частоте выездов за пределы поселка, их восприятию изменений, происходящих в Северном и Курьяново. Средняя длительность интервью составила 36 минут.

Полевые материалы были расшифрованы с диктофонных записей, анонимизированы и декодированы. Ссылаясь на них, мы будем обозначать в скобках, является ли респондент коренным (К –

коренной, НК – некоренной), его пол и возраст (пример: НК, М, 43). К коренным мы отнесли респондентов, переехавших в период до 1994 год для работы на станции или родившихся в поселке. Некоренными являются респонденты, переехавшие в поселок в период с 1994 по 2025 год путем покупки недвижимости.

Курьяново

Возникновение рабочего поселка Курьяново, который сегодня находится в границах района Печатники, связано со строительством одноименной станции аэрации. Планы по ее возведению на месте бывшей деревни Курьяново появились еще в 1930-х годах, но из-за Второй мировой войны их реализация была отложена до 1947 года. Поселок изначально создавался для сотрудников станции и проектировался по принципу шаговой доступности до места работы и ключевых объектов социальной инфраструктуры, обеспечивающих комфортные условия для жизни [Байков, 2022]. Жизнь в поселке формировалась за счет предприятия и сообщества жителей: *«Мы жили в какой-то одной семье. Вот мои уезжали друзья, они мне звонят, просят: “Ты там кошек наших не покормишь?” Или уходили куда-то: “За дочкой не посмотришь?” Если у меня чего-то дома не хватает, да, я могла пойти к соседке и сказать: “Слушай, дай там пару морковок, я куплю тебе, отдам”. – “Да на, бери, не надо мне отдавать”. То есть мы жили вот как-то все вместе»* (К, Ж, 75).

Станция аэрации полностью управляла жизнью поселка, от коммунального хозяйства до оказания социальных услуг. Таким образом, предприятие не только предоставляло рабочие места, но и формировало для сотрудников полноценную и самодостаточную среду. Жители могли пользоваться всеми необходимыми благами, не покидая пределов поселка: *«Все вокруг станции крутилось, конечно. Ну, как тут-то станция и убиралась, и там, ну, все делала станция. То есть это как бы ее территорией была. Здесь все работали на станции»* (К, М, 50).

Важную роль в формировании местного сообщества играл совместный досуг. Организацией мероприятий для жителей и созданием общественных пространств также занималась станция аэрации, а центральной точкой притяжения стал местный Дом культуры: *«Все это организовывалось Мосводоканалом. Елка была для детей, там же ДК Курьяново, потом каждое 9 Мая и знаменательные даты. На День города тут выступал вокально-инструментальный ансамбль “Ровесники”»* (К, М, 48).

Ключевые изменения в жизни сообщества произошли в 1994 году. Экономические реформы привели к закрытию большинства местных учреждений культуры и торговли, ранее обеспечивавших автономность поселка [Жвирблис, Рудь и Герасименко, 2017, с. 55]. Хотя Курьяново начало постепенно поглощаться мегаполисом, его физическая среда

на первых порах сохраняла свою целостность [Жвирблис, Рудь и Герасименко, 2017, с. 56].

За восемь лет, прошедших со времени исследования Жвирблис, Рудь и Герасименко, тенденция проникновения мегаполиса в среду поселка усилились. Городская экспансия начала оказывать существенное влияние на среду поселка с началом строительства Юго-Восточной хорды. Из-за нее были снесены три жилых дома, поселок был закрыт шумозащитным экраном от шума и грязи с новой дороги, была снесена важная точка притяжения всего поселка – каштановая аллея [Москвич Маг, 2019]. Рост города спровоцировал конфликт мэрии и жителей сразу в нескольких районах, самым ярким проявлением которого стал эпизод с радиоактивным загрязнением на другом берегу Москва-реки [Интерфакс, 2019]. Жители Курьяново предпринимали попытки борьбы с планами по строительству хорды, однако успехом они не увенчались: «Они когда объявили первый раз о сносе, сказали, что жителей переселят, а дома сносить не будут. Сделают, может быть, там что-то общественное, приспособят эти дома. Я напечатала объявление, хотела собрать народ, чтобы выступить против этой дороги, потому что все понимали прекрасно, что это будет. Но народ как-то не очень» (К, Ж, 75). Кроме того, в настоящее время в центральной части поселка есть дома, входящие в программу реновации [Фонд Реновации, 2025].

Хорда стала данностью, с которой пришлось смириться: «Хорда нам не нравится. Ну что мы можем сделать? Говорят, ну кто ездит, сказали, что стало очень удобно, очень быстро» (К, Ж, 75); «Там была аллея раньше вдоль шоссе. Ну, уже привыкли. Люди ко всему привыкают» (НК, Ж, 68).

Следующий крупный транспортный проект – станция метро «Курьяново» – воспринимается жителями как неизбежность и необходимость в контексте общегородского развития и не встречает серьезного сопротивления: «Вот сейчас говорят, что метро не надо. Но оно надо, потому что тут за Батюнинской улицей будет построен новый микрорайон. Там надо метро в любом случае, потому что иначе загруженность автобусов тут вообще будет жуть. <...> Город, как говорится, не резиновая Москва, но все-таки она резиновая» (К, М, 48).

Распад закрытой системы «поселок-предприятие» и городская экспансия привели к разделению локального и профессионального сообществ. Этот процесс наглядно иллюстрируют практики маятниковой миграции: в конце дневной смены (17:00) большинство сотрудников станции покидает Курьяново на личном транспорте или через станцию МЦД. Одновременно меняется и состав населения самого поселка, где растет число жителей, которые никогда не были связаны с водоочисткой: «Мало кто из поселка на станции работает. Племянница у меня работает сейчас. Как раз там, где мама моя работала в этом же цехе. Но своих мало» (К, Ж, 75). Хотя уверенность в прямой связи большинства жителей

со станцией сохраняется: «Все, кто здесь живет, они каким-то боком там работали, или кто-то из родственников работал на этом предприятии» (К, М, 48).

Городская экспансия также способствовала постепенному упадку учреждений образования, где люди могли обретать совместный опыт и впитывать установки сообщества: «После того, как подросла, я начала больше выбираться в центр. Либо не в центр, а именно к Печатникам, потому что у меня друзья были в Печатниках именно, потому что я ходила не в курьяновскую школу. Потому что курьяновские школы плохие, очень!» (К, Ж, 19).

Другие важные точки локальной инфраструктуры также были утрачены, что вынуждало жителей поселка все чаще выезжать за пределы поселка, в основном в район Печатники для получения социальных услуг: «Была больница. Аптека-то, да, хорошая была аптека. Потом там, по-моему, тоже была поликлиника, того-то я тоже не застала, где теперь сейчас общежитие, туда дальше за ним, это сейчас “Пятерочка”. Был универмаг, можно было все купить» (НК, Ж, 68).

При этом жители осознают ценность среды поселка и стремятся поддерживать ее собственными силами: «Мне кажется, начали появляться новые люди, но я не уверена на самом деле. Ну, либо просто старые люди начали как-то богатеть больше. Если смотреть просто на домики, в смысле кто-то там ремонтную активность устраивает, облагораживает. Поприличнее стало выглядеть. Не знаю, стали больше заботиться о состоянии» (К, Ж, 19).

Северный

Поселок Северный был спроектирован и реализован в 1950-х годах и на данный момент входит в состав одноименного московского района. Станция водоочистки, расположенная рядом с поселком, стала пионером в разработке новых технологий водоподготовки, включая эксперименты с озонированием воды и внедрение автоматизированной анализаторной системы для контроля качества воды на всех стадиях обработки. Сегодня она остается одной из передовых станций водоподготовки в Москве по исследованиям качества воды, обеспечивая чистой питьевой водой северную часть столицы, Зеленоград и ближайшие городские округа Подмосковья, такие как Долгопрудный, Химки и Мытищи.

Северный, как и Курьяново, представляет собой адаптированный к конкретным условиям взгляд на концепцию города-сада. Дома в поселке были рассчитаны на несколько семей и имели приусадебные участки, что соответствует идее тесной связи с природой. Станция водоочистки, ради которой строился поселок Северный, была вынесена на периферию поселка. Дома были спроектированы коллективом архитектурно-планировочной мастерской № 12 Управления по делам архитектуры города Москвы под руководством Н. Н. Селиванова, в сотруд-

ничестве с архитекторами К. Кисловой и З. Государевой [Стародубов, 2014]. Поселок был обеспечен всей необходимой для жизни инфраструктурой, включая постройки по индивидуальным проектам, такие как здание управления Северной водопроводной станции (1-я Северная линия, д. 1, стр. 1), столовая (3-я Северная линия, д. 1), пожарное депо (1-я Северная линия, д. 7), а также типовые здания, такие как Дом культуры (3-я Северная линия, д. 17) и школа, которая сейчас является детским садом (3-я Северная линия, д. 15), построенные по проектам архитекторов Н. М. Вавиловского и А. П. Великанова [Шпаковский, 2023].

Жизнь в поселке была спокойной, организованной и разнообразной: *«В пешей доступности у нас были свои культтовары, столовая, булочная, это сейчас один магазин, все переделали»* (К, Ж, 68).

Жители вспоминают, что в поселке было представлено множество разнообразных активностей, особенно связанных со спортом, который был доступным и массовым. Проводились мероприятия и соревнования, активно развивался культурный досуг, действовали различные кружки и занятия. Помимо широкой программы активностей, в сообществе формировались и тесные человеческие связи: *«Раньше спорт развит был сильнее. Летом там стадион был. Травка. Ее старик, Иван Борисович что ли его звали, строгий мужик, он там разметку делал для футболистов. Вокруг этого стадиона зимой заливали вот эту дорожку, лед получался, ну то есть для конькобежцев. В свое время городошная площадка была. В детстве мы сами палки кидали. Там и волейбольная площадка за клубом (была), парком ее называют».* (К, М, 70); *«И у нас тут водохранилище недалеко, на берег водохранилища выезжали. Там зона отдыха есть, и пляжи, мы там и загорали, и купались, раньше все функционировало, это все относилось к Мосводоканалу. На стадионе у нас был свой бассейн, а все сотрудники Мосводоканала пользовались льготными посещениями в бассейне»* (К, Ж, 68); *«У нас в школе всегда были кружки, у нас был Дом культуры, он и сейчас существует»* (К, Ж, 71).

Сообщество функционировало в достаточно закрытом формате, поддерживая тесные связи между жителями: *«Ну, каждый на своей улице собирался, дружили все вместе. Так или иначе, ни воровства, ни убийств, ничего не было. Ну, морду набьют порой друг другу. В общем, такое дело, дружно жили»* (К, М, 70).

Сейчас значительная часть жителей поселка продолжает работать на Северной водопроводной станции: *«Многие там работают, на Северной водопроводной станции. Для людей, конечно, это самый ближайший заработок и работа, и многие там долгие годы работают»* (НК, М, 36). Среди опрошенных не оказалось действующих сотрудников «Мосводоканала». Полевые наблюдения показали, что значительная часть сотрудников по окончании смены

остается в поселке. Это позволяет сделать вывод, что многие из них проживают в Северном.

Во время работы в Северном нам часто встречались респонденты, переехавшие в период после 1994 года по личным причинам, не связанным со станцией водоподготовки: *«Да, привлекло на самом деле то, что есть маленькая территория перед своим домом. Ты проникаешься в это, что двухэтажное здание, нет лифтов, общего коридора, так практически как в своем доме живешь. Такое ощущение, как будто находишься на даче, за городом»* (НК, М, 36).

Тишина и природа являются для переехавших главным фактором, выделяющим поселок на фоне других вариантов проживания в Москве. Уникальность окружающей среды, которую предлагает Северный, заставляет этих людей любить свое место жительства и отрицать любые другие варианты проживания: *«Я хочу сказать, что я сам не местный, хотя прожил здесь долго уже, я полюбил это место. Я люблю этот дом, эту квартиру, эти деревья, честно, не лирика какая-то, действительно, я выхожу, когда весна или лето, и у меня здесь птички, белки бегают. Людям нравится быть ближе к природе. Как там [в Москве] жить? Я не знаю. Ни зелени, ни леса, ни каких-то деревьев. А здесь спокойно, все хорошо. Я думаю, это людей объединяет. Потому что здесь спокойствие, природа, чистый воздух»* (НК, М, 60).

Коренные жители придают особое значение общности и добрососедству – факторам, которые, как они отмечают, ослабли с течением времени и приходом новых поколений: *«Сейчас уже плохо знаешь, кто где чего. Сейчас тем более время такое, что уже никто никого не знает. Даже вот сосед с соседом не шибко разговаривает, не то что раньше»* (К, М, 70).

При рассмотрении досуга в поселке важно отметить, что ДК потерял свое центральное значение. Респонденты выражаются о нем как о месте, где имеются *«очень хорошие секции, и детей возят, причем везут даже из других районов»* (К, Ж, 71), хотя респонденты с детьми предпочитают отдавать своих детей в центры занятости за пределами поселка. Более того, в сторону руководства высказывалась критика, связанная с недостаточным вниманием к поселку и организацией мероприятий: *«Я думаю, что немаленький у них штат. Ну пусть даже если 30 человек, они должны побольше как-то делать для поселка»* (НК, М, 60). Жители пенсионного возраста чаще пользуются сервисами, предоставляемыми районным отделением «Московского долголетия». Значительную часть досуга жителей составляет забота о прилегающих к квартирам земельных участках.

В сравнении с Курьяново, Северный был не так сильно затронут физическими изменениями. Более того, в 2020–2021 годах была проведена детальная реконструкция здания Дома культуры. Для выполнения работ по восстановлению лепнины здания ком-

пания-исполнитель пригласила художника-реставратора Владимира Лавренова, в 2016 году принимавшего участие в реставрации исторических артефактов, найденных при раскопках в римском Колизее [Мохов, 2020].

Здания, составлявшие часть системы обеспечения поселка, поменяли свое назначение, сохранив внешний облик: *«Там, где булочная была, сейчас там баню построили. Там, где культтовары были, сейчас там мировой судья сидит. Магазин какой-то новый не очень, там особо товара выбора нет и подороже»* (К, Ж, 68).

О потенциальной возможности застройки территории респонденты высказываются негативно: *«Последний раз я слышал, что в 2025 году будет какая-то реновация, не знаю, кого тут куда переселять будут. Но люди не хотят»* (НК, М, 60). На сайте Реновации планов по зданиям на территории поселка не обнаружено. *«Ну, какие-то на грани слуха. То, что ходили, да, они у нас каждый год ходят, но как бы ничего не делают. Ну, печально, если такой островочек малоэтажной застройки под грейдер несут»* (НК, М, 36).

Общественная жизнь в поселке развита слабо, а ТСЖ «Северный» не является центром консолидации сообщества. Жители воспринимают его исключительно как сервисную организацию для выполнения технических заявок, а не как инструмент для решения общих проблем. Эту утилитарную роль иллюстрирует комментарий респондента: *«ТСЖ – это как любая управляющая компания. Если что-то случилось, заявки, наверное, туда и поступают, они их выполняют»* (К, Ж, 68). Как следствие, в вопросах обслуживания домов жители часто полагаются на собственные силы: *«На самом деле наше доблестное жилищно-коммунальное хозяйство как-то пытается это все поддержать. Но понятное дело, что им сложно, и то, что у них мало денег. Пытаемся, стараемся сами дом поддерживать»* (НК, М, 36).

Как и в Курьянове, ключевые изменения в развитии района Северный были связаны с транспортной инфраструктурой. Открытие станции метро «Физтех» в 2023 году улучшило транспортную доступность поселка. Время в пути на общественном транспорте до ближайшего метро значительно сократилось по сравнению с поездками до станции «Алтуфьево», которая выполняла эту функцию ранее. *«Ко мне друг обещал приехать, как я сюда переехал. Он мне года четыре это обещал, когда я еще в пятиэтажке жил, и он наконец-таки приехал. Близость к метро, конечно, позволяет чаще выбираться в Москву»* (НК, М, 36). Однако жители поселка отмечают, что выбранное расположение станции оказалось не самым удобным и слабо повлияло на привычные маршруты: *«Мне что до Лианозово доехать, что до Физтеха доехать, разницы нет. Там от Физтеха до Лианозово на автобусе 5 минут. А так, конечно, далеко. Смотрите, вот этот весь район, Дмитровское шоссе, нам не добраться туда просто так»*

(НК, М, 60). Возможность добираться от поселка до метро напрямую коррелирует с качеством наземного общественного транспорта: *«Еще бы лучше, если бы хорошо работал 763-й автобус. Он очень плохо ездит. И доехать вот сюда, если мы имеем в виду социальные условия, очень тяжело»* (К, Ж, 72).

Заключение

Исследование двух рабочих поселков Москвы через призму концепции Харви Зорбо позволяет проследить, как городская экспансия трансформировала искусственно созданные сообщества. После 1994 года обе территории пережили схожие процессы распада закрытой системы рабочего поселка. Ликвидация профсоюзов разрушила прежние механизмы решения коллективных проблем, а передача инфраструктуры от предприятий городским властям привела к закрытию или перепрофилированию ключевых объектов жизнеобеспечения. Цеховой разговор перестал быть основой всего общения в поселках: теперь сотрудники могут жить за пределами поселков, а среди жителей увеличивается число людей, не связанных с водоочистными станциями. Несмотря на формальное сохранение институтов в Северном – Дома культуры и ТСЖ, – роль этих учреждений в поддержании сообщества существенно снизилась: ТСЖ функционирует как обычная управляющая организация, а Дом культуры утратил статус социального ядра поселка и стал образовательной площадкой для детей из других районов, оказывая лишь опосредованное воздействие на местное сообщество.

Ключевое различие в траекториях трансформации поселков заключается в разной интенсивности пространственных изменений и развития транспортной инфраструктуры. В Курьянове масштабные проекты (МЦД, ЮВХ, планируемое метро) привели к резкому росту мобильности жителей, что, в соответствии с идеями Зорбо, способствовало разрушению социальной солидарности. Физическая нестабильность среды, включая снос домов и уничтожение символических объектов, таких как каштановая аллея, лишила сообщество материальных основ коллективной памяти. В Северном, напротив, сохранение архитектурного ансамбля и ограниченное влияние новой станции метро «Физтех» на повседневные практики жителей способствовали поддержанию относительной изоляции. Эта особенность привлекает новых резидентов, ценящих «деревенскую атмосферу», однако не приводит к укреплению социальных связей. Слова коренных жителей о том, что «сосед с соседом не шибко разговаривает», прямо подтверждают тезис Саламон о том, что поиск уединенности не ведет к формированию сообщества.

Таким образом, оба поселка демонстрируют переход от сообщества к ареалу. В терминологии Зорбо от локальной группы с общими пережива-

ниями, традициями и установками к простому пространственному соседству с минимальной общностью интересов. Различия в степени городской экспансии определяют лишь темпы этого перехода: агрессивная транспортная интеграция Курьяново ускорила атомизацию его жителей и дифференциацию их менталитетов, в то время как относительная изолированность Северного замедляет, но не останавливает процесс распада сообщества. Именно сохранение физической среды рабочего поселка в Северном создает иллюзию преемственности, маскируя глубинную трансформацию социальной организации, где единый культурный бэкграунд работников предприятия сменился индивидуализированным поиском «тишины и природы» внутри городской черты.

Опираясь на опыт исследований постсоциалистической субурбанизации в Польше, дальнейшие исследования жизни сообществ Курьяново и Северного представляются релевантными в первую очередь с точки зрения преемственности идентичностей районов после 1994 года в их дальнейшей динамике. Мы допускаем, что адаптация к существованию в рамках рыночной логики приведет Северный к формированию субъектного сообщества, основой которого станет стремление к сохранению общего культурного бэкграунда, основанного на близости к «тишине и природе». Частично эту идентичность может сохранить и Курьяново, однако скорость происходящих в нем изменений ставит этот процесс под угрозу, требуя от жителей поселка и городских властей поиска методов адаптации и защиты идентичности поселка, выраженной в первую очередь в сохранившейся исторической планировке, к новому транспортному и жилищному строительству.

Благодарности

За помощь в написании работы мы сердечно благодарим Нину Александровну Любинарскую.

Источники

- Байков, А. (2022, 28 января). Один день в Курьяново. *Москвич Mag*. <https://moskvichmag.ru/gorod/odin-den-v-kuzyanovo>.
- Берджесс, Э.У. (2015). Рост города: введение в исследовательский проект. В Д.В. Ефременко (ред.), *Чикагская социология: сборник переводов* (с. 20–34). ИНИОН РАН.
- Гнилорыбов, П. (2023, 12 апреля). Курьяново: лучший район Москвы. *Архитектурные излишества*. YouTube. https://youtu.be/-4FFixw_Wyo.
- Жвирблис, Л.В., Рудь, Д.С., и Герасименко, А.В. (2017). Топография счастья: Курьяново. От искусственно созданного сообщества к самоорганизованному. Научный результат. *Социология и управление*, 3(1), 49–57.
- Зиммель, Г. (2002). Большие города и духовная жизнь. *Логос*, 34(3–4), 1–12.
- Зорбо, Х.У. (2015). Золотой берег и трущобы. В Д.В. Ефременко (ред.), *Чикагская социология: сборник переводов* (с. 166–227). ИНИОН РАН.

- Интерфакс. (2019, 8 июля). «Коммерсантъ» нашел радиоактивное загрязнение в районе Коломенского. <https://www.interfax.ru/moscow/668741>.
- Кадушкина, Е. (2014, 29 апреля). Московское безвременье: как живет поселок Курьяново в XXI веке. *Москва 24*. <https://www.m24.ru/articles/Pechatniki/29042014/43505>
- Комплекс градостроительной политики и строительства города Москвы. (2020, 24 июля). Станция МЦД-2 Курьяново открыли для пассажиров. <https://stroim.mos.ru/news/stantsiiu-mtsd-2-kur-ianovo-otkryli-dlia-passazhirovo>.
- Комплекс градостроительной политики и строительства города Москвы. (2025). Станция метро «Курьяново» – Бирюлевская линия. <https://stroim.mos.ru/metro/station/112>.
- Меерович, М.Г. (2007). Рождение и смерть города-сада: действующие лица и мотивы убийства. *Вестник Евразии*, (4), 81–119.
- Мосводоканал. (2022, 19 мая). Северная станция водоподготовки: 70 лет на службе города. <https://www.mosvodokanal.ru/press/news/11974>.
- Московский водопровод. (1980). В *Энциклопедия «Москва»*. Советская энциклопедия. https://web.archive.org/web/20240425095537/https://mos80.com/m/moskvoretskaya_muzey/moskovskie_vedomosti.html.
- Мохов, С. (2020, 11 марта). В Москве реставраторы воссоздадут уникальную лепнину Дома культуры «Северный». *Гражданские силы*. <https://gr-sily.ru/obshestvo/v-moskve-restavratory-vossozdadut-unikalnuyu-lepнину-doma-kul-tury-severnoy-29607.html>.
- Музей Москвы. (2023). *Москва без окраин: методическое пособие*. Музей Москвы.
- Мухин, В.А. (2011). Курьяновские очистные сооружения – стартовая площадка для новейших технологий. *Водоснабжение и санитарная техника*, (3), 44–49.
- Стародубов, Ю. (2014, 21 ноября). Кто проектировал поселок Северный? *Северный Вестник*. <https://web.archive.org/web/20150708093125/http://gazeta-severnoy.ru/?p=469>
- Устюжанин, А. (2022, 15 сентября). «Сюда водят экскурсии». Гуляем по самому киношному микрорайону Москвы. *MSK1.ru*. <https://msk1.ru/text/realty/2022/09/15/71655776>.
- Фонд Реновации. (2025). Реновация в районе Печатники ЮВА0. <https://fr.mos.ru/districts/pechatniki>.
- Шпаковский, С. (2023, 20 октября). Один день в Северном районе. *Москвич Mag*. <https://moskvichmag.ru/gorod/odin-den-v-severnom-rajone>.
- McManus, R., & Ethington, P.J. (2007). Suburbs in transition: New approaches to suburban history. *Urban History*, 34(2), 317–337.
- Salamon, S. (2003). From hometown to nontown: Rural community effects of suburbanization. *Rural Sociology*, 68(1), 1–24.
- Szmytkie, R. (2020). The impact of residential suburbanization on changes in the morphology of villages in the suburban area of Wrocław, Poland. *Environmental & Socio-economic Studies*, 8(4), 24–43.

LOCAL COMMUNITIES UNDER URBAN EXPANSION: THE CASES OF KURYANOVO AND SEVERNY THROUGH THE LENS OF THE CHICAGO SCHOOL

Ivan P. Pechkovskiy, undergraduate student, Department of Spatial Development named after V.L. Glazychev, Institute for Social Sciences, RANEPa; Moscow, Russia. E-mail: juanfrnko@mail.ru

Kamaliya M. Zinurova, undergraduate student, Department of Spatial Development named after V.L. Glazychev, Institute for Social Sciences, RANEPa; Moscow, Russia. E-mail: zinurova.kamalya@yandex.ru

Daria A. Kotelnikova, undergraduate student, Department of Spatial Development named after V.L. Glazychev, Institute for Social Sciences, RANEPa; Moscow, Russia. E-mail: dkotelnikova29@gmail.com

Aleksandr S. Ushakov, undergraduate student, Department of Spatial Development named after V.L. Glazychev, Institute for Social Sciences, RANEPa; Moscow, Russia. E-mail: ushakov_as_w@mail.ru

This article analyzes the transformation of local communities in Moscow under the influence of urban expansion. The theoretical framework is Harvey Zorbaugh's concept, outlined in his classic work, *The Gold Coast and the Slum* (1929), which describes the dissolution of traditional neighborhood ties amid urban growth and population mobility. Two Moscow settlements, Severny and Kuryanovo, were selected as the empirical basis for a comparative analysis. Both settlements have historically shared similar characteristics: isolation, unique architectural and planning solutions, and specific practices of resident participation in local life, formed around company-town enterprises. The initial hypothesis suggested that the Kuryanovo community is in a state of disintegration. This process was linked to large-scale infrastructural changes, the loss of key public spaces, and increasing integration into the urban environment. The community of Severny, in contrast, was seen as more resilient due to its geographical remoteness and the preservation of formal institutions for leisure and public matters, such as the "Severny" House of Culture and the homeowners' association. The study was conducted using a

qualitative methodology. Based on data collected through in-depth interviews with residents and participant observation, the article traces the chronological transformation of the communities. An analysis of daily practices and the degree of residents' involvement in the cultural life of the settlements revealed key differences in the development trajectories of these areas and allowed for an assessment of the impact of spatial and social factors on their sustainability.

Keywords: urban sociology; Kuryanovo district; Severny district; workers' settlement; community; urban expansion

Citation: Pechkovskiy, I., Zinurova, K., Kotelnikova, D., & Ushakov, A. (2025). Local Communities Under Urban Expansion: The Cases of Kuryanovo and Severny Through the Lens of the Chicago School. *Urban Studies and Practices*, 10(4), 63–73. <https://doi.org/10.17323/usp104202563-73>

References

Baikov, A. (2022, January 28). Odin den' v Kur'yanovo One day in Kuryanovo. *Moskvich Mag*. <https://moskvichmag.ru/gorod/odin-den-v-kuryanovo>.

Burgess, E.W. (2015). Rost goroda: vvedenie v issledovatel'skiy proekt [The growth of the city: An introduction to a research project]. In D.V. Efremenko (Ed.), *Chikagskaya sotsiologiya: Sbornik perevodov* [Chicago sociology: A collection of translations] (pp. 20–34). Moscow: INION RAN. Fond renovatsii [Renovation Fund]. (n.d.). *Renovatsiya v rayone Pechatniki YUVAO* [Renovation in the Pechatniki district of the South-Eastern Administrative Okrug]. Retrieved October 30, 2025, from <https://fr.mos.ru/districts/pechatniki>.

Gnilorybov, P. (2023). Kuryanovo: luchshiy rayon Moskvy [Kuryanovo: The best district of Moscow] [Video]. *Arkhitekturnye izlysheshtva* [Architectural Excesses]. YouTube. https://youtu.be/-4FFixw_Wyo.

Interfax. (2019, July 8). «Kommersant» nashel radioaktivnoe zagryaznenie v rayone Kolomenskogo ["Kommersant" found radioactive contamination in the Kolomenskoye area]. <https://www.interfax.ru/moscow/668741>.

Kadushkina, E. (2014, April 29). Moskovskoe bezvremen'e: kak zhyvet posyolok Kur'yanovo v XXI veke [Moscow's timelessness: How the

Kuryanovo settlement lives in the 21st century]. *Moskva 24*. <https://www.m24.ru/articles/Pechatniki/29042014/43505>.

Kompleks gradostroitel'noy politiki i stroitel'stva goroda Moskvy [Moscow Urban Development and Construction Complex]. (2020, July 24). *Stantsiya MCD-2 Kur'yanovo otkryli dlya passazhirov Kuryanovo* [MCD-2 station opened for passengers]. <https://stroi.mos.ru/news/stantsiiu-mts-d-2-kur-ianovo-otkryli-dlia-passazhirov>.

Kompleks gradostroitel'noy politiki i stroitel'stva goroda Moskvy Moscow Urban Development and Construction Complex. (2025). *Stantsiya metro "Kur'yanovo"* [Metro station "Kuryanovo"]. <https://stroi.mos.ru/metro/station/112>.

McManus, R., & Ethington, P.J. (2007). Suburbs in transition: New approaches to suburban history. *Urban History*, 34(2), 317–337.

Meerovich, M.G. (2007). Rozhdenie i smert' goroda-sada: deystvuyushchie litsa i motivy ubiystva [The birth and death of the garden city: Actors and motives for the murder]. *Vestnik Evrazii* [Bulletin of Eurasia], (4), 81–119.

Mokhov, S. (2020, March 11). V Moskve restavratory vossozhdadut unikal'nyu lepninu Doma kul'tury "Severnyy" [In Moscow, restorers will recreate the unique stucco molding of the "Severny" House of Culture]. *Grazhdanskie sily* [Civilian Forces]. <https://gr-sily.ru/obshestvo/v-moskve-restavratory-vossozhdadut-unikal-nuyu-lepninu-doma-kul-tury-severnyj-29607.html>.

Moskovskiy vodoprovod [Moscow water supply]. (1980). In *Entsiklopediya «Moskva»* [Encyclopedia "Moscow"]. https://web.archive.org/web/20240425095537/https://mos80.com/m/moskvoretorskaya_muzej/moskovskie_vedomosti.html.

Mosvodokanal. (2022, May 19). *Severnaya stantsiya vodopodgotovki: 70 let na sluzhbe goroda* [Northern water treatment plant: 70 years in the service of the city]. <https://www.mosvodokanal.ru/press/news/11974>.

Mukhin, V.A. (2011). Kur'yanovskie ochistnye sooruzheniya – startovaya ploshchadka dlya noveyshikh tekhnologiy [Kuryanovo treatment facilities – a starting point for the latest technologies]. *Vodosnabzhenie i sanitarnaya tekhnika* [Water Supply and Sanitary Technology], (3), 44–49.

Muzey Moskvy Museum of Moscow. (2023). *Moskva bez okrain: metodi-*

- cheskoe posobie* [Moscow without outskirts: A methodological guide]. Moscow: Muzei Moskvy.
- Salamon, S. (2003). From hometown to nontown: Rural community effects of suburbanization. *Rural Sociology*, 68(1), 1-24.
- Shpakovskiy, S. (2023, October 20). Odin den' v Severnom rayone One day in Severny district. *Moskvich Mag*. <https://moskvichmag.ru/gorod/odin-den-v-severnom-rajone>.
- Simmel, G. (2002). *Bol'shie goroda i duhovnaya zhizn'* [The metropolis and mental life]. *Logos*, 34(3-4), 1-12.
- Starodubov, Yu. (2014, November 21). Kto proektiroval posyolok Severnyy? [Who designed the Severny settlement?]. *Severnyy Vestnik* [Northern Herald]. <https://web.archive.org/web/20150708093125/http://gazeta-severny.ru/?p=469>.
- Szmytkie, R. (2020). The impact of residential suburbanization on changes in the morphology of villages in the suburban area of Wrocław, Poland. *Environmental & Socio-economic Studies*, 8(4), 24-43.
- Ustyuzhanin, A. (2022, September 15). "Syuda vodyat ekskursii". Gulyaem po samomu kinoshnomu mikrorayonu Moskvy ["They give tours here." Walking through the most cinematic micro-district of Moscow]. *MSK1.ru*. <https://msk1.ru/text/reality/2022/09/15/71655776>.
- Zhiviblis, L.V., Rud, D.S., & Gerasimenko, A.V. (2017). Topografiya schast'ya: Kur'yanovo. Ot iskusstvenno sozdannogo soobshchestva k samoorganizovannomu [Topography of happiness: Kuryanovo. From an artificially created community to a self-organized one]. *Nauchnyy rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie* [Research Result. Sociology and Management], 3(1), 49-57.
- Zorbaugh, H.W. (2015). Zolotoy bereg i trushchoby [The Gold Coast and the slum]. In D.V. Efremenko (Ed.), *Chikagskaya sotsiologiya: Sbornik perevodov* [Chicago sociology: A collection of translations] (pp. 166-227). Moscow: INION RAN.

Нескладное пространство: феномен города-склада на границе крупного города

Кира Коломина,
Андрей Старовойтенко

Введение

Несмотря на наличие блока работ, концептуализирующих городские образования на границах и за пределами крупного города (*edge cities*) [Голубчиков, Махрова и Фелпс, 2010а, б], процессы городского развития, происходящие за физическими и административными границами города [Григоричев, 2016], а также выделение особых планировочно-экономических типов жилой застройки (например, городов при аэропортах, бизнес-парков и т.д. [Kling, Olin & Poster, 1991; Phelps, Parsons, Ballas & Dowling, 2006]), социальные процессы в населенных пунктах, располагающихся на границах городов-миллионников, исследованы не столь подробно. В настоящем исследовании предпринимается анализ пространственных и социальных измерений городских образований, находящихся в промежуточном положении между окраинными поясами мегаполиса [Whitehand, 1988] и пространственно изолированных от него логистической и складской инфраструктурой. Для описания таких пространств как особого социального-пространственного типа вводится понятие *города-склада*.

В статье рассматривается возникновение городов-складов как социально-пространственного феномена близ крупных городов в России, концептуализируется понятие города-склада, описываются резидентные практики и стратегии жителей подобных образований. Эмпирическое исследование построено на серии глубинных интервью, проведенных с декабря 2024-го по январь 2025 года с жителями поселка городского типа Янино-1, расположенного близ Санкт-Петербурга

Коломина Кира Николаевна, старший лаборант-исследователь, Институт социологии РАН (ИС ФНИСЦ РАН); участник проектной группы «Городская повседневность на микроуровне», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); Москва, Российская Федерация.
E-mail: k.kolomina15@gmail.com

Старовойтенко Андрей Дмитриевич, младший научный сотрудник, Институт социологии РАН (ИС ФНИСЦ РАН); аспирант, участник проектной группы «Городская повседневность на микроуровне», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); Москва, Российская Федерация.
E-mail: andstar14@gmail.com

В статье предлагается концептуализация понятия «города-склада» для описания районов жилой застройки, соответствующих трем признакам: нецентральности (пространство нельзя характеризовать как локальный, символический или городской центр), выраженной пространственной изолированности и близости к ключевым сервисно-логистическим узлам современной городской экономики. В фокусе исследования находятся территории жилой застройки, расположенные далее чем в 20–30 км от центров крупнейших городов, с которыми соседствуют логистические зоны – склады ритейлеров и маркетплейсов, распределительные центры, логистические парки и т.д., – на примере поселка городского типа Янино-1 в Ленинградской области. В результате исследования были получены и интерпретированы материалы, которые позволяют сказать, что наряду с географической удаленностью от центра «город-склад» оказывается и на периферии социального. Жители остро ощущают неравенство в доступе к социальным и культурным практикам и инфраструктурам, которые ассоциируются с жизнью в большом городе. Транзитивность и переходность пространства «города-склада» структурирует социальные практики и жизненные сценарии его жителей, сообщая им переходный и временный характер. Соседство со складскими комплексами задает фрейм для восприятия жизни в районе как «склада для людей» – пространства, ключевая функция которого сводится к временному хранению физических тел на пути к «пункту назначения» – большому городу.

Ключевые слова: город-склад; постурбия; периферийные территории; новые районы; социальное пространство; социальное неравенство; социальная мобильность; утопия

во Всеволожском районе Ленинградской области. Глубинные интервью дополнены анализом вторичных данных. Исследование продолжает традицию изучения городских пространств, опирающегося на понимание города как «лаборатории под открытым небом», характерное для представителей Чикагской школы [Park & Burgess, 2019; Orcutt, 1996].

Склад как пространство и метафора

В рамках настоящего исследования понятие склада используется в нескольких взаимодополняющих значениях. В прямом смысле «складской» аспект рассматриваемого формообразования указывает на размещение внутри или вблизи территории промышленных, часто логистических, зон. Город-склад «вырастает» из бывших или действующих промышленных зон, однако логика этого роста не идентична логике редевелопмента бывших индустриальных территорий, примером которой являются некоторые бывшие промышленные районы Москвы. В переносном смысле «склад» используется в настоящем исследовании в качестве ключевой теоретической метафоры. Склад – одновременно место хранения и движения – вещей, людей, смыслов и социальных отношений. Склад также представляет собой специфическую логику аккумуляции, дифференциации и стратификации, о которой речь пойдет ниже.

В этом отношении целесообразно рассмотреть рядоположенное понятию *склада* понятие *архива*. Помимо прямого значения этого слова, указывающего на физические или электронные места хранения информации, архив также представляет собой особую логику структурирования и упорядочивания – таким образом, архив играет ключевую роль в производстве и воспроизводстве властных отношений и социального порядка. Ошибочно представлять архив как простое собрание следов прошлого. Строго говоря, архивированные следы перестают быть лишь следами, становясь элементами некоторого порядка. Отсюда важная функция архива – в организации и реорганизации архивного материала. Организуя материал, прежде существовавший в виде несвязных следов и обломков, архив играет одну из ключевых ролей в производстве нового типа современного субъекта [Fritsche, 2005]. Жак Деррида усматривает корни архива в древнегреческой политике, для которой архив – одновременно место хранения государственных бумаг и домашнее пространство архонта, обладающего исключительным правом на хранение и толкование этих документов [Derrida & Prenowitz, 1995]. Таким образом, архив принадлежит к классу объектов, которые можно определить как центры (и, следовало бы добавить, порядки) интерпретации [Osborne, 1999].

Отношение к городу как объекту исследования для представителей различных национальных школ городского планирования, опиравшихся в анализе на исторические материалы, выстраивалось именно как отношение к архиву. Исторические исследования городского пространства, предпринимавшиеся как в итальянской, так и в британской и немецкой школах городского планирования, можно рассматривать как попытку своеобразной архивации города – иными словами, работы по упорядочиванию разбросанных в пространстве следов прошлого и исторических наслоений. Выявление логики, определяющей появление, сохранение и наслоение этих следов, в свою очередь, обеспечивает право¹ городского планировщика на переход в интерпретации от описания к оценочному суждению [Larkham, 2006]. Город

Цитирование: Коломина, К., & Старовойтенко, А. (2025). Нескладное пространство: феномен города-склада на границе крупного города. *Городские исследования и практики*, 10(4), 74–91. <https://doi.org/10.17323/usp104202574-91>

1. Или, по крайней мере, некоторое основание на такое преимущественное право претендовать. Обсуждение роли и «веса» экспертности при принятии решений об облике городского пространства выходит далеко за пределы рассмотрения настоящего исследования.

(ре)конструируется как своего рода архив, исследователь – как толкующий его архонт.

На первый взгляд, архив и склад объединяют многие ключевые характеристики: подобно архиву, склад также является местом хранения и способом упорядочивания. Различие в характере хранимых на складах и в архивах объектов, строго говоря, не является существенным: архив, в принципе, мог бы содержать не только документы и исторические источники, а склад – не только товары. Принципиальным, однако, является отличие в характере и целях хранения и упорядочивания. Архивация претендует на перманентность: источники, попадающие в архив, остаются там как бы навсегда. Правда, архив может быть уничтожен, а документы – подвергнуты кассации или, наоборот, актуализированы в каноне. Однако сам статус архивной документации сообщает им некоторую степень темпоральной устойчивости, пусть даже в форме пассивного запоминания или избирательного забвения [Ассман, 2019]. Нахождение же вещи на складе имеет принципиально *временный* характер: уже само ее присутствие там подразумевает, что рано или поздно она отправится в другое место, ее статус изменится. Логика архивации соотносится с логикой гомеостазирования и фиксации; логика складского хранения – с логикой физического распределения и подвижности.

В свою очередь, подвижность складской вещи, ее временный статус как объекта хранения и даже сам порядок распределения объектов на складе управляется краткосрочными циклами аккумуляции экономической прибыли. Необходимость поддерживать высокие темпы движения вещей в складском пространстве порождает совершенно особые порядки структурирования пространства. Характерной иллюстрацией такого порядка, максимизирующего скорость передвижения вещей, является кейс фулфилмент-центров Amazon, для которых была разработана система случайной аллокации мест хранения поступающих на склад вещей – таким образом обеспечивалось максимальное заполнение свободного пространства и существенно увеличивалась скорость сборки товаров [Vухbaum, 2019]. Тем самым ориентация на аккумуляцию капитала в краткосрочной перспективе оказывается решающей характеристикой склада как организующего порядка.

Приведенные выше замечания позволяют задаться вопросом о содержательном

наполнении понятия «город-склад». В свою очередь, дать определение города-склада означает (ре)конструировать город как склад. Мы укажем здесь несколько теоретически значимых характеристик, следующих из подобного конструирования.

Во-первых, город-склад – пространство принципиально временное и переходное. Временным оно является и с точки зрения изменчивости физического облика, и пространственного наполнения, и присваивающего его социального пространства, выражающегося в резидентных практиках и стратегиях населяющих город-склад жителей. Территория, изначально служившая временным хранилищем ресурсов, становится зоной качественного роста для крупных городов. В разрезе городской морфологии это может проявляться в «отчуждении» элементов окраинного пояса в виде природных, промышленных и сельскохозяйственных земель, которые переоборудуются в жилые районы, культурные центры или коммерческие зоны. Подобные переходные пространства формируют новые связи и возможности для жизни в большом городе, становясь частью его расширения и преобразования.

Переходный (транзитный) характер города-склада находит свое отражение и в субъективном, сенсорном опыте переживания городского пространства. Доминантами городского мультисенсорного ландшафта в городе-складе становятся транзитные потоки (шоссе, железные дороги) и масштабные промышленные объекты. Эти заведомо функциональные технические зоны, редко нарушающие регулярности повседневного опыта в мегаполисе, в пространстве города-склада приобретают особую выпуклость. Масштабные автомобильные развязки и огороженные высокими заборами промышленные и складские зоны создают разрывы в ритмах повседневности городских жителей, в результате чего последняя оказывается фрагментирована.

Следствием переходного характера города-склада, во-вторых, становится специфический темпоральный режим, конституируемый краткосрочными циклами аккумуляции капитала. Следуя различению форм капитала у Пьера Бурдьё [Бурдьё, 2005], аккумулируется как экономический (прибыль застройщика от продажи квартир в новостройках, обретение недвижимости жителями, возможность претендовать на ряд льгот), так и культурный, социальный и в некоторой степени символический

капитал (статус областного жителя, доступ к рынку образования и труда близлежащего мегаполиса, социальные связи с жителями большого города и т.д.).

Важной характеристикой выступает также промежуточность пространства: склада – между поставщиком и конечным потребителем, города-склада – между загородной зоной и большим городом. Промежуточность можно понимать и в социальном смысле: в траекториях географической мобильности жителей город-склад становится временным пристанищем между исходным пунктом проживания и точкой прибытия в виде большого города. Например, студент, снимающий недорогое жилье в этом районе, может рассматривать его лишь как временное место жительства: тем самым это пространство представляет собой для него не более чем необходимый этап на пути к более стабильному и долгосрочному жилью в крупном городе [Raahauge, 2008]. Для жителей город-склад оказывается локацией сугубо утилитарной, не подразумевающей укоренение². В то же время переходный характер города-склада можно рассматривать и в разрезе лиминальности, где ключевое значение приобретает формирование городского опыта и практик посредством серии обрядов перехода [ван Геннеп, 1989]. Здесь жители приобщаются к новым социальным отношениям, развивают навыки взаимодействия и адаптации в городской среде – иными словами, происходит первичная аккумуляция специфически городского социального и культурного капитала. Город-склад, таким образом, становится отправной точкой для изучения и освоения городской культуры.

В пространственном аспекте города-склада юридический статус территории не имеет значения – это может быть как район / часть района крупного города, так и отдельная административная единица, к примеру районный центр. Не является существенным также статус городского образования: город-склад как особая пространственная форма может возникать на территории, с административно-территориальной точки зрения приравненной к сельской.

Территория города-склада выступает местом проживания большого количества индивидов в отдаленном районе от центра города рядом с логистическими объектами.

2. Это, конечно, не означает, что укоренение в пространстве города-склада невозможно в принципе. Данное суждение имеет теоретический характер и указывает на свойство города-склада как идеального типа, конструируемого в настоящей статье.

В упрощенной и «идеальной» модели Манна [Mann, 1965] территория города-склада осталась бы в районах обслуживания и проживания среднего и ниже среднего городских классов, оставаясь исключенной из модели города как такового.

Важно упомянуть и ряд ограничений нашего подхода. В контексте настоящего исследования мы рассматриваем город-склад, строго говоря, не в качестве особого морфотипа и ограничиваясь лишь российским контекстом – таким образом, это явление понимается нами в пространственно относительном ключе. Возникновение этого формообразования чаще всего можно наблюдать на окраине или за пределами крупного города – иначе говоря, на территории, застройка которой преследовала цель удовлетворить спрос на жилье, финансово более доступное, нежели в административных пределах большого города. Город-склад, на наш взгляд, также является исторически релятивизированным феноменом, по-своему отражающим особенности постсоветского рынка недвижимости и градостроительного регулирования.

В следующих разделах мы попытаемся раскрыть каждое из приведенных выше положений. Однако город-склад, как и любой другой город, не существует в вакууме – ни географическом, ни социальном; это означает наряду с прочим, что и у этого временного, промежуточного образования есть своя *история*. С краткого историко-географического экскурса мы и начнем наше рассуждение.

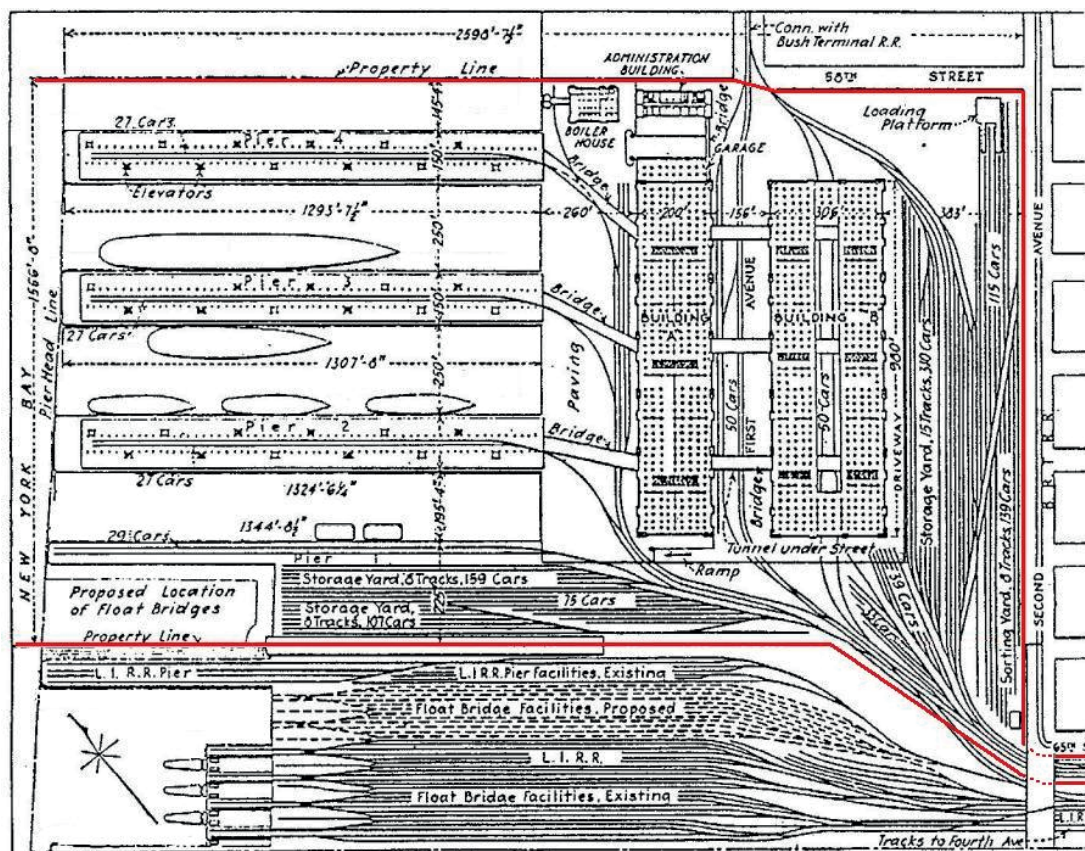
Социально-географические истоки города-склада

В данной работе в *пространственном аспекте* под городом-складом подразумевается территория жилой застройки, (1) расположенная за границами крупного города с населением от 1 млн человек, с которой соседствуют логистические зоны – распределительные центры ритейлеров и маркетплейсов, логистические парки, и (2) изолированная от основной застройки города физическими барьерами – железнодорожными путями, развязками и автомагистралями, крупными промышленными объектами.

В прямом смысле городом-складом можно назвать портовые и складские тер-

Рис. 1. Бруклинский армейский терминал, схема путей

Источник: <http://members.trainweb.com/bedt/milrr/bat.html>.
© Philip M. Goldstein. Воспроизводится с согласия автора.

ритории, исторически возведенные для разгрузки и хранения товаров. Они представляли собой ангары, доки, железнодорожные подъезды для разгрузки и дома для рабочих. Городом-складом подобная территория называлась и потому, что рабочие складов и терминалов проживали там, где работали. Самым известным примером можно считать Бруклинский армейский терминал (Нью-Йорк, США), схема которого приведена ниже (рис. 1).

С развитием логистики и транспортной инфраструктуры склады все более удаляются от центров городов [Dablanc, Schorung, de Oliveira, Palacios-Argüello, de Oliveira & Yaghi, 2023] и чаще существуют в качестве автономных районов, в которые организован подвоз рабочих³. В пространстве крупного города приобретают большую популярность мини-склады сервисов доставки и удобного хранения личных вещей [Rai, 2023]. Однако крупные складские центры не теряют востребованности, эволюционируя в сложно устроенные многофункциональные распределительные (логистические) центры, поскольку для обеспечения оборотов на маркетплейсах

необходимо в три раза больше складских площадей, чем для уличной торговли и ритейла [Mclaughlin, 2022].

Город-склад в морфотипическом разрезе: окраинные пояса и город-сад

С точки зрения городской формы город-склад может рассматриваться в рамках нескольких распространенных морфотипических подходов. Мы предполагаем, однако, что некоторые выделенные выше значимые характеристики города-склада попадают в «слепую зону» этих подходов. Ниже мы подробнее рассмотрим несколько из них, включая теорию окраинного пояса и концепцию города-сада.

Теория окраинных поясов (*urban fringe belt*) описывает территории, возникшие как внутри, так и за пределами границ города, которые формировали внешнюю полосу расселения по отношению к центральному району, укрепительным сооружениям или физическим природным/антропогенным границам города [Логунова, 2018]. В качестве территорий окраинных

3. Примером такой автономной логистической зоны является распределительный центр маркетплейса Wildberries, расположенный близ деревни Коледино в городском округе Подольск Московской области, один из крупнейших складских комплексов в России.

поясов изначально рассматривались коммунально-складские, садовые и природные структуры, а также крупные общественные учреждения, обладающие хаотичной улично-дорожной сетью и морфологическими параметрами, превосходящими по размерам и масштабу городскую жилую застройку [Whitehand, 1988; Thomas, 1990].

Понятие окраинного пояса было предложено М. Р. Г. Конзеном в 1960-х годах для описания логики процесса эволюции городского пространства. По словам британского урбаниста Майкла Барка, концепция окраинных поясов рассматривалась Конзеном как способ упорядочивания сложности и вариативности эволюции городских пространств [Barke, 1990].

Несколько иную модель окраинного пояса предлагает Джереми Уайтхэнд, связывающий формирование окраинных поясов со сменяющимися друг друга циклами подъемов и спадов на рынке недвижимости. Наследуя Конзену, Уайтхэнд оперирует базовым разделением типов землепользования на жилое и институциональное. Именно последнее представляет собой типичное наполнение окраинного пояса. Предполагается, что удаленность от центра города сопряжена с меньшими издержками для институционального землепользования, чем для жилого. В период роста рынка недвижимости, которому сопутствуют высокие цены на землю и строительство, городская окраина вероятнее окажется «колонизирована» жилой застройкой; в период спада и, соответственно, более низких цен институциональные формы землепользования оказываются более конкурентоспособными, занимая окраину города и формируя окраинный пояс [Barke, 1990].

Окраинные пояса, таким образом, можно охарактеризовать как органическое явление: с точки зрения городского планирования и управления их появление оказывается как бы незапланированным. Окраинные пояса часто фрагментарны, что проявляется как на макроуровне, когда планировочные структуры представляют обширные массивы озеленения, промышленных однотипных объектов или территориальных образований, так и на микроуровне, когда жилая застройка оказывается оторванной от ближайших культурных или природных территорий, разделенных ма-

гистралью, заборами или иными непроходимыми барьерами.

Логично предположить, что город-склад возникает на месте окраинных поясов в результате роста городской агломерации и «перепрыгивания» жилой застройки за линию фиксации. С точки зрения аналитической схемы формирования окраинных поясов Барка, появление города-склада может представлять собой результат абсорбции внешнего окраинного пояса, сопровождавшейся «смертью» или «миграцией» изначального использования территории – процесс, называемый Барком *отчуждением окраинного пояса* [Barke, 2018].

Важно указать на некоторые ограничения теории окраинных поясов в контексте анализа города-склада. Во-первых, теория окраинного пояса изначально разрабатывалась для объяснения феноменов иной исторической протяженности. Конзен, формулируя идею окраинного пояса, опирался на собственные эмпирические исследования старых британских городов возрастом 500 лет и более. По-видимому, именно это обстоятельство находит отражение в его идее «линии фиксации», архетипическим выражением которой становится средневековая городская стена. Возраст рассматриваемых Конзеном городов, богатство их исторической эволюции отражается и в самой метафоре пояса, которая имплицитно подразумевает концентрическую модель городского пространства⁴. Остается открытым вопрос, насколько концепция, разработанная для объяснения эволюции старых городов, применима для объяснения формирования на окраинной территории крупной агломерации нового городского образования.

Во-вторых, теория окраинного пояса анализирует эволюцию окраинных поясов, исходя из реалий рыночной экономики – важнейшее допущение этой модели. В своих эмпирических исследованиях Уайтхэнд опирается на неоклассическую экономическую теорию (в частности, модели Алонсо и Тюнена), что отражается в его расчетах; схожие расчеты с рядом дополняющих поправок на размеры города мы находим также у Барка [Barke, 1990]. Между тем возникновение города-склада наследует принципиально иной реальности советской плановой экономики и централизованного городского планирования, что существенно усложняет анализ и ставит

4. Заметим также, что концентрическая модель городского пространства использовалась не только в социальной географии: представители Чикагской школы также активно задействовали метафоры концентрических кругов и поясов в своих работах о городе [Barke, Ünlü & Oliveira, 2018].

под вопрос применимость неоклассических моделей конкуренции между различными типами землепользования. Мы полагаем, что анализ города-склада как результата эволюции форм землепользования невозможен без учета наследия советского централизованного планирования.

В связи с этим обратимся к иной модели городского пространства, в которой на первый план выходит не конкуренция между автономными экономическими агентами, а комплексное планирование территории «сверху-вниз». Такова модель города-сада, предложенная в конце XIX века британским городским планировщиком Эбенезером Говардом, поначалу с энтузиазмом принятая, а затем решительно отвергнутая в советском градостроительстве. Для этого обратимся к обсуждению концепции города-сада, ее рождения и умирания в советском контексте, проанализированных Марком Мееровичем.

Говард рассматривал город-сад как новое территориальное образование, расположенное вне границ существующего города и сочетающее некоторые черты как сельского, так и городского образа жизни. Вынесение города-сада за пределы существующего города неслучайно и было напрямую связано с жилищным вопросом, составлявшим одну из наиболее острых проблем для европейских городов рубежа XIX–XX веков, включая Россию. Говард полагал, что решение жилищной проблемы за счет территории существующих городов невозможно ввиду завышенных цен на уже существующую жилплощадь, выкуп и перестройка которой для населения стали бы непосильны. Таким образом, вынесение нового городского образования за черту существующего города было не в последнюю очередь стратегическим решением, направленным на существенное снижение этих расходов [Меерович, 2007]. Кроме того, возведение города на «пустом месте» открывало возможности для централизованного планирования всех важнейших параметров нового образования: от нормирования участков до комплексного сооружения обслуживающей инфраструктуры и инженерных коммуникаций.

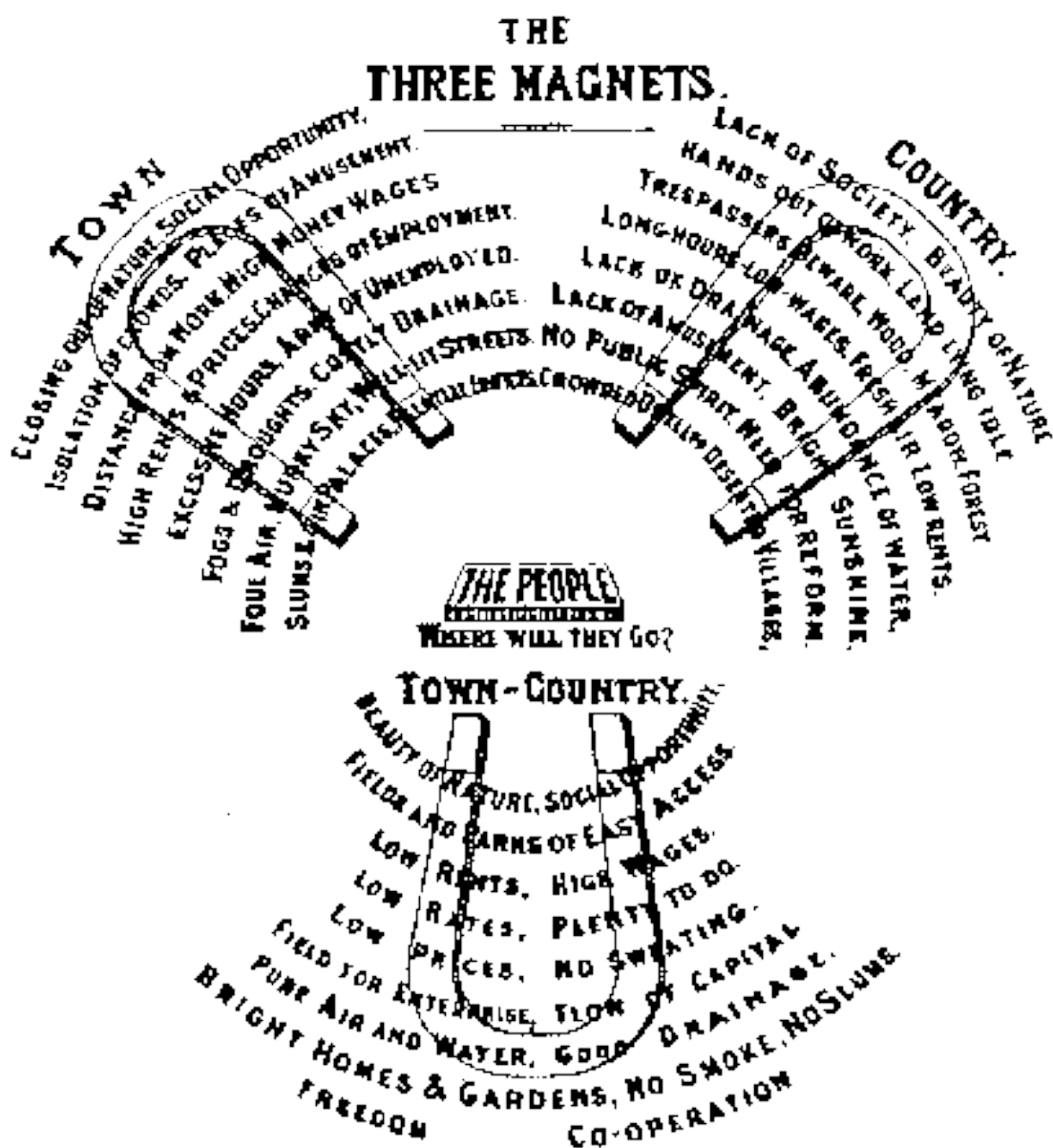
Однако центральным пунктом концепции Говарда были не собственно архитектурно-планировочные решения, а ее социальная инновативность. Город-сад мыслился как самоуправляемое пространство, организованное по принципам свободного и открытого членства в жилищном товариществе, коллективной собственности на землю и недвижимость и обще-

ственного характера управления [Меерович, 2007]. Тем самым город-сад представлял собой не только новацию в сфере городского планирования, но и утопическое видение социального пространства будущего. Таким образом, в концепции Говарда сочетались две, на первый взгляд, противоположные тенденции: централизованность планирования пространства «сверху-вниз», с одной стороны, и эгалитаристская идея самоуправления и владения землей жителями города-сада – с другой.

Рецепция идеи города-сада в дореволюционной и Советской России имеет довольно сложную траекторию, проходя от почти всеобщего одобрения и активной имплементации «на местах» до тотального неприятия. Причины последнего, согласно Мееровичу, следует усматривать в первую очередь в отрицании советской властью самой возможности индивидуального жилья с вытекающими из него последствиями в виде сохранения института частной собственности и автономии частного образа жизни [Меерович, 2007]. Уже к середине 1920-х годов концепция города-сада встречает резкую критику со стороны государственных органов и советского градостроительного сообщества, деятельность по основанию новых поселков по говардовскому образцу постепенно сходит на нет. Их сменяет строительство рабочих поселков-коммун, в которые заселяются представители самых различных социальных слоев, объединенные общей занятостью на близлежащем предприятии. По замыслу советских архитекторов рабочего поселка, общий труд должен сопровождаться и общим бытом: лишь таким образом возможно «искоренить остатки буржуазного сознания».

В своем анализе перехода советского градостроительства от модели города-сада к рабочему поселку Меерович делает особый акцент на принципиальных различиях между этими двумя видениями города будущего. Эти различия имеют в первую очередь социологический характер, поскольку в их фундаменте лежат различные утопические представления о социальном. Мы, однако, считаем необходимым подчеркнуть сходства этих моделей. Город-сад задумывался Говардом как самодовлеющая территориальная единица, «самостоятельный замкнутый жилой организм стабильных размеров со стабильным по численности населением» [Меерович, 2007]. В известной диаграмме (рис. 2) «город-деревня» представляется как один

Рис. 2. Диаграмма «трех магнитов» Э. Говарда
 Источник: <https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Howard-three-magnets.png>.

из трех «магнитов», самостоятельный центр тяготения как городского, так и сельского населения.

Если город-сад по задумке Говарда должен «притягивать» автономных жителей города и села, то население рабочего поселка административно прикрепляется к собственному месту жительства. Гравитационным центром в пространственном разрезе здесь становится градообразующее предприятие, вокруг которого и возводится рабочий поселок; в социальном и политическом — государство. Оба подхода концептуально предполагают возведение полноценного города с нуля и «на пустом месте»; в обоих случаях историческая и эволюционная преемственность по отношению как к большому городу, так и к селу отступает на второй план или вовсе не имеет значения.

Концепция города-склада, напротив, описывает такие пространства, которые не вписываются в логику централизованного вертикального планирования. По этой же причине подобные образования не могут возникнуть полностью с нуля; не является город-склад и вполне «самостоятельным замкнутым жилым организмом». Однако преемственность между этими моделями все же сохраняется в виде ряда «реликтовых» наслоений, через которые советское наследие по-прежнему дает о себе знать в реальности постсоциалистического города. Одним из таких слоев является сохраняющийся в остаточной форме институт прикрепления, задающий конфигурацию статусов и привилегий населяющих город-склад жителей. Вторым — отсутствие «местного» населения в строгом смысле слова: подав-

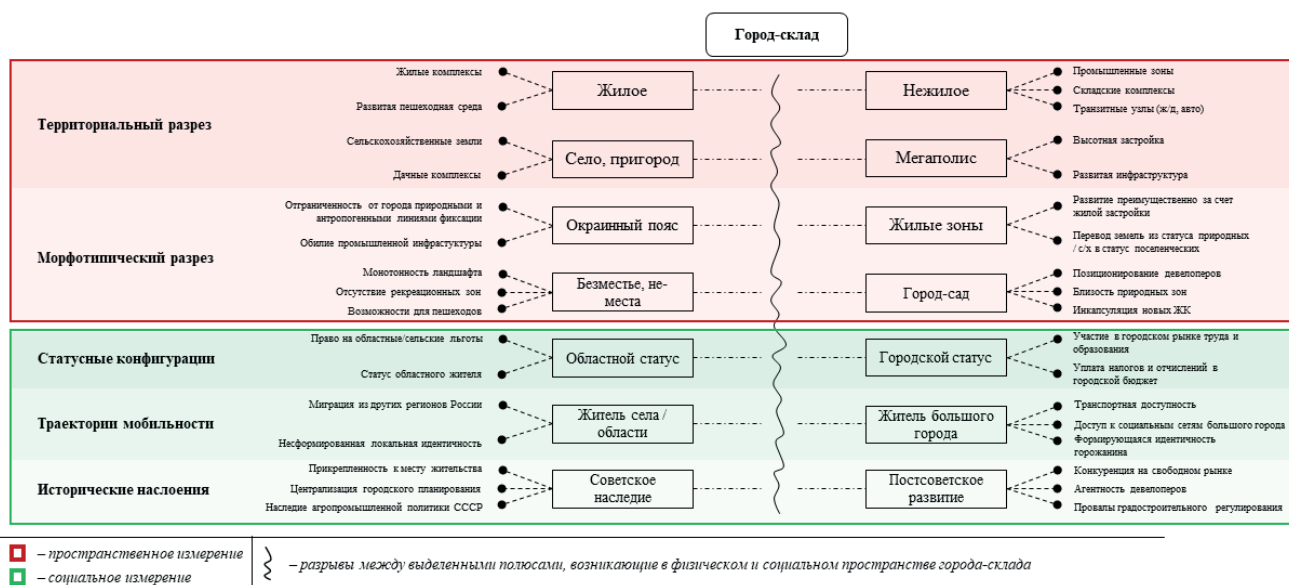

Рис. 3. Пространственные и социальные эффекты города-склада
 Источник: составлено авторами.

ляющее большинство жителей города-склада являются приезжими из различных регионов страны, для которых жилье в городе-складе становится своеобразным «перевалочным пунктом» на пути в пункт назначения – большой город. Принципиальная разница тем не менее в том, все эти наслоения в городе-складе приобретают свойства промежуточности и переходности: именно в этом мы усматриваем его ключевую особенность как специфической формы городского пространства.

Мы видим, что город-склад концептуально существует в некотором промежуточном пространстве, осциллируя между двумя полюсами рассмотренных теорий городского пространства. Его морфотипические и эволюционные особенности нельзя вполне описать с помощью аппарата теории окраинного пояса; не вписывается он и в логику централизованно спланированных, самодостаточных пространств советского рабочего поселка и гвардианского города-сада. Ключевыми здесь оказываются категории переходности и промежуточности, играющие решающую роль и в самой метафоре склада. В обобщенном виде промежуточную, переходную позицию города-склада, выражающуюся в нескольких социальных и пространственных аспектах, можно представить в виде диаграммы (рис. 3).

Постараемся теперь продемонстрировать эти особенности на примере реального кейса – городского поселка Янино-1.

Методология исследования

Исследование города-склада в Янино-1 проходило в несколько этапов. Изначально

территория изучалась в рамках социологического проекта, целью которого было выявление факторов социальной мобильности жителей крупных городов. В рамках данного исследования было проведено восемь глубинных интервью с жителями района Янино-1. Выборка происходила методом снежного кома [Браймен, 2007], поскольку первоначальной целью исследования было описание многообразия факторов социальной мобильности для дальнейшего конструирования исследовательского инструментария. Структура гайда охватывала биографическую информацию об информанте, подробности воспитания в семье, учебу в школе, хобби и период взросления, а также подробно фокусировалась на опытах географической мобильности, их масштабах, произошедших в результате переезда изменениях. Третий блок интервью был посвящен Янино-1: восприятию пространства, опыту проживания, повседневным практикам и характеристикам пространства поселка городского типа. Кроме того, на первом этапе было произведено полевое исследование территории с целью фиксации текущего состояния пространства: актуальных маршрутов, мест притяжения и т.д.

В соответствии с принципами герменевтики в качественном исследовании [Denzin, 2018] теоретическая концептуализация феномена, интерпретация сложившейся городской структуры в контексте актуальных градостроительных теорий и анализ эмпирического материала проходили циклично и параллельно. Анализ собранного эмпирического материала дополнялся ретроспективным анализом территории.

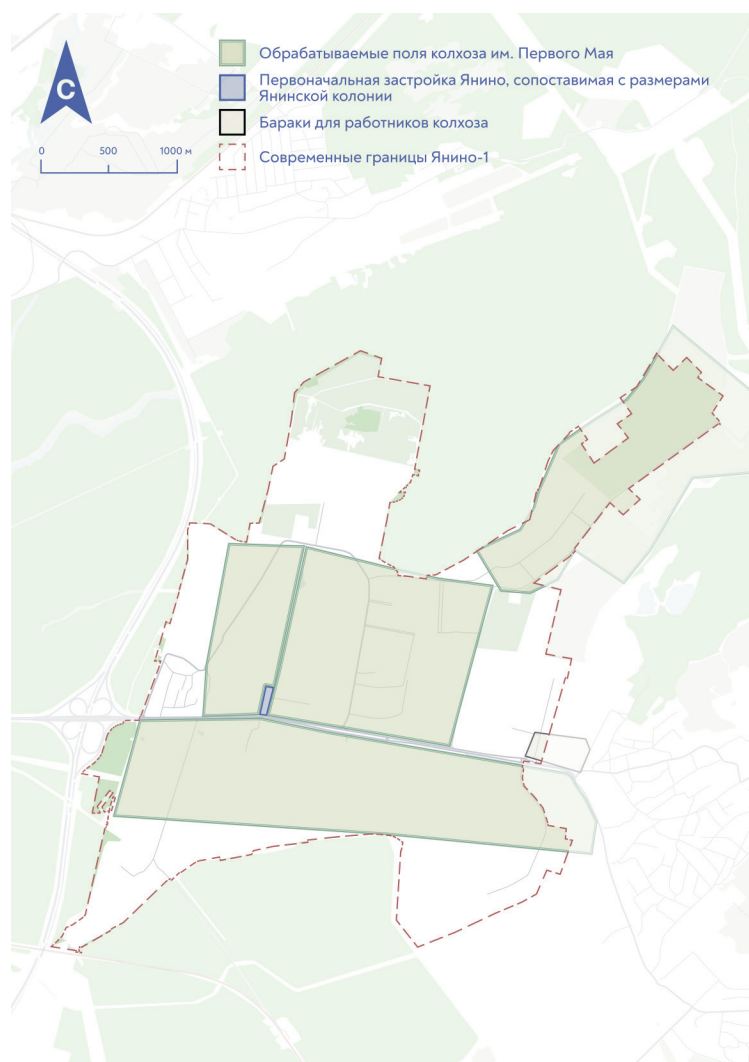

Рис. 4. Картограмма исторического макрозонирования территории Янино-1 (по данным на 1960-е гг.)
 Источник: составлено авторами на основании данных OpenStreetMap и Retromap (<https://retromap.ru/>).

Результаты исследования. Янино-1 как город-склад

Янино-1 – поселок городского типа, расположенный в 15 км к востоку от центра Санкт-Петербурга, Всеволожского муниципального округа [Лосин, Солодилов и Ляпунова, 2020]. Территория поселка была основана немецкими колонистами во второй половине XVIII века [Дизендорф, 2002]. В раннесоветский период на территории колонии был образован колхоз «Имени 1 Мая», 98% его жителей составляло немецкоязычное население. Во время Великой Отечественной войны жители колонии были депортированы, колхоз – упразднен, однако вскоре на его месте появляется совхоз «Выборгский». В послевоенное время территории колонии использовались для торфяных разработок, затем в качестве свиноводческого комплекса и, наконец, совхозных овощных плантаций. Приблизительно в 1960-е годы колония получила свое нынешнее назва-

ние – Янино-1 [Заневское городское поселение, 2018]. К 1997 году в Янино-1 проживало около 5000 человек. В 2016 году деревня получает статус поселка городского типа.

В 2011 году в Янино открылся крупный логистический парк – сухой порт, который стал логистическим и транспортным объектом в масштабах региона. Параллельно с открытием порта впервые с 1992 года возобновилось жилищное строительство: в 2013 году было сдано 24 000 м² жилой недвижимости. Динамика жилищного строительства в поселке представлена на диаграмме (рис. 5).

Жилые районы, которые рассматриваются в данном исследовании, возведены на месте бывших томатных полей совхоза. По соседству с ними находятся небольшие районы индивидуальной застройки, дачи. Поселок с запада на восток разрезает автомагистраль регионального значения – Колтушское шоссе (на территории Янино-1 – ул. Шоссейная). К северу от магистрали расположено большинство жилых комплексов, к югу – промышленные зоны, включая логистический парк «Янино-1». При рассмотрении в мелком масштабе территория Янино-1 окружена Ржевским лесопарком, однако в более крупном масштабе в непосредственной близости к жилой застройке находятся бывшие поля янинского совхоза, создавая иллюзию соседства с природным массивом (рис. 6).

Территорию Янино можно рассматривать как городскую сельскую местность (*urban countryside*) [Bedini & Bronzini, 2016], для которой характерна формальная или функциональная неопределенность с характерной высокой степенью эксплуатации земель несельскохозяйственными видами деятельности. Это связано в первую очередь с высокими темпами жилищного строительства, наблюдающимися в Янино на протяжении последнего десятилетия. В середине 2000-х – начале 2010-х годов был произведен перевод земельного фонда из земель сельскохозяйственного назначения в земли жилой застройки по инициативе застройщиков, что позволило компаниям возвести более 1 млн м² жилья [Соболева и Соболев, 2009]. Само строительство высотных многоквартирных жилых комплексов стало возможно из-за отсутствия долгосрочного и целостного планирования у муниципалитета. Кроме того, значительное влияние на рынок недвижимости поселка оказала программа сельской ипо-

Суммарная площадь жилой застройки по годам ввода в эксплуатацию

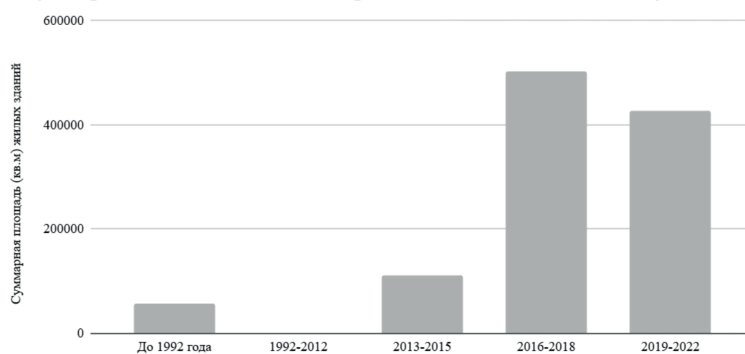

Рис. 5. Площадь жилой застройки, возведенной в различные периоды в Янино-1

Источник:

составлено авторами по данным сайта «Реформа ЖКХ» (<https://dom.mingkh.ru/leningradskaya-oblast/yanino-1/houses?page=2>).

теки, введенная в России с 2020 года, в которую вошло Янино-1⁵.

Таким образом, возникновение города-склада, которое мы прослеживаем на примере Янино-1, сопровождал целый ряд «рамочных» условий как макроэкономического, так и административного и регуляторного характера. Эти условия едва ли можно считать вполне объясняющими появление рассматриваемого феномена — скорее, речь идет о взаимоналожении нескольких факторов, влияние которых не всегда носило вполне линейный характер.

Само же появление города-склада в Янино-1 происходило весьма стремительно. Согласно данным региональной службы статистики, за 14 лет, прошедших с момента открытия логистического центра, численность населения поселка увеличилась с 4500 человек в 2010 году до 24 115 в 2025 году, причем лишь за последний год — почти на 3000 человек [Петростат, 2025].

Существенный прирост населения Янино-1 за счет покупателей жилья связан с рядом обстоятельств, спровоцировавших рост интереса к этому району. Основная мотивация к покупке — это финансовая доступность недвижимости по сравнению с жильем эквивалентных параметров в административных пределах города.

Часто приобретаемое жилье — первое в биографии участника или его первая недвижимость на территории Санкт-Петербургской агломерации. К привлекательной цене самой недвижимости добавлялись соображения доступной стоимости коммунальных услуг и сравнительно меньшего уровня других сопутствующих расходов (в том числе ремонта и содержания квартиры). Вторая причина — разнообразные планировки и большие размеры квартир

по сравнению с фондом массовой застройки советского периода. Отдельную роль при выборе локации проживания играл и семейный статус: информанты, выбиравшие квартиру для семейного проживания, рассматривали комфорт жилья как более приоритетный критерий по сравнению с качеством городской среды и транспортной доступностью центра города.

Легко заметить, что в случае Янино-1 возникновение города-склада не вписывается в исторический паттерн появления жилых пространств вокруг промышленных и логистических территорий. Если в Бруклине резидентные зоны для рабочих вводились централизованно и в рамках индустриализации этой территории, то в случае Янино-1 жилое и промышленное строительство проходило параллельно, накладываясь друг на друга и не являясь частью единого проекта развития территории.

Возникновение города-склада на территории Янино-1 стало возможно не в последнюю очередь в результате «провалов» регулирования градостроительной деятельности. Отсутствие систематического регулирования и планирования привело к хаотичной застройке и отсутствию разработанных правил землепользования и застройки территории к моменту получения Янино-1 статуса поселка городского типа. Жилая застройка Янино-1 осуществлялась на бывших сельскохозяйственных землях — земельных участках, полученных местными жителями в ходе приватизации земельных активов янинского совхоза, что было частой практикой в 1990-е годы [Фадеева, Быстров, Збаницкий и Шелудков, 2021]. Половину площади деревни составляли пустующие земельные участки в частной собственности бывших сотрудников колхоза. Эти земли были выкуплены у жителей в начале 2000-х годов, о чем в 2008 году говорит в интервью журналу «Пригород» руководитель компании-девелопера «Ленстройтрест» Александр Лелин: «Наш участок [территория, где ныне расположены ЖК “Янила Кантри” и “Янила Драйв”] окружает немало свободной территории, развитие которой существенно повлияет на наш проект. Мы даже рассматривали возможность приобретения некоторых из этих участков, но это пока земли сельхозназначения, в то время как наша территория уже переведена в статус земель поселений. В ноябре прошлого года обширные площади вокруг нашего

5. Программа сельской ипотеки первые месяцы действовала и на территории Янино-1. В апреле 2020 г. поселок был вычеркнут из списка территорий, на которые распространяются льготные условия [Черенева, 2020].

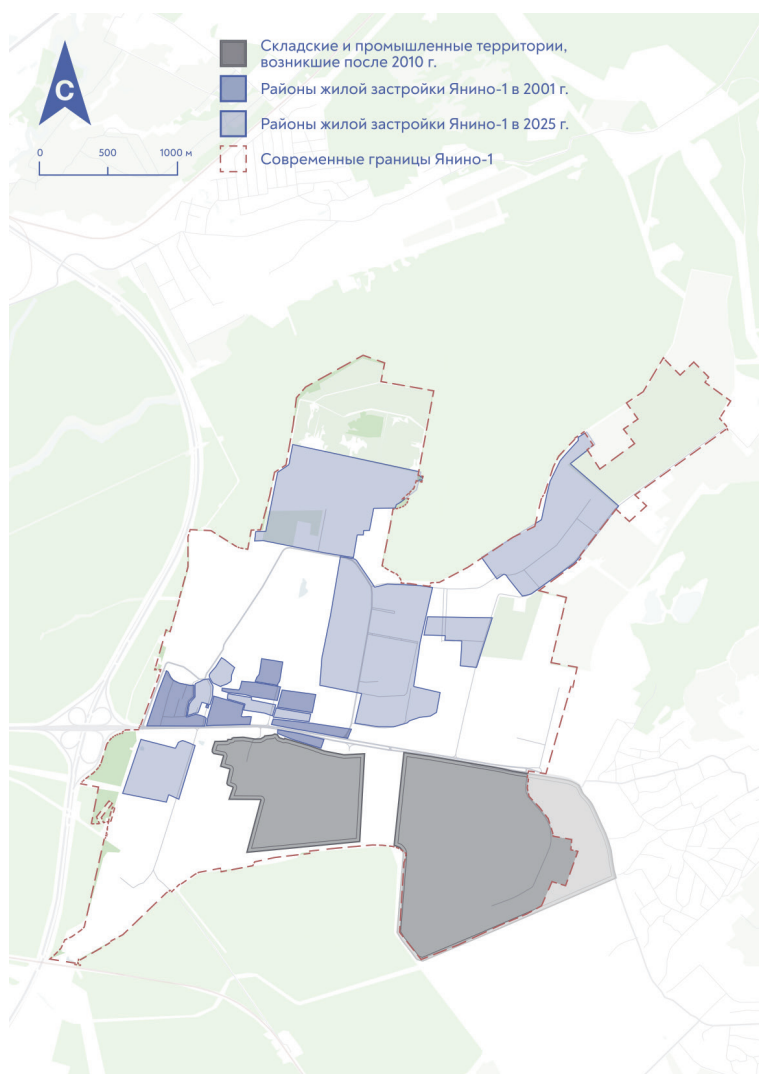

Рис. 6. Картохема макрозонирования территории Янино-1

Источник: составлено авторами на основании данных OpenStreetMap и Retromap (<https://retromap.ru/>).

участка приобрела московская компания «СУ-155». Они купили у собственников около 100 га» [Синочкин, 2008].

Как было отмечено выше, появление новых жилых комплексов в Янино-1 сопровождалось стремительным ростом численности населения. Подобно тому, как склады агрегируют товары от различных поставщиков, поселок стал собирательным местом для приезжих из разных регионов. В рамках настоящего исследования нашими информантами были родившиеся в Северо-Западном округе, в Уфе (Республика Башкортостан), Курской, Липецкой и Тульской областях. Фактически «местное» население в Янино-1 как таковое отсутствует: коренными жителями могут называть себя бывшие работники совхоза, поселившиеся на территории в советское время. «Жители все приезжие, стали коренными. Сначала приезжали в совхозы со всей России, потом к нам, чтобы работать в Санкт-Петербурге» (женщина, 38 лет).

В паттернах входящей миграции в город-склад отражаются не только индивидуаль-

ные, но и семейные резидентные стратегии: родители переселяются в Янино, после чего к ним подтягиваются их дети. И все же Янино – лишь промежуточный пункт в стратегии семейной географической мобильности. Недвижимость в городе-складе становится инструментом приближения к точке назначения – центру, большому городу: «Сначала мои родители переехали сюда, а позже я сам приехал из Череповца с женой в их квартиру, когда они купили себе двушку поближе к центру» (мужчина, 43 года).

Переходный, транзитный характер города-склада тем самым находит выражение в отношении жителей к городу-складу как месту жительства. Для информантов Янино-1 – одновременно и «дом», и «проходное пространство». Жители города-склада нередко живут в состоянии длящегося ожидания: дожидаясь накопления денег на новый первоначальный взнос, достижения совершеннолетия ребенка, строительства и улучшения инфраструктуры на территории, вхождения территории в административные границы крупного города. Среди участников исследования большинство купили или снимают квартиру в Янино-1, чтобы «закрепиться» в большом городе: их планы на будущее не связаны с местом проживания и ориентированы на Санкт-Петербург, в который они стремятся переехать. Подобно тому, как Янино находится «между Россией и Санкт-Петербургом», его жители оказываются в «промежутке» между родным регионом и пунктом назначения – большим городом. «[Говоря об образе Янино-1, поселок и жилой комплекс воспринимается как] проходной формат между Россией и Санкт-Петербургом» (женщина, 32 года).

Наконец, переходность пространства Янино-1 дает о себе знать также в опыте сенсорного переживания пространства его жителями. В визуальном ландшафте жилого района отсутствуют какие-либо точки притяжения: возводимые в жилых комплексах многоэтажные здания едва отличаются друг от друга, выдаваясь лишь своей высотой, позволяющей заметить их с автомагистрали. Однообразный внешний вид складских и логистических пространств также увеличивает монотонность ландшафта [Jones, 2024], потому что они представляют собой ангары и масштабные здания, отделанные вентфасадом и самыми простыми материалами. Среда города-склада подчас оказывается прямо враждебна населяющим его жителям. Происходит своего рода «геттоизация» пространства [Wirth, 2023], в рамках которой жители ока-

зываются физически изолированными на территориях своих жилых комплексов. Вполне безопасное передвижение в Янино возможно практически только в пределах дворов. Как только заканчивается территория ЖК, начинаются дороги, обочины, строительные вагончики, ангары и автомастерские. *«Приехав в первый раз в Янино, мы не могли понять, где именно наш жилой комплекс. Вдоль Шоссейной много автосервисов, производств, непонятных контор. Это удобно для тех, кто едет по КАДу»* (женщина, 38 лет).

Возможности свободного передвижения между частями территории Янино-1, а также между самим поселком и Петербургом на практике оказываются затруднены целым рядом физических препятствий: жилые комплексы оторваны от большого города многоуровневыми, часто перегруженными развязками Кольцевой автодороги, а также инфраструктурными объектами, преодолеть которые пешком порой не представляется возможным. *«Когда смотрели по картам, казалось, что будем жить почти в пределах КАДа... Когда приезжали смотреть квартиру – тоже быстро доехали, но оказалось, что это без пробок, а теперь выезд на КАД может занимать 30–40 минут»* (мужчина, 26 лет).

Дискуссия

Опыт Янино-1 и некоторых других городских поселков, опоясывающих Санкт-Петербург⁶, показывает, что город-склад формируется в относительной близости к сильнейшему экономическому, социальному и культурному «магниту» мегаполиса. В связи с этим остается вопрос, возможна ли консолидация подобной территории в качестве самостоятельного и самодостаточного «жилого организма» и как могла бы выглядеть градостроительная политика, направленная на комплексное развитие такой территории. В рамках советской политики по строительству рабочих поселков проблема самостоятельности территории решалась за счет существования градообразующего предприятия, имевшего определяющее значение для всех сфер жизни нового образования, но в первую очередь создававшего для всего города рабочие места. В случае Янино-1 формирование в поселке полноценного «градообразующего» предприятия едва ли представляется возможным: единственным более или менее крупным работода-

телем на территории является сухой грузовой порт, создавший лишь 300 рабочих мест [Курьер-медиа, 2021], в то время как уже в 2008 году было запланировано введение объемов жилья на 10 000 жителей. Таким образом, перспективы дальнейшего развития территории городов-складов оказываются весьма туманными.

Развивая дискуссию о городе-складе как своеобразной социально-пространственной форме, мы предполагаем, что в процессе эволюции его территория принимает три возможные формы в зависимости от синхронизации градостроительной и социальной политики по его интеграции в крупный город.

Во-первых, город-склад может в более или менее долгосрочной перспективе сохранять свойства промежуточного и временного пространства, выступая в качестве первичного плацдарма для географической мобильности внутренних мигрантов, желающих обосноваться в мегаполисе. Для такого сценария характерна высокая сменяемость состава населения при практическом отсутствии «местных» жителей. Вопрос о том, означает ли это окончательную социальную «лиминализацию» территории и его превращение в город арендаторов, требует дополнительно изучения.

Во-вторых, город-склад заведомо является резервом для роста и развития городских территорий, особенно для городов, обладающих четкими линиями фиксации, такими как кольцевые и объездные автодороги. Интеграция территории в пространство крупного города за счет развития транспортной, социальной и досуговой инфраструктуры потенциально трансформирует пространство города-склада в жилой район в составе крупного города и обеспечивает доступ территории к капиталам большого города (не в последнюю очередь в форме несопоставимо более объемного городского бюджета).

В-третьих, в отсутствие системного и долгосрочного планирования территория города-склада может приобрести форму сегрегированного пространства, последствиями которой становится исключенность населения из экономических потоков и социальных сетей как мегаполиса, так и близлежащих областных городов. Наблюдаемый в Янино-1 стремительный рост населения в значительной степени подпитывается трудовой миграцией из области и других ре-

6. В Ленинградской области ряд проявлений города-склада можно проследить, например, в случаях г. Шушары, Тельмановского городского поселения и др.

гионов; ее результатом становится жилищный бум на рынке недвижимости поселка, который в настоящий момент и переживает эта территория. Предметом дальнейших исследований может быть выяснение, какой эффект на последующее развитие территории, подобной Янино-1, может иметь охлаждение экономики и спад на рынке жилья.⁷ Так, в условиях практического отсутствия стимулов для инвестиций в формы землепользования, отличные от высотной жилой застройки, под вопросом оказываются перспективы развития на территории Янино и за ее пределами полноценного окраинного пояса – будь то внешний пояс агломерации или «собственный» окраинный пояс нового города. Потенциальной альтернативой представляется усугубление как пространственной, так и социальной сегрегации, в результате – возникновение дополнительных барьеров для взаимодействия с окружающими городами и поселками, ухудшение качества жизни жителей и ограниченные возможности для какого-либо социального и экономического продвижения.

Исходя из представленных выше форм, мы можем предположить четыре сценария «преодоления» жителями переходного, промежуточного состояния, которым характеризуется проживание в городе-складе. Эти сценарии также дают повод предложить несколько направлений будущих исследований, которые представляются нам перспективными.

Первый сценарий: проживание носит заведомо временный характер, целью в средне- и долгосрочной перспективе становится переезд из района в большой город. Город-склад становится временным пристанищем для внутренних мигрантов, которые стремятся продать недвижимость, снять или купить свою квартиру ближе к центру. В особенности этот сценарий, предположительно, характерен для молодых, мобильных людей, не имеющих детей. Исследование взаимосвязи паттернов географической и социальной мобильности нынешних жителей города-склада, в особенности в средне- и долгосрочной перспективе, могло бы уточнить жизнеспособность подобной стратегии как для самих жителей, так и для развития пространства. Особый интерес представляют в этой связи случаи несостоявшейся мобильности,⁸ поднимающие вопрос о возможности

подлинного «присвоения» города-склада как «своего» места и укоренения в нем.

Второй сценарий: стремление горожан улучшить среду города-склада и инициировать создание социальной и культурной инфраструктуры через низовые движения – инициативные группы, которые ведут общественную активность от всей территории. В Янино-1 обнаружить подобные движения не удалось, однако жители активно обсуждают возможность создания таких объединений. Дальнейшее исследование механизмов их возникновения (или, напротив, затухания подобных инициатив) в городах с практически отсутствующим культурным наследием и рекреационной инфраструктурой представляет интерес с точки зрения условий и возможности формирования локальной идентичности в подобных пространствах.

Третий сценарий: стремление к административным преобразованиям и изменению административного статуса территории, в первую очередь – вхождения в состав крупного города. В ситуации дефицита капитала (экономического, социального, культурного), достаточного для осуществления переезда в большой город, можно предположить, что жители стремятся получить прописку в мегаполисе и сопряженные с ним статусы в результате переопределения административно-территориальных границ самого мегаполиса. Изучение распространенности такого запроса среди жителей и детальное рассмотрение стоящих за ним мотиваций могло бы быть отправной точкой для более нюансированного обсуждения того, что значит становиться, быть и оставаться городским жителем в реалиях ускоряющегося расползания крупных агломераций.

Четвертый сценарий: адаптация к существующим условиям и выстраивание повседневности в месте проживания, в том числе поиск работы близ места жительства. Промышленное наполнение города-склада оказывается в этом случае потенциальной точкой роста и окном возможностей. Расположенные в непосредственной близости от жилых комплексов компании-операторы промышленных зон предлагают заработную плату, сопоставимую с работой в городском офисе. Потенциально сценарий предполагает формирование «действительных» городов-

7. Перспективным в данном случае оказывается и неоклассический подход теории окраинных поясов в версии Уайтхэнда и Барка.

8. Концепция несостоявшейся мобильности во взаимосвязи с зеркальным для нее понятием социального воспроизводства в социологическом ключе разрабатывается Ю. Б. Епихиной. Мы благодарны ей за эту интуицию.

складов, направленных на обслуживание логистических территорий, неявно переключаясь с логикой формирования советских рабочих поселков с собственными центрами притяжения в виде градообразующих предприятий. В какой степени такой сценарий реализуем и жизнеспособен, могло бы прояснить более детальное исследование профессиональных траекторий жителей городов-складов в пересечении с пространственной локализацией их занятости – в частности, мотивов жителей, трудоустроенных в пределах своего поселка, оставаться на этой работе.

Исключительный интерес также представляет исследование специфических темпоральных режимов, возникающих в таких промежуточных пространствах в ситуации столкновения несовпадающих циклов аккумуляции капитала и горизонтов планирования у действующих в городе-складе агентов – застройщиков, покупателей/арендаторов недвижимости и операторов промышленных зон. Современные этнографические исследования, акцентирующие внимание на взаимосвязи социального времени и паттернов позднекапиталистических циклов накопления капитала [Bear, 2016] и социологические теории множественных идентичностей [Owens, Robinson & Smith-Lovin, 2010] дают для подобного исследования весьма плодотворную концептуальную почву.

Наконец, закономерным продолжением развития нашего исследования представляется изучение самих городов-складов в сравнительной перспективе, не в последнюю очередь – выявление региональной специфики их морфотипической эволюции и социальной мобильности их жителей. Опыт полевой работы авторов настоящего текста, хотя фрагментарный, дает основания утверждать, что подобные промежуточные формообразования не являются единичными. Полученные в нашем исследовании результаты позволяют предположить, что при сохранении существующей логики консолидации ресурсов вокруг крупнейших городов и агломераций пространства, подобные городу-складу, будут возникать со все большей регулярностью. И наконец, что их формирование указывает на некоторые более общие закономерности эволюции российских городов, происходящей на стыке все еще не вполне изжитого наследия советского градостроения, нелиберальной градостроительной реформы 2000-х годов [Волкова, 2024] и специфической ситуации постсоциалистического рынка недвижимости. В свою

очередь, внимание к морфотипическим нюансам возникающих городских форм в сопряжении с социологической оптикой открывает новые возможности для очерчивания многомерных траекторий мобильности в социальном пространстве постсоветской/современной России.

Благодарности

Авторы статьи благодарят Анну Владимировну Стрельникову, Нату Волкову и Арсения Калашникова за помощь с подготовкой статьи и ценные комментарии, Марка Белова за оформление карт, НИУ «Высшая школа экономики» ВШЭ – за поддержку работы проектной группы «Городская повседневность на микроуровне» и Российский научный фонд – за поддержку проекта «Количественные и качественные изменения социальной структуры в постсоветский период» (грант № 24-18-00450), в рамках которого выполнено данное исследование. Отдельная благодарность участникам исследования, в частности, Ульяне И., редакторам выпуска, независимым рецензентам и всем причастным к подготовке номера.

Источники

- Ассман, А. (2019). *Забвение истории – одержимость историей*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Браймен, А. (2007). Интервью в качественных исследованиях 1. *Социология власти*, (4), 15–32.
- Бурдые, П. (2002). Формы капитала. *Экономическая социология*, 3(5), 60–74.
- Ван Геннеп, А. (1989). *Обряды перехода: систематическое изучение обрядов*. Москва: Восточная литература.
- Волкова, Н.А. (2024). Градостроительная реформа: (не)правовое регулирование в российских городах. *Социологическое обозрение*, 23(2), 11–38.
- Голубчиков, О.Ю., Махрова, А.Г., и Фелпс, Н.А. (2010a). Применение концепции «окраинного города» для анализа современных процессов урбанизации в РФ (на примере г. Химки). *Вестник Московского университета. Серия 5. География*, (3), 48–54.
- Голубчиков, О.Ю., Махрова, А.Г., и Фелпс, Н.А. (2010b). Современные процессы урбанизации в Подмосковье: феномен «окраинного города». *Academia. Архитектура и строительство*, (4), 63–68.
- Григоричев, К.В. (2016). Многообразие пригорода: субурбанизация в сибирском регионе (случай Иркутска). *Городские исследования и практики*, 1(2), 7–23.
- Дизендорф, В.Ф. (сост.). (2002). *Немецкие населенные пункты в СССР до 1941 г.: География и население: Справочник*. Москва: Общественная академия наук российских немцев.
- Заневское городское поселение. (2018, 15 сентября). *Назад в прошлое: какими были Янино-1*

- и Суоранда. <https://www.zanevkaorg.ru/news/nazad-v-proshloe-kakimi-byili-yanino-1-i-suoranda/>.
- Курьер-медиа. (2021, 30 мая). В Янино открылся первый в стране сухой порт. Он занимает территорию в 50 га. <https://courier-media.com/obshhestvo/v-yanino-otkrylsya-pervyj-v-strane-suhoj-port-on-zanimaet-territoriyu-v-50-ga>.
- Логунова, Е.Н. (2018). Феномен городских окраинных поясов (на примере исследований в зарубежных странах). *Architecture and Modern Information Technologies*, 4(45), 353–366.
- Лосин, Л.А., Солодилов, В.В., и Ляпунова, Г.П. (2020). Административно-территориальные преобразования и формирование локальных центров расселения на территории Санкт-Петербургской городской агломерации. *Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития*, (2–3), 33–46.
- Меерович, М.Г. (2007). Рождение и смерть города-сада: действующие лица и мотивы убийства. *Вестник Евразии*, (1), 118–166.
- Петростат. (2025). Численность населения Ленинградской области в разрезе муниципальных образований по состоянию на 1 января 2025 года. <https://78.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/%D0%9B%D0%9E%20%D1%87%D0%B8%D1%81%D0%BB%20%D0%BD%D0%B0%2001.01.2025%20%D0%BF%D0%BE%20%D0%9C%D0%9E%20.pdf>.
- Синочкин, Д. (2008, август). Я не хочу продавать жилье в Янино десять лет. *Пригород*. https://vprigorode.ru/magazine/08_2008/ya_ne_khochu_prodat_zhilye_v_yanino_desyat_let/.
- Соболева, И.В., и Соболев, А.Л. (2009). Земельный рынок Санкт-Петербурга и Ленинградской области. *Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии*, (1), 56–66.
- Фадеева, О., Быстров, Е., Збаницкий, О., и Шелудков, А. (2021). *Родные земли: Очерки трансформации земельных отношений в России*. Москва: Фонд поддержки социальных исследований «Хамовники»; Common Place.
- Черенева, В. (2020, 13 мая). Как сельская ипотека «подняла» и «уронила» спрос на жилье в Ленобласти. *Российская газета – Санкт-Петербург*. <https://rg.ru/2020/05/13/reg-szfo/kak-selskaia-ipoteka-podniala-i-uronila-spros-na-zhile-v-lenoblasti.html>.
- Barke, M. (1990). Morphogenesis, fringe belts and urban size: An exploratory essay. In T.R. Slater (Ed.), *The built form of Western cities* (pp. 279–299). Leicester: Leicester University Press.
- Barke, M., Ünlü, T., & Oliveira, V. (2018, July 5–9). *A comparative study of Inner Fringe Belts Paper presentation. XXV International Seminar on Urban Form: Urban Form and Social Context: from traditions to newest demands, Krasnoyarsk, Russia*. https://www.researchgate.net/publication/329894855_A_comparative_study_of_Inner_Fringe_Belts.
- Bear, L. (2016). Time as technique. *Annual Review of Anthropology*, 45, 487–502.
- Bedini, M.A., & Bronzini, F. (2016). The new territories of urban planning: The issue of the fringe areas and settlement filaments. *Land Use Policy*, 57, 130–138.
- Buxbaum, P. (2019). Amazon's warehouses: The power of randomness. *American Journal of Transportation*. <https://www.ajot.com/premium/ajot-amazons-warehouses-the-power-of-randomness>.
- Dablanc, L., Schorung, M., de Oliveira, R., Palacios-Argüello, L., de Oliveira, L., & Yaghi, P. (2023). Locational patterns of warehouses in 78 cities around the world: A comparative meta-analysis (Report for Logistics City Chair). University Gustave Eiffel.
- Denzin, N.K. (2018). Performance, hermeneutics, interpretation. In U. Flick (Ed.), *The SAGE handbook of qualitative data collection* (pp. 200–217). London: Sage.
- Derrida, J., & Prenowitz, E. (1995). Archive fever: A Freudian impression. *Diacritics*, 25(2), 9–63.
- Fritzsche, P. (2005). The archive. *History and Memory*, 17(1–2), 13–44.
- Jones, C. (2024). The triumph of the placeless. *Regional Studies*, 58(3), 654–667.
- Kling, R., Olin, S., & Poster, M. (Eds.). (1991). *Postsuburban California: The transformation of postwar Orange County since World War II*. Berkeley: University of California Press.
- Larkham, P.J. (2006). The study of urban form in Great Britain. *Urban Morphology*, 10(2), 117–141.
- Mann, P.H. (1965). *An approach to urban sociology*. London: Routledge.
- McLaughlin, M. (2022, October 19–21). *The value of place: Logistics real estate and urban freight* [Conference presentation]. Metrans International Urban Freight Conference, Long Beach, CA, United States. https://www.metrans.org/assets/upload/2022_prologis%20keynote%20inu-f-0.pdf.
- Orcutt, J.D. (1996). Teaching in the social laboratory and the mission of SSSP: Some lessons from the Chicago School. *Social Problems*, 43(3), 235–245.
- Osborne, T. (1999). The ordinariness of the archive. *History of the Human Sciences*, 12(2), 51–64.
- Owens, T.J., Robinson, D.T., & Smith-Lovin, L. (2010). Three faces of identity. *Annual Review of Sociology*, 36, 477–499.
- Park, R.E., & Burgess, E.W. (2019). *The city*. Chicago, IL: University of Chicago Press.
- Phelps, N.A., Parsons, N., Ballas, D., & Dowling, A. (2006). *Post-suburban Europe: Planning and politics at the margins of Europe's capital cities*. London: Palgrave Macmillan.
- Raahauge, K.M. (2008). Transit space: No place is nowhere. *Knowledge, Technology and Policy*, 21(3), 125–130.
- Rai, H.B. (2023). Urban warehouses as good neighbors: Findings from a New York City case study. *Transportation Research Interdisciplinary Perspectives*, 19, Article 100823.
- Thomas, D. (1990). The edge of the city. *Transactions of the Institute of British Geographers*, 15(2), 131–138.
- Whitehand, J.W.R. (1988). Urban fringe belts: Development of an idea. *Planning Perspectives*, 3(1), 47–58.
- Wirth, L. (2023). *The ghetto*. London: Routledge.

BETWEEN "THE FRINGE" AND "THE GARDEN": CONCEPTUALIZING "THE WAREHOUSE CITY" ON THE CITY EDGE

Kira N. Kolomina, senior laboratory-researcher, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (ISRAS), member of the project group «Urban Everyday Life at the Microlevel», HSE University; Moscow, Russian Federation. E-mail: k.kolomina15@gmail.com

Andrey D. Starovoytenko, junior research fellow, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (ISRAS), member of the project group «Urban Everyday Life at the Microlevel», HSE University; Moscow, Russian Federation. E-mail: andstar14@gmail.com

This article conceptualizes "the warehouse city" to describe residential areas characterized by three features: non-centrality (the space cannot be defined as a local, symbolic, or urban center), marked spatial isolation, and proximity to the key service and logistics hubs of the modern urban economy. The study focuses on residential areas located more than 20 km from the centers of major cities, adjacent to logistics zones such as retailer and marketplace warehouses, distribution centers, and logistics parks. This is examined through the case study of the urban-type settlement of Yanino-1 in Leningrad Region. The research reveals that, in addition to its geographical remoteness from the urban center, "the warehouse city" is also situated on the social periphery. Its residents experience unequal access to social and cultural practices and the infrastructure associated with metropolitan life. The transient and transitional nature of "the warehouse city" space structures the social practices and life trajectories of its residents, imparting a temporary and provisional character to them. The proximity to warehouse complexes frames the perception of life in the area as "a warehouse for people"—a space whose primary function is reduced to the temporary storage of physical bodies en route to their final destination: the major city.

Keywords: warehouse city; posturbanization; peripheral territories; new neighborhoods; warehouse districts; social space; social inequality; social mobility

Citation: Kolomina, K., & Starovoytenko, A. (2025). Between

"The Fringe" and "The Garden": Conceptualizing "The Warehouse City" on the City Edge. *Urban Studies and Practices*, 10(4), 74–91. <https://doi.org/10.17323/usp104202574-91>

References

- Assman, A. (2019). *Zabvenie istorii – odezhi most' istoriey* [Forgetting history – obsession with history]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Barke, M. (1990). Morphogenesis, fringe belts and urban size: An exploratory essay. In T.R. Slater (Ed.), *The built form of Western cities* (pp. 279–299). Leicester: Leicester University Press.
- Barke, M., Ünlü, T., & Oliveira, V. (2018, July 5–9). *A comparative study of Inner Fringe Belts Paper presentation. XXV International Seminar on Urban Form: Urban Form and Social Context: from traditions to newest demands, Krasnoyarsk, Russia*. https://www.researchgate.net/publication/329894855_A_comparative_study_of_Inner_Fringe_Belts.
- Bear, L. (2016). Time as technique. *Annual Review of Anthropology*, 45, 487–502.
- Bedini, M.A., & Bronzini, F. (2016). The new territories of urban planning: The issue of the fringe areas and settlement filaments. *Land Use Policy*, 57, 130–138.
- Bourdieu, P. (2002). *Formy kapitala* [The forms of capital]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic Sociology], 3(5), 60–74.
- Bryman, A. (2007). Interv'y u v kachestvennykh issledovaniyakh 1 [The interview in qualitative research 1]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], (4), 15–32.
- Buxbaum, P. (2019). *Amazon's warehouses: The power of randomness*. *American Journal of Transportation*. <https://www.ajot.com/premium/ajot-amazons-warehouses-the-power-of-randomness>.
- Chereneva, V. (2020, May 13). *Kak sel'skaya ipoteka "podnyala" i "uronila" spros na zhil'e v Lenoblasti* [How rural mortgages "raised" and "dropped" demand for housing in the Leningrad Oblast]. *Rossiyskaya gazeta – Sankt-Peterburg*. <https://rg.ru/2020/05/13/reg-szfo/kak-sel-skaia-ipoteka-podniala-i-uronila-spros-na-zhile-v-lenoblasti.html>.
- Dablan, L., Schorung, M., de Oliveira, R., Palacios-Argüello, L., de Oliveira, L., & Yaghi, P. (2023). Locational patterns of warehouses in 78 cities around the

- world: A comparative meta-analysis (Report for Logistics City Chair). University Gustave Eiffel.
- Denzin, N.K. (2018). Performance, hermeneutics, interpretation. In U. Flick (Ed.), *The SAGE handbook of qualitative data collection* (pp. 200–217). London: Sage.
- Derrida, J., & Prenowitz, E. (1995). Archive fever: A Freudian impression. *Diacritics*, 25(2), 9–63.
- Dizendorf, V.F. (Comp.). (2002). *Nemetskie naselennye punkty v SSSR do 1941 g.: Geografiya i naselenie: Spravochnik* [German settlements in the USSR before 1941: Geography and population: A handbook]. Moscow: Obshchestvennaya akademiya nauk rossiyskikh nemtsev.
- Fadeeva, O., Bystrov, E., Zbanitskiy, O., & Sheludkov, A. (2021). *Rodnye zemli: Ocherki transformatsii zemel'nykh otnosheniy v Rossii* [Native lands: Essays on the transformation of land relations in Russia]. Moscow: Khamovniki Social Research Support Fund; Common Place.
- Fritzsche, P. (2005). The archive. *History and Memory*, 17(1–2), 13–44.
- Golubchikov, O. Yu., Makhrova, A.G., & Phelps, N.A. (2010a). *Primenenie kontseptsii "okrainnogo goroda" dlya analiza sovremennykh protsessov urbanizatsii v RF (na primere g. Khimki)* [Applying the "edge city" concept to the analysis of modern urbanization processes in the Russian Federation (a case study of Khimki)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya* [Moscow University Herald. Series 5. Geography], (3), 48–54.
- Golubchikov, O. Yu., Makhrova, A.G., & Phelps, N.A. (2010b). *Sovremennye protsessy urbanizatsii v Podmoskov'e: fenomen "okrainnogo goroda"* [Modern urbanization processes in the Moscow region: The "edge city" phenomenon]. *Academia. Arkhitektura i stroitel'stvo* [Academia. Architecture and Construction], (4), 63–68.
- Grigoriev, K.V. (2016). *Mnogoobrazie prigoroda: suburbanizatsiya v sibirskom regione (sluchay Irkutska)* [The diversity of the suburb: Suburbanization in the Siberian region (the case of Irkutsk)]. *Gorodskie issledovaniya i praktiki* [Urban Studies and Practices], 1(2), 7–23.
- Jones, C. (2024). The triumph of the placeless. *Regional Studies*, 58(3), 654–667.
- Kling, R., Olin, S., & Poster, M. (Eds.). (1991). *Postsuburban*

- California: The transformation of postwar Orange County since World War II. Berkeley: University of California Press.
- Kur'er-media. (2021, May 30). *V Yanino otkrylsya pervyy v strane sukhoy port. On zanimaet territoriyu v 50 ga* [The country's first dry port opened in Yanino. It occupies a territory of 50 hectares]. <https://courier-media.com/obshhestvo/v-yanino-otkrylsya-pervyj-v-strane-suhoy-port-on-zanimaet-territoriyu-v-50-ga>.
- Larkham, P.J. (2006). The study of urban form in Great Britain. *Urban Morphology*, 10(2), 117-141.
- Loginova, E.N. (2018). Fenomen gorodskikh okrainnykh pojasov (na primere issledovaniy v zarubezhnykh stranakh) [The phenomenon of urban fringe belts (on the example of research in foreign countries)]. *Architecture and Modern Information Technologies*, 4(45), 353-366.
- Losin, L.A., Solodilov, V.V., & Lyapunova, G.P. (2020). *Administrativno-territorial'nye preobrazovaniya i formirovaniye lokal'nykh tsentrov rasseleniya na territorii Sankt-Peterburgskoy gorodskoy aglomeratsii* [Administrative-territorial transformations and the formation of local settlement centers in the St. Petersburg urban agglomeration]. *Ekonomika Severo-Zapada: problemy i perspektivy razvitiya* [Economy of the North-West: problems and prospects], (2-3), 33-46.
- Mann, P.H. (1965). *An approach to urban sociology*. London: Routledge.
- McLaughlin, M. (2022, October 19-21). *The value of place: Logistics real estate and urban freight* [Conference presentation]. Metrans International Urban Freight Conference, Long Beach, CA, United States. https://www.metrans.org/assets/upload/2022_prologis%20key-note%20inuf-0.pdf.
- Meerovich, M.G. (2007). Rozhdenie i smert' goroda-sada: deystvuyushchie litsa i motivy ubiystva [The birth and death of the garden city: Actors and motives for murder]. *Vestnik Eurazii* [Herald of Eurasia], (1), 118-166.
- Orcutt, J.D. (1996). Teaching in the social laboratory and the mission of SSSP: Some lessons from the Chicago School. *Social Problems*, 43(3), 235-245.
- Osborne, T. (1999). The ordinariness of the archive. *History of the Human Sciences*, 12(2), 51-64.
- Owens, T.J., Robinson, D.T., & Smith-Lovin, L. (2010). Three faces of identity. *Annual Review of Sociology*, 36, 477-499.
- Park, R.E., & Burgess, E.W. (2019). *The city*. Chicago, IL: University of Chicago Press.
- Petrostat. (2025). *Chislennost' naseleniya Leningradskoy oblasti v razreze munitsipal'nykh obrazovaniy po sostoyaniyu na 1 yanvarya 2025 goda Population of the Leningrad Oblast by municipalities as of January 1, 2025*. <https://78.rosstat.gov.ru/storage/media-bank/%D0%9B%D0%9E%D1%87%D0%B8%D1%81%D0%BB%20%D0%BD%D0%B0%2001.01.2025%20%D0%BF%D0%BE%20%D0%9C%D0%9E%20.pdf>.
- Phelps, N.A., Parsons, N., Ballas, D., & Dowling, A. (2006). *Post-suburban Europe: Planning and politics at the margins of Europe's capital cities*. London: Palgrave Macmillan.
- Raahauge, K.M. (2008). Transit space: No place is nowhere. *Knowledge, Technology and Policy*, 21(3), 125-130.
- Rai, H.B. (2023). Urban warehouses as good neighbors: Findings from a New York City case study. *Transportation Research Interdisciplinary Perspectives*, 19, Article 100823.
- Sinochkin, D. (2008, August). Ya ne khochu prodavat' zhil'e v Yanino desyat' let [I don't want to sell housing in Yanino for ten years]. *Prigorod* [Suburb]. https://vprigorode.ru/magazine/08_2008/ya_ne_khochu_prodat_zhilye_v_yanino_desyat_let/.
- Soboleva, I.V., & Sobolev, A.L. (2009). Zemel'nyy rynek Sankt-Peterburga i Leningradskoy oblasti [The land market of St. Petersburg and the Leningrad Oblast]. *Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii* [Theory and Practice of Service: economy, social sphere, technology], (1), 56-66.
- Thomas, D. (1990). The edge of the city. *Transactions of the Institute of British Geographers*, 15(2), 131-138.
- Van Gennep, A. (1989). *Obryady perekhoda: sistematischeskoe izucheniye obryadov* [The rites of passage: A systematic study of rites]. Moscow: Vostochnaya literatura.
- Volkova, N.A. (2024). Gradostroitel'naya reforma: (ne)pravovoe regulirovaniye v rossiyskikh gorodakh [Urban planning reform: (Non)legal regulation in Russian cities]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [The Russian Sociological Review], 23(2), 11-38.
- Whitehand, J.W.R. (1988). Urban fringe belts: Development of an idea. *Planning Perspectives*, 3(1), 47-58.
- Wirth, L. (2023). *The ghetto*. London: Routledge.
- Zanevskoe gorodskoe poseleniye. (2018, September 15). *Nazad v proshloe: kakimi byli Yanino-1 i Suoranda* [Back to the past: What Yanino-1 and Suoranda were like]. <https://www.zanevkaorg.ru/news/nazad-v-proshloe-kakimi-byili-yanino-1-i-suoranda/>.

Giving economy как пространство социальных экспериментов в современном городе

Кирилл Афанасьев,
Екатерина Степанова

Введение: от экспериментов в городе к экспериментам над городским и городской жизнью

Во второй половине XX века в урбанистике утвердилось постклассическое понимание города, в силу своей природы формирующего пространство наблюдаемых и ненаблюдаемых социальных экспериментов, связанных с развитием человека, различных сообществ и отдельных элементов системы управления в социально-экономическом и пространственном отношении.

С развитием цифровых технологий интенсивность социального обмена и вариативность социальных изменений только возросла, что позволяет говорить о предельно широком толковании города как «лаборатории», где в режиме реального времени тестируются лучшие подходы к решению городских проблем, паттерны поведения и сценарии взаимодействия ключевых акторов и групп интересов. Более того (и в этом состоит ключевая мысль данной статьи), иницируемые в реальных городских условиях представителями бизнеса и органами власти эксперименты и тесты (испытания) новых сервисов и управленческих практик приводят к трансформации режимов городской жизни и ответной (или в ряде случаев параллельной) реакции в виде низовых инноваций и творческих инициатив, позволяющих решить заявленную проблему более эффективно. В основном это происходит за счет двух значимых действий – творческого переосмысления (в формате «испытания на прочность», неформального использования, хулиганства/вандализма, художественного жеста) и утилитаризации (приспособления под свои нужды) элементов предлагаемых экспериментальных реше-

Афанасьев Кирилл Станиславович, кандидат философских наук, и.о. заведующего, Научно-образовательный центр «Центр компетенций государственных и муниципальных служащих Ленинградской области “Онега”»; доцент, кафедра государственного и муниципального управления, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина (ЛГУ имени А.С. Пушкина); Санкт-Петербург, Российская Федерация.
E-mail: k.afanasiev@lengu.ru

Екатерина Сергеевна Степанова, младший научный сотрудник, Лаборатория урбанистических исследований; старший преподаватель, департамент государственного администрирования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) в Санкт-Петербурге; Санкт-Петербург, Российская Федерация.
E-mail: esstepanova@hse.ru

Статья рассматривает город в рамках дихотомии «город-лаборатория» и «город как поле». Объединение жителей для решения общих проблем формирует особый режим деятельности – «совместности» (commons). Хотя теоретическая рамка «экономики совместного потребления» (sharing economy) предполагает баланс интересов власти, бизнеса и населения, многие низовые практики в эту логику не вписываются. Они не имеют бизнес-составляющей и реализуются в экспериментальном режиме. Статья вводит для их описания термин giving economy («экономика дарения») – свободный обмен ресурсами между гражданами без значимого участия власти и бизнеса. Цель исследования – оценить стихийность и устойчивость (через институционализацию) этих практик, а также выявить поведенческие сценарии с трансформационным потенциалом. На материалах 18 районов Санкт-Петербурга (2022–2024) проанализированы 16 типов низовых инициатив (объектов и событий) в сферах совместного пользования, управления ресурсами и экологии. Результаты демонстрируют постепенную трансформацию ценностных ориентаций горожан в сторону готовности использовать совместную собственность, обмениваться вещами и интегрировать свои в коллективные мероприятия. Установлено, что развитие этих практик активно поддерживается цифровыми инструментами информирования, что повышает устойчивость результатов. В конечном счете эти явления вписываются в концепцию сотворчества и сопроизводства, создавая новую общественную ценность.

ний. И в данном случае естественным и отчасти непредсказуемым образом преодолевается методологическое затруднение, связанное с одновременным рассмотрением города как лаборатории (что предполагает выполнение ряда требований и условий) и как места полевого исследования.

Применительно к изучению городов мы можем говорить об экспериментах над городским и городской жизнью с их неизбежной последующей трансформацией [Амин и Трифт, 2017]. При этом зачастую эксперименты не проводятся целенаправленно на основе предварительного формулирования гипотез и выделения экспериментальной среды («лаборатории» или «клиники»), а конструируются и обращаются в прошлое по итогам полевых исследований в качестве таковых [Куренной, 2021]. И в этом отношении опыт представителей Чикагской школы как нельзя актуален именно в части рассмотрения конкретного города как «лаборатории» и места экспериментов в предельно широком толковании. В нашей работе обращение к социологическому наследию чикагцев позволяет не только предложить описание и испытание на материалах Санкт-Петербурга дихотомии-дуализма «город-лаборатория / город – место для полевых исследований», но и определить параметры и особенности *встречного экспериментирования* со стороны подвергшихся изучению и тестированию горожан. В качестве среды подобных низовых инноваций и экспериментов авторами выделена совокупность практик, получившая название *giving economy* или «экономика дарения», характерной чертой которой является наличие совместного использования ресурсов и общения по этому поводу, консолидация сообществ и выработка устойчивых сценариев ресурсной оптимизации в условиях большого города.

Исследовательский вопрос, таким образом, состоит в определении степени социальной значимости, уровня зрелости и устойчивости выявленных практик рыночного и нерыночного взаимодействия жителей современного города в контексте развития «экономики дарения», которые могут быть обобщены понятием ресурсных практик (устоявшихся форматов совместного использования ресурсов, в том числе их безвозмездной передачи) вне зависимости от их инициатора, осознаваемых и/или конструируемых впоследствии в качестве городского эксперимента.

Экспериментаторы и эксперименты в условиях города: ускользящие субъекты и смутные объекты

Изначально сформулированные интуиции представителей Чикагской школы в отношении города как пространства экспериментов, рассматриваемом в качестве лаборатории и одновременно как места полевых исследований, приобрели в настоящее время особую актуальность. Достаточно обратиться к классическим работам Роберта Эзры Парка, чтобы заметить указанную двойственность: «сотворив город, человек, невольно и не представляя себе отчетливо смысла этой работы, преобразил самого себя. Примерно в этом смысле и в такой связи мы представляем себе город как социальную лабораторию. По сути дела, в наших современных городах цивилизация и социальный прогресс приобрели характер некоего контролируемого эксперимента» [Парк, 2002, с. 4].

Повсеместное распространение экспериментов в рамках городской территории со стороны представителей власти и бизнеса в формате тестирования новых подходов в управлении, экономике и правовом регулировании развивалось постепенно и поначалу выражалось в конкретных политических действиях, ориентированных на достижение целевых показателей по решению актуальных проблем в рамках избирательного цикла. Каждое такое (квази)экспериментальное действие, как правило, рождало ответ в виде встречного низового эксперимента

Ключевые слова: городские совместности; экономика совместного потребления; экономика дарения; ресурсные практики; городская лаборатория; эксперимент

Цитирование: Афанасьев, К., & Степанова, Е. (2025). Giving economy как пространство социальных экспериментов в современном городе. *Городские исследования и практики*, 10(4), 92–112. <https://doi.org/10.17323/usp104202592-112>

по нахождению новых зон и пространств для социальных инноваций с использованием результатов или в противовес деятельности органов власти и бизнеса.

Таким образом, в рамках последующего развития сфера городского экспериментирования разделилась на вполне реальные проекты городских властей, застройщиков и бизнеса в целом и низовые эксперименты граждан с трансформирующейся реальностью, что, в свою очередь, привело к новому витку экспериментов и тестов. Следует отметить при этом, что экспериментирование в условиях города за пределами властных и рыночных отношений воспринималось властью в качестве подрывного действия в отношении устоявшегося социального порядка.

Различные науки по-разному выстраивали баланс между лабораторными и полевыми экспериментами, но тем не менее постепенно демонстрировали заметное сближение первого подхода со вторым. По примеру естественных наук, широко использующих полевые лаборатории и экспериментальные станции, ряд социальных наук, в частности психология и экономика, постепенно перешли к экспериментам в полевых условиях.

Тем не менее теоретическое конструирование городских лабораторий требует от социологов и антропологов соблюдения ряда условий, связанных с изначальным смыслом этого слова: обособления от не-лабораторий, наличия возможности воздействовать на условия и факторы в процессе эксперимента, обеспечения воспроизводства условий и результатов в других лабораториях, и в этом состоит главный критический аргумент к строгости условий полевых экспериментов в городских исследованиях. Лабораторные эксперименты, как правило, проводятся в контролируемых условиях на основе искусственно воссозданной в соответствии с дизайном исследования ситуации. При этом их целью является точное измерение влияния независимых переменных на зависимые с исключением воздействия посторонних факторов. И наоборот, полевые эксперименты в значительной степени подвержены влиянию различных не в полной мере изолированных факторов, за счет чего необходимо очень четко определять достоверность измерений и исследовательский вопрос [Серебреников и Кузьмина, 2021, с. 119]. Сильной чертой лабораторных экспериментов является внутренняя валидность, а полевых – внешняя. Применительно к городу именно поэтому

и становятся возможными сформированные по итогам исследований сборники лучших практик по решению городских проблем, описываются (иногда даже в формате конструктора) действенные инструменты развития городских территорий, фиксируются значимые социологические факты трансформации индивидуального и группового поведения горожан.

Таким образом, в отношении конкретного города становится возможным применить переосмысленное и обогащенное работой «в поле» понятие «городской лаборатории» (*urban lab*), а также родственное понятие «живая лаборатория» (*living lab*). Стоит отметить, что указанные словосочетания оказались настолько плодотворными с точки зрения их эвристического потенциала, что постепенно вобрали в себя большинство экспериментальных городских практик и теоретические фреймы, им сопутствующие. Хотя ряд авторов разделяет *urban lab* и *living lab*, европейское «Руководство по созданию городских лабораторий» [Scholl et al., 2017, p. 13] включает второе понятие в первое, трактуя *living lab* как пространство для тестирования пользовательского опыта при разработке инноваций.

Опираясь на это руководство и обобщая ранее рассмотренные кейсы, мы анализируем экспериментальные городские практики, подходящие для полевых исследований. Анализ фокусируется на выделении преобладающих групп интересов и механизмах реализации эксперимента. Городские лаборатории при этом могут быть как реальными, локализованными в пространстве, так и символическими, конструируемыми во взаимодействии акторов, в том числе онлайн (табл. 1).

Ресурсные практики жителей современного города за пределами рынка и государства

Традиционно городские совместности осмысляются через активизм сообществ, противостоящих власти и рынку в вопросах распределения ресурсов. Однако в современном городе возможна гармонизация интересов населения, власти и бизнеса, способствующая формированию особого режима деятельности – совместности (*commons*). Ключевыми элементами здесь являются «общие ресурсы, устоявшиеся практики по поводу их использования и распределения, а также наличие инициаторов этих практик» [Кип, Бьенек,

	Власть	Бизнес	Граждане
Инициирование: формирование новых пространств для эксперимента	Производственные лаборатории / Makerspaces или FabLabs Небольшие мастерские, предоставляющие доступ к инструментам и знаниям, которые могут быть использованы для взаимодействия с различными видами производства и экспериментирования, в первую очередь с технологиями	Преобразующие лаборатории / Impact labs Организации, которые фокусируются на экспериментальном обучении и работают с широким кругом партнеров из государственного и частного секторов для решения стратегических проблем. Они поддерживают новаторов в масштабировании проектов, как правило, в области здравоохранения, образования и устойчивого развития	Лаборатория изменений / Change labs Междисциплинарные инициативы, которые разрабатывают и применяют инновационные подходы для масштабных и системных процессов трансформации с помощью действенных интервенций
Делиберация: внедрение групповых форматов обсуждения и согласования мнений на существующих площадках	Лаборатории городского развития / City labs Платформы участия, на которых власть и другие заинтересованные стороны совместно стремятся найти способы решения городских проблем	Лаборатории инновационного предпринимательства / Innovation labs Междисциплинарные платформы, предназначенные для поддержки ряда заинтересованных сторон, для содействия инновациям и предпринимательству. Обычно они фокусируются на сетевых, консалтинговых и квалификационных услугах	Управленческие лаборатории / Gov labs Структуры, направленные на укрепление способности учреждений и людей работать более прозрачно и согласованно, чтобы принимать лучшие решения и решать общественные проблемы
Технологизация: перевод социальных практик в новое качество с помощью технологической составляющей	Политические лаборатории / Policy labs Платформы, ориентированные на многоаспектные диалоги по формированию направлений общественного развития. Они часто экспериментируют с новыми инструментами политики, используя аналитику данных и новые цифровые инструменты	Живые лаборатории / Living labs Структуры, реализующие подход к инновациям, ориентированный на пользователя путем их активного вовлечения в качестве участников творческих и оценочных процессов в области разработки и внедрения инноваций	Лаборатории социальных инноваций / Social innovation labs Организации, функционирующие как средство для системных изменений путем экспериментирования с социальными инновациями через реализацию человекоцентричного подхода к решению проблем городского планирования, имеющих социальное измерение

Таблица 1. Городские экспериментальные практики в пространстве городских лабораторий

Источник: составлено авторами с использованием классификации [Scholl et al., 2017, p. 10–13].

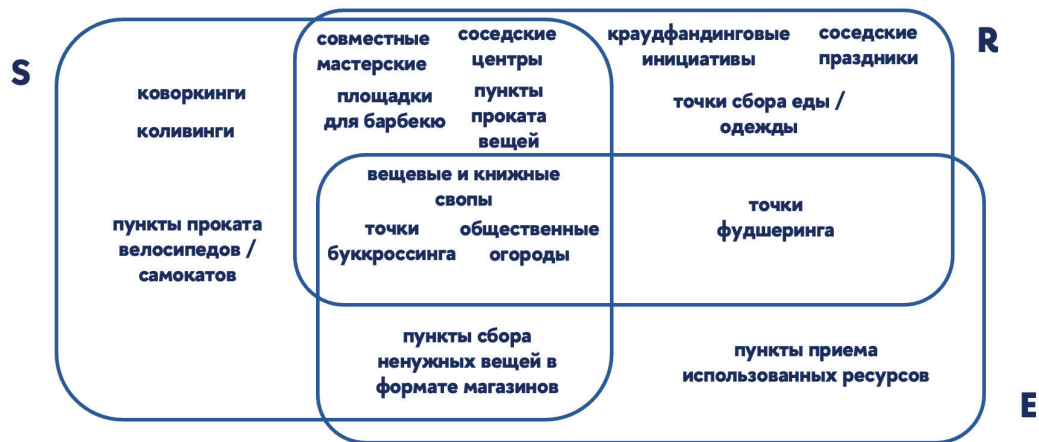
Делено, Миллер и Швегман, 2020, с. 15–16]. Важно, что к инициаторам, наряду с жителями, можно отнести представителей власти и бизнеса (например, управляющие компании). Это позволяет использовать в качестве дополнительной концептуальной рамки экономику совместного потребления (*sharing economy*), также предполагающую согласование разнонаправленных, но пересекающихся интересов [Мангер, 2021].

Обобщая, рассматриваемые городские практики можно обозначить как ресурсные. Они являются результатом рыночного и нерыночного взаимодействия жителей по совместному использованию ресурсов (вне зависимости от инициатора), что перекликается с институтами самоуправления в системах общих ресурсов Элинор Остром [Остром, 2025, с. 178]. При этом сами акторы воспринимают такое взаимо-

действие в категориях эксперимента и тестирования, используя логику сервисного проектирования и процессной оптимизации.

В ходе исследования, проведенного в 18 районах Санкт-Петербурга в 2022–2024 годах, была проанализирована инфраструктура «экономики совместного пользования» (ЭСП) и низовые инициативы по совместному использованию ресурсов по 16 направлениям (как в формате объектов, так и в формате событий) в рамках трех частично пересекающихся сегментов: элементы экономики совместного пользования (S – *sharing economy*), инициативы по эффективному использованию общих ресурсов (R – *resource optimization*), а также экологические инициативы (E – *environmental initiatives*). При этом отдельные ресурсные практики входили в два и более сегмента, что, согласно сформули-

Рис. 1. Распределение практик «экономики дарения» по трем сегментам: экологические инициативы (E), элементы *sharing economy* (S), эффективное распределение ресурсов (R)
Источник:

рованной гипотезе, обеспечивало их устойчивость и масштабирование (рис. 1).

С помощью волонтеров был проведен первичный сбор материалов на основе поиска информации в интернете и анализа сообщений в социальных сетях, затем исследовательской группой, подготовленной в исследовательской логике «быстрой этнографической экспертизы» [Картавцев, 2021], был осуществлен отбор наиболее значимых явлений (всего – 568 единиц данных) и произведено выборочное посещение объектов и их тестирование для оценки релевантности и актуальности собранных в ходе кабинетного исследования данных.

Предварительные итоги исследования выявили феномен, основанный на консолидации онлайн- и офлайн-сообществ. Он характеризуется явным дистанцированием как от рыночной логики, так и от векторов целеполагания, задаваемых властью. По аналогии с *sharing economy*, где ключевую роль играет разделение ресурса (на коммерческой или некоммерческой основе), мы предлагаем определить анализируемые ресурсные практики как *giving economy* (то есть как экономику дарения/передачи). Этот термин подчеркивает несколько их сущностных характеристик:

А. Возможность перевода любых коммерческих сервисов в рамках ЭСП в некоммерческий или низкозатратный формат в рамках низовых инициатив, предполагающих не разделение ресурса, а полную и безвозмездную его передачу [Belk, 2010; Botsman & Rogers, 2010].

Б. Сохранение ценности вещей в процессе передачи/дарения через осознание общности с другими людьми и преодоления стремления к максимизации личной выгоды и создания общей ценности [Frey, 1997; Etzioni, 1996; Appadurai, 1986].

В. Ориентация на ресурсосбережение и трансформацию жизненных сценариев под воздействием концепции циркулярной экономики в сторону большей осознанности в потреблении ресурсов и благ, в том числе в коллективном формате [Stahel, 2010; Ertz, Huang, Jo, Karakas & Sarigollu, 2017].

Следует подчеркнуть, что сам термин «экономика дарения», формируя пространство для городских экспериментов, носит экспериментальный характер, нуждаясь в апробации и укоренении в перспективных исследовательских действиях.

Анализ полученных данных позволил выделить параметры оценки зрелости той или иной практики с распределением по сферам интересов между гражданами, властью и бизнесом (табл. 2). Группировка парных параметров по отношению к вполне понятным разделам, характеризующим роль гражданина, степени институционализации и уровню коммерциализации той или иной практики обусловлена прежде всего смысловой близостью и декларируемыми ценностями.

Так граждане на низовом уровне в значительной степени ориентированы на эффективность распределения ресурсов, представители власти – на реализацию целей устойчивого развития в их экологическом измерении, бизнес – на развитие инфраструктуры «экономики совместного пользования» в коммерческом измерении.

Оценка 16 практик экономики дарения (рис. 1) по разработанным авторами шкалам показала в среднем высокие результаты. Единственным исключением стал уровень коммерциализации: его низкие значения демонстрируют принципиальное расхождение между исследуемым явлением и ЭСП (рис. 2).

Таблица 2.
Параметры оценки зрелости практик экономики дарения на основе анализа кейсов

Источник: составлено авторами.

Уровень	Сфера интересов граждан		Сфера интересов власти		Сфера интересов бизнеса	
	A	B	C	D	E	F
	Роль граждан	Эффективность распределения ресурсов	Степень институционализации	Актуализация экологической составляющей	Уровень коммерциализации	Реализация принципов ЭСП / sharing economy
0	Не вовлечен в реализацию	Свободные ресурсы не используются	Отсутствие интереса у власти	Экологическая составляющая отсутствует	Отсутствие коммерческой составляющей	Практики ЭСП не реализуются
1	Потребитель благ / информации	Преобладание продажи свободных ресурсов	Правовое регулирование и/или установление правил деятельности	Реализация функции энергосбережения	Частичная монетизация в рамках сопутствующей экосистемы	Наличие возможности для коммерческого или некоммерческого предоставления товаров/услуг в режиме совместного использования
2	Активный участник / критик	Преобладание обмена свободными ресурсами	Финансовая и/или организационная поддержка	Снижение уровня отходов	Полная рыночная монетизация	Обеспечена минимизация издержек на основе данных и обратной связи пользователей
3	Инициатор	Преобладание безвозмездной передачи свободных ресурсов	Интеграция в работу учреждений социальной сферы / общественных пространств	Интеграция в жизненные сценарии, ориентированные на экологическую ответственность	Интеграция с другими коммерческими сервисами и сервисами партнеров	Интеграция в бизнес-модель принципов устойчивого развития и кооперации с коммерческими и некоммерческими партнерами

Стоит также подчеркнуть высокий потенциал институционализации отдельных практик через интеграцию в сети учреждений социальной сферы, а также в жизненные сценарии и личностные установки. При этом остается открытым вопрос о способах улучшения и перехода частично коммерциализированных практик в некоммерческие, то есть о внутренних механизмах экспериментирования.

Экспериментальное измерение экономики дарения в современном городе

В ходе исследования была собрана и проанализирована информация по рассматриваемым ресурсным практикам.

Сразу оговоримся, что представленные данные носят преимущественно количественный характер и являются результатом первичного обобщения. Тем не менее они позволяют сделать ряд наблюдений и выводов, значимых для дальнейших исследований.

Далее мы представляем эти практики, сгруппировав их по четырем разделам, с оценкой зрелости по шести шкалам (рис. 3, 6, 8, 10) и характеристикой (на примере Санкт-Петербурга). Кроме того, мы описываем методологию полевого эксперимента – как механику итерационного тестирования в логике экономики дарения, так и подходы к обеспечению рандомизации и достоверности. Наконец, для связи с теоретическим введением показано, как

Рис. 2. Оценка практик экономики дарения по параметрам зрелости
Источник:

эти практики соотносятся с типами городских лабораторий (табл. 1).

А. Временная активность инициативных граждан в рамках экономики дарения

В ходе исследования, проведенного авторами на материалах инициатив жителей Санкт-Петербурга 2019–2022 годов в сфере улучшения среды проживания в формате инициативного благоустройства было описано и классифицировано большое количество успешных начинаний жителей в сфере организации совместных мероприятий, ЖКХ-арта как индикатора живых сообществ, ремонта и восстановления элементов многоквартирного дома и пространства вокруг него, а также создания собственных общественных пространств [Афанасьев и Степанова, 2022]. Опираясь на этот опыт, мы полагаем, что любые инициативы, носящие временный характер, оптимально подходят для формата полевого эксперимента.

Успешные кейсы сбора средств, будь то разовые (сквер Венеры в Коломне) или постоянные (движения «Двери с помоек» и «Гэнг»), мотивируют других граждан. Однако порой именно неудачи демонстрируют более значимые явления, чем успех. Показателен случай Kopka-safe, контрастирующий с 34 успешными краудфандинговыми инициативами. Группа ставила задачей оживить Андреевский бульвар методами тактического урбанизма (рис. 4).

Кампания формально провалилась: из 508 тыс. рублей было собрано лишь 16 тыс.

Тем не менее в итоге внутри памятника было открыто кафе, и бульвар получил новую точку притяжения. Таким образом, даже, казалось бы, неуспешный краудфандинг-проект способен привлечь внимание власти и бизнеса к конкретной городской локации.

Наиболее четким и легко интегрируемым форматом ресурсных практик выступают мероприятия по обмену ненужными вещами (свопы), концентрированные во времени и пространстве. Их механика, как правило, основана на простом принципе (например, обмен вещи на купон), хотя и допускает вариации.

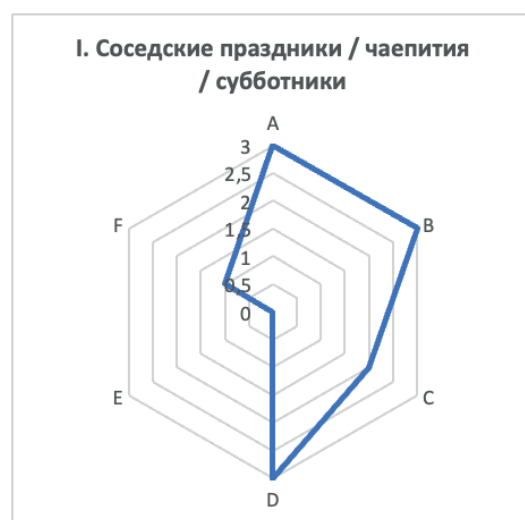
В ходе анализа было выявлено 189 подобных мероприятий (89 – вещевых, 41 – книжных, 69 – смешанных). Значительная их часть (80 из 189) была интегрирована в другие события: соседские праздники (32), мероприятия в креативных пространствах (28) и в университетах – например, в День первокурсника (20). Это свидетельствует о высокой востребованности и соответствии данных практик современным социальным трендам.

Международный день соседей – относительно малоизвестный праздник, отмечаемый ежегодно 27 мая. К сожалению, в изучаемом городе это еще и его (Санкт-Петербурга) день рождения, но уже несколько лет он с успехом проходит на базе коммерческих и общественных соседских центров, в том числе при непосредственном участии одного из авторов (рис. 5).

Помимо крупных праздников, мы зафиксировали 64 локальных инициативных мероприятия на уровне многоквартирных домов. Они часто приурочены к субботникам (в Коломне – воскресники) и определяются нами как инициативные, поскольку проходят без участия власти или управляющих компаний. Такие события, как правило, сопровождаются совместным чаепитием, что в значительной степени способствует активации смежных ресурсных практик.

Помимо сбора помощи, связанного со СВО, существуют практики, ориентированные на локальные социальные нужды (помощь бездомным, погорельцам, беженцам). Мы выявили как постоянные точки сбора («Ночлежка», «Дом ночного пребывания» и др.), так и массовые акции (зафиксировано 52 мероприятия). Эти ресурсные практики характеризуются отка-

Рис. 3. Оценка зрелости практик экономики дарения, связанная с реализацией низовых инициатив
Источник:

зом от сбора наличных денег, что, предположительно, сужает круг жертвователей.

Представленные в таблице 3 экспериментальные механики для практик первой группы позволяют как оценить готовность и способность граждан к вовлечению в проекты экономики дарения (на трех уровнях), так и сформулировать гипотезы о наиболее эффективных методах их информационного сопровождения.

Б. Объекты социальной инфраструктуры экономики дарения

Практики второй группы охватывают физические объекты, способные консолидировать разрозненных индивидов (проблема одиночества и разобщенности в городской среде заслуживает отдельного исследования, в том числе с использованием собранного материала) вокруг привычных, но полузабытых видов деятельности или относительно новых вариантов самореализации.

Инфраструктура соседского взаимодействия в формате соседских центров способна стать предметом отдельного исследования, однако в данном случае рассматривались любые точки контакта и конструктивного взаимодействия поливозрастных аудиторий: как непосредственно соседские центры (в зарубежной практике принято использовать словосочетание *community center*), создаваемые в жилых комплексах управляющими компаниями (выявлено 24 таких объекта) или на базе бюджетных учреждений (12), так и помещения, выполняющие их функции в части сплочения и консолидации жителей: библиотеки (23), образовательные организации дополнительного образования (11) и даже сетевые магазины, позиционирующие себя как центры сообщества (3).

Число официальных (как правило, платных) площадок для барбекю в Санкт-Петербурге невелико – 9 объектов, расположенных в периферийных районах (например, в парке Трехсотлетия).

Рис. 4. Памятник конке в Василеостровском районе
Источник: Piter.tv. (2022). https://piter.tv/event/blagoustrojstvo_u_konki_na_vasileostrovskoj/.

Рис. 5. День соседей 27 мая 2021 г. в Доме добрососедства в Петроградском районе
Источник: фотография авторов.

Наименование практики экономики дарения / giving economy	Краткая характеристика практики экономики дарения / giving economy	Экспериментальные механики		Вариант используемой/конструируемой городской лаборатории (см. табл. 1)
		Вариант возможного городского эксперимента	Вариант возможного тестирования в условиях города	
F. Краудфандинговые инициативы, реализованные на территории района	Коллективный сбор средств на создание или восстановление элементов общественных пространств	Запуск двух параллельных кампаний с разными лозунгами и смысловой составляющей с последующим анализом мотивов жертвователей	Проверка действенности материальных вознаграждений для жертвователей на краудсорсинговых платформах через фокус-группы или тестовые аудитории	Преобразующие лаборатории / Impact labs
H. Вещевые и книжные свопы	Массовое мероприятие по обмену ненужными вещами и книгами	Проведение мероприятий в сочетании с развлекательными мероприятиями и без них с последующим анализом активности участников	Проверка параметров основного мероприятия через «тренировочные» свопы: с платой за вход, с лотерей или без них	Лаборатории социальных инноваций / Social innovation labs
I. Соседские праздники / чаепития / субботники	Мероприятие, организуемое представителями местного сообщества с целью знакомства и решения общих вопросов	Разделение места проведения мероприятия на несколько зон, в которых используются или не используются бейджи с именем с последующим анализом эффективности процесса возникновения новых знакомств	Использование упоминания в анонсе мероприятий различных дополнительных видов активности, например лотерей, выставок, танцев	Политические лаборатории / Policy labs
K. Точки сбора еды / одежды для нуждающихся в формате благотворительных инициатив	Акции по сбору помощи для нуждающихся, иногда сочетающиеся с другими видами помощи (сбор денежных средств / сдача крови)	Использование разных вариантов объявлений и сопровождающих их изображений: например, с изображением нуждающихся людей или с необходимыми им предметами	Использование различных каналов информирования о мероприятии с анализом отклика целевых аудиторий	Лаборатории социальных инноваций / Social innovation labs

Таблица 3. Группа практик «экономики дарения», связанная с реализацией низовых инициатив

Источник: составлено авторами.

Наиболее распространенной локализацией объектов буккроссинга (рис. 7) являются подъезды жилых домов. Это преобладание зафиксировано несмотря на стихийный характер таких полок и, как следствие, сложность сбора данных о них. Уже после завершения основного этапа исследования авторы выявили и новые типы локаций: сервисные автоцентры и отели. Напротив, практика размещения полок в парках и скверах оказалась неустойчивой: их количество сократилось с 23 до 10. Предположительно это связано с климатическими факторами, ограничивающими использование уличной инфраструктуры в российских условиях.

Р Реформа обращения с отходами производства и потребления, повышенное внимание федеральных и региональных властей к проблеме переработки ресурсов и минимизации экологического воздействия крупных городов способствовали тому, что ключевым участником и инициатором сбора отслуживших свое батареек, энергосберегающих лампочек и даже электроники становятся именно органы

власти (выявлено 67 пунктов сбора и контейнеров). Впрочем, бизнес предпринимает схожие инициативы, но часто в формате акций (получена информация о 45 мероприятиях) и ящиков для сбора отходов (67 объектов в супермаркетах и торговых точках). Низовые инициативы в этом отношении сводятся в основном к акциям в масштабе многоквартирного дома и наряду с другими мероприятиями (32 мероприятия).

Представленные в таблице 4 варианты экспериментальных механик в отношении практик второй группы на уровне анализа городской жизни в целом заставляют задуматься о роли власти и бизнеса в создании инфраструктуры, которая может быть использована гражданами под свои нужды и для реализации низовой инновационной активности, что перекликается с идеями Ричарда Сеннета и Пабло Сендра [Сендра и Сеннет, 2022]. Ключевой вопрос здесь – в гибкости и трансформируемости данных объектов, что необходимо для любых экспериментов и испытаний в городской среде.

Наименование практики экономики дарения / giving economy	Краткая характеристика практики экономики дарения / giving economy	Экспериментальные механики		Вариант используемой / конструируемой городской лаборатории (см. табл. 1)
		Вариант возможного городского эксперимента	Вариант возможного тестирования в условиях города	
J. Соседские центры (комьюнити-центры или их аналоги)	Помещения, выполняющие функцию консолидации местного сообщества и предоставления социально значимых услуг	Разделение пространства центра на традиционную (с игровой зоной, библиотекой, лекционным залом, библиотекой и т.д.) и зону со свободной планировкой с фиксацией востребованности того или иного варианта	Запуск серии тематических вечеров с последующим анализом отзывов и мнений участников в отношении наиболее понравившихся тем	Лаборатории социальных инноваций / <i>Social innovation labs</i>
L. Площадки для барбекю / коптильни	Места для совместного проведения досуга в формате самостоятельного приготовления еды и общения по этому поводу	Запуск командных соревнований на площадках для барбекю с целью проверки гипотезы о геймификации как способе сплочения местного сообщества	Краткосрочное тестирование мебели, оборудования, освещения и других элементов площадок	Лаборатории городского развития / <i>City labs</i>
M. Точки буккроссинга	Размещенные в общественных местах (включая подъезды МКД) книжные полки, на которых размещены книги для обмена и чтения	Вложение внутрь отдельных книг конвертов с заданиями: написать отзыв, нарисовать иллюстрацию, оставить сообщение следующему читателю с последующим анализом популярности точек буккроссинга с такими заданиями	Регулярное изменение условий использования сервиса с выявлением наиболее комфортного для пользователей варианта	Живые лаборатории / <i>Living labs</i>
P. Пункты приема использованных ресурсов: батареек/лампочек/электронники	Специально оборудованные контейнеры в общественных местах для безопасной утилизации указанных бытовых отходов (в отдельных случаях – за вознаграждение, в рамках специальных акций или по программе «трейд-ин»)	Внедрение пилотных автоматизированных систем распознавания выбрасываемого объекта с трансляцией информации о порядке утилизации	Периодическое изменение оформления пунктов приема отходов в части оформления, голосового сопровождения, системы поощрения	Лаборатории социальных инноваций / <i>Social innovation labs</i>

Таблица 4. Группа практик экономики дарения, связанная с развитием социальной инфраструктуры

Источник: составлено авторами.

В. Практики экономики дарения экологической направленности

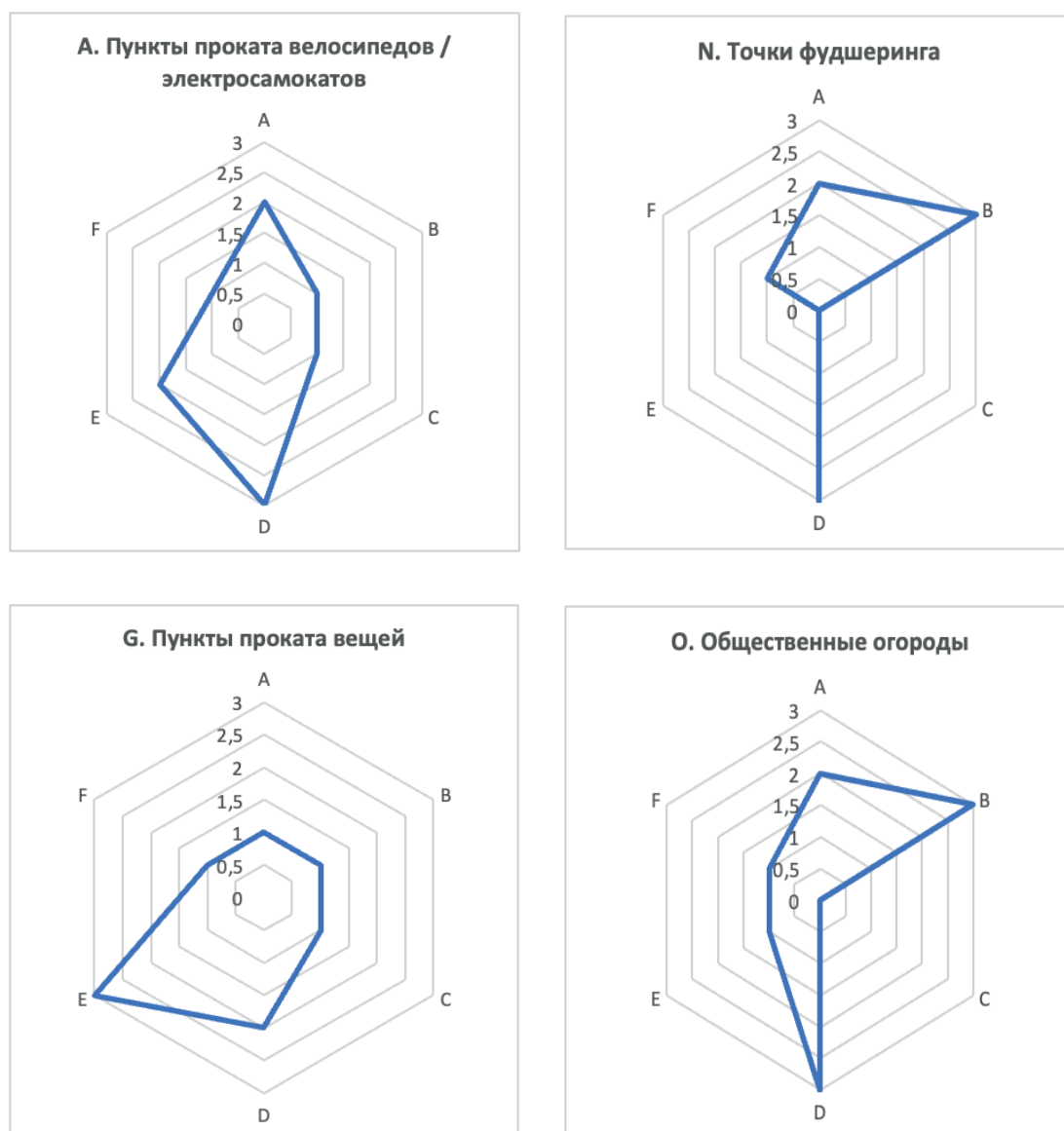
В своем предельном выражении данная группа практик нацелена на повышение устойчивости городских социоприродных систем через снижение экологического воздействия и уменьшения экологического следа. Впрочем, как правило, город ввиду своей компактности и плотности населения уже экологичен по своей сути. Тем не менее на индивидуальном уровне каждому человеку предоставлена возможность выбора в отношении возможного вклада в решение экологических проблем настоящего и будущего, заниматься ли «гринвошингом» или изменить базовые настройки жизни.

А Помимо традиционных сервисов по коммерческому прокату велосипедов

и электросамокатов, обращает на себя внимание часто встречающееся сочетание торговли велосипедами, электросамокатами и аксессуарами к ним с ремонтом и прокатом инвентаря и самих средств индивидуальной мобильности. При всей рыночной ориентации данного вида ресурсной практики заметно и возвратное движение: формирование и поддержание сообществ владельцев и арендаторов велосипедов и электросамокатов, что становится наиболее заметно в моменты регулирующего вмешательства органов власти в эту сферу (особенно в период обсуждения ограничения передвижения электросамокатов в центральных районах города). Помимо этого, в отдельных районах (Приморский, Московский) удалось встретить совмещение пункта велопроката (и даже скейтбордов) с соседскими

Рис. 8. Оценка зрелости практик, связанных с осознанной реализацией принципов устойчивого развития

Источник:

центрами, созданными в пределах жилых комплексов.

Г Как было показано ранее, чисто коммерческий, транзакционный прокат уступает в востребованности сервисам, предлагающим горожанам социальное взаимодействие. Помимо 38 традиционных пунктов проката (одежда, бытовые вещи), мы выявили нестандартные формы. Среди них – прокат театрального реквизита («Театр имперских зрелищ») и сервис «аренды друга». Последний пример показателен: несмотря на то что услуга не связана с вещью, ее принцип (помощь путешественникам в организации досуга) демонстрирует тот же сдвиг от транзакции к получению социального опыта.

Н Значительные объемы пищевых отходов (до 30% купленной еды, из которых 80% пригодны к употреблению) в сочетании со смещением к экономному по-

треблению создают основу для новых социальных моделей. Одной из них является фриганизм – практика поиска и потребления выброшенной еды. Это городской феномен, обусловленный необходимой концентрацией ресурсной базы (контейнерные площадки, подсобные помещения рынков, мусорные баки кафе и ресторанов), которую способна обеспечить плотная жилая застройка.

Привлекая внимание к проблеме излишков, фриганизм стимулировал развитие фудшеринга. Однако из-за правовых барьеров офлайн-формат практически не развит (выявлено 6 точек). В то же время онлайн-фудшеринг (сообщества и приложения, как Doggy bag) развивается гораздо активнее.

О Городское фермерство и огородничество становится мировым трендом, постепенно интегрируясь в бизнес-ини-

Рис. 9. Мероприятие в «Саду сорняков» в 2021 г. (фото из группы «ВКонтакте» инициативной группы «Общественный сад»: <https://vk.com/commongardening>)
Источник:

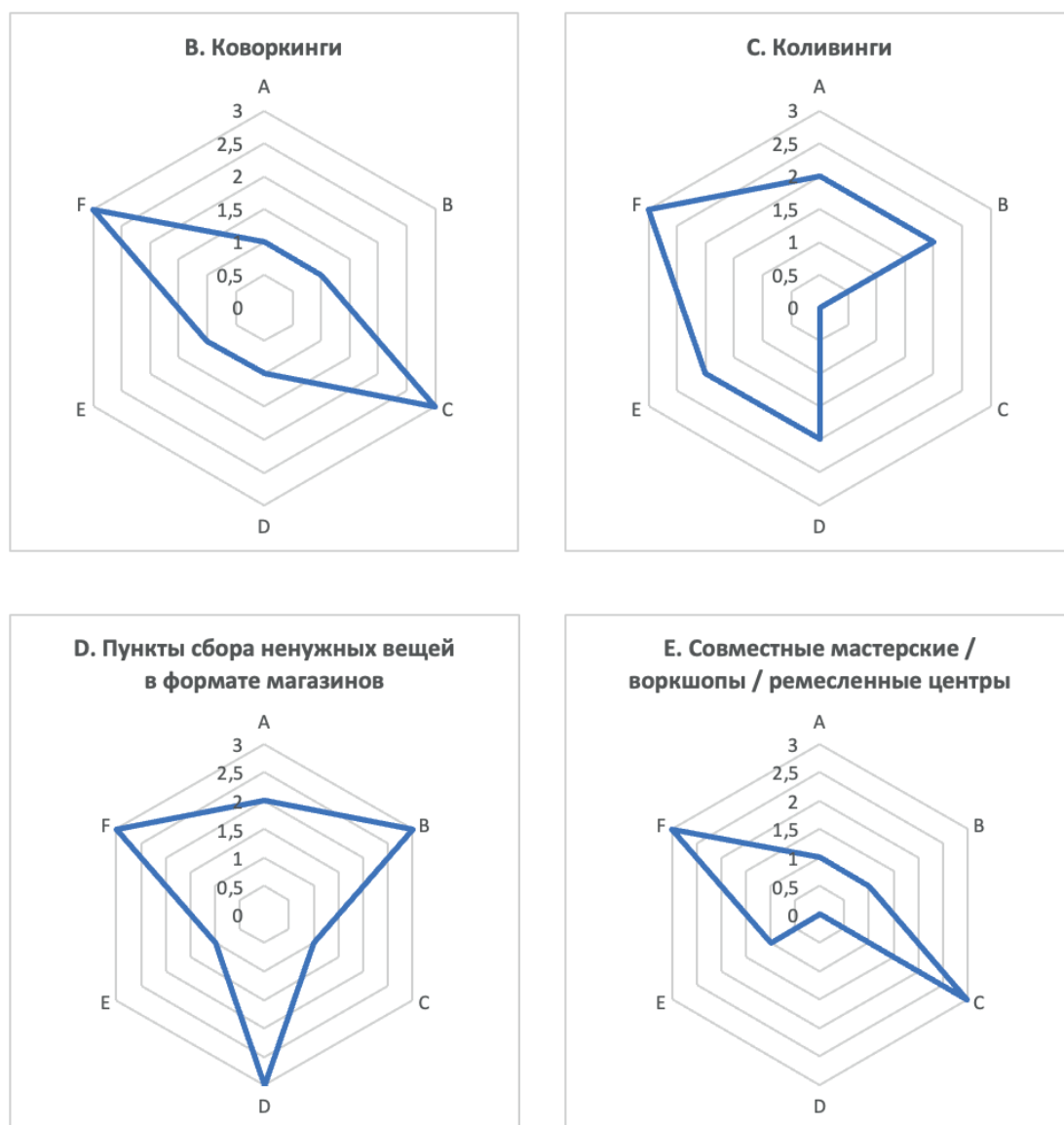

Наименование практики экономики дарения / giving economy	Краткая характеристика практики экономики дарения / giving economy	Экспериментальные механики		Вариант используемой / конструируемой городской лаборатории (см. табл. 1)
		Вариант возможного городского эксперимента	Вариант возможного тестирования в условиях города	
А. Пункты проката велосипедов/электросамокатов	Объекты, предоставляющие возможность использования на коммерческой основе средств индивидуальной мобильности	Запрет на передвижение / ограничение скорости электросамокатов в центральных районах Санкт-Петербурга	Тестирование оплаты аренды средств индивидуальной мобильности по СМС в условиях ограничения интернета	Управленческие лаборатории / Gov labs
Б. Пункты проката вещей	Организации, ориентированные на временную коммерческую передачу ресурсов, необходимости в постоянном владении которыми нет	Реализация экспериментов, связанных с прокатом необычных вещей в игровой форме для повышения популярности идеи краткосрочной аренды вещей	Постепенное расширение ассортимента пунктов проката на основе обратной связи и запросов пользователей, внедрение «случайных» вещей и оценка спроса на них	Лаборатория изменений / Change labs
Н. Точки фудшеринга	Места для обмена ненужной едой по предварительной договоренности или через заведения общественного питания посредством специальных приложений	Размещение на полках магазинов информационных материалов о том, как правильно читать информацию на упаковках продуктов, с последующим анализом потребительского поведения	Проверка наиболее действенных призывов к осознанному потреблению продуктов питания	Лаборатории социальных инноваций / Social innovation labs
О. Общественные огороды	Объекты, предоставляющие возможность заниматься городским фермерством или в целом низкотехнологичным досугом на коммерческой или некоммерческой основе	Внедрение на общественных огородах в жилых комплексах поста координаторов грядок и фотоотчеты на доске объявлений, что позволит проверить гипотезу необходимости минимального уровня низового контроля для успеха подобных проектов	Регулярная проверка наиболее популярных и неприхотливых в уходе растений с учетом места размещения и социального состава пользователей	Лаборатории социальных инноваций / Social innovation labs

Таблица 5. Группа практик экономики дарения, связанная с осознанной реализацией принципов устойчивого развития

Источник: составлено авторами.

Рис. 10. Оценка зрелости практик, связанных с высоким уровнем реализации принципов ЭСП / sharing economy
Источник:

циативы и городскую политику. Тем не менее в настоящий момент преобладают проекты с коммерческой составляющей: исследование выявило 37 организаций, предоставляющих платные услуги (например, аренду грядок). Власть, в свою очередь, инициирует общественные огороды (12 объектов) преимущественно в рамках комплексного благоустройства общественных пространств, рассматривая их как дополнительный вид активности. Низовые инициативы (17 случаев, включая «Сад сорняков» в Петроградском районе, уничтоженный по жалобе, рис. 9) часто не попадают в фокус исследований из-за своей неприметности. Чаще всего это палисадник в спальном районе, иногда со стихийными элементами благоустройства (например, лебеди из покрышек), за которым ухаживают пожилые жительницы. Одновременно они обеспечивают неформаль-

ный социальный контроль (так называемый *neighborhood watch*).

Механики для третьей группы практик (табл. 5) позволяют осмыслить экспериментальный характер самого города в его взаимодействии с природой. Горожане здесь выступают посредниками между этими двумя системами. По сути, их практики – это тестирование сценариев выживания и обеспечение устойчивости на случай экстремальных или кризисных событий.

Г. Практики экономики дарения с потенциалом отраслей ЭСП / sharing economy

Практики на стыке ЭСП и экономики дарения могут как монетизироваться, так и институционализироваться в некоммерческом формате, создавая новые виды деятельности. Часто это лишь новые на-

Рис. 11. Экспозиция вещей, выставленных на продажу в благотворительном магазине «Спасибо» в Петроградском районе
 Источник: фотография авторов.

Наименование практики экономики дарения / giving economy	Краткая характеристика практики экономики дарения / giving economy	Экспериментальные механики		Вариант используемой / конструируемой городской лаборатории (см. табл. 1)
		Вариант возможного городского эксперимента	Вариант возможного тестирования в условиях города	
В. Коворкинги	Организации, предоставляющие пространство для индивидуальной и коллективной работы, в том числе некоммерческим организациям и проектам	Разделение коворкинга на несколько функциональных зон, ориентированных на решение специфических задач (творческих, требующих концентрации, основанных на общении и обмене идеями) с последующим анализом востребованности среди пользователей	Проверка степени влияния на работоспособность различных элементов обстановки и сервисного сопровождения (музыка, зона кофе-брейка, зона переговоров) в течение нескольких дней для последующей оптимизации	Лаборатория изменений / Change labs
С. Колинги	Жилые помещения, обеспечивающие комфортное совместное проживание незнакомых людей на основе пожеланий и параметров взаимного подбора	Ротация в течение полугода резидентами колинга жилых помещений, выявление уровня удовлетворенности по сравнению с более стабильной системой размещения	Временное преобразование жилых помещений резидентов под общие пространства (гостиные, кафе, светские салоны) для выявления актуальных потребностей пользователей	Лаборатория изменений / Change labs
Д. Пункты сбора ненужных вещей в формате магазинов	Организации, принимающие ненужную одежду, которая после обработки и сортировки частично идет в продажу, частично передается благотворительным организациям	Размещение ящиков для сбора вещей в пунктах выдачи маркетплейсов – на случай, если покупатель захочет уйти домой в новой одежде и готов расстаться со старой	Использование в пробном режиме зеркал дополненной реальности с программированием гардероба и рассказом об истории выбранной вещи	Лаборатория изменений / Change labs
Е. Совместные мастерские / воркшопы / ремесленные центры	Пространства для обучения, совместного ручного труда и работы над собственными проектами ремесленной направленности	Проведение в пилотном режиме ярмарки предметов, созданных в мастерских или на мастер-классах	Проверка эффективности обучающих программ через периодическую смену ролей обучающихся и обучаемых	Производственные лаборатории / Makerspaces или FabLabs

Таблица 6. Группа практик экономики дарения, связанная с высоким уровнем реализации принципов ЭСП / sharing economy

Источник: составлено авторами.

именования для форматов, известных в прошлом (по сути, коммун), таких как совместная работа или проживание. Ключевое отличие состоит в том, что утраченные неформальные и бесплатные практики возвращаются уже в виде формализованного платного сервиса.

В Коворкинги представляют собой удобное и оборудованное всем необходимым пространство для индивидуальной или совместной работы, подходящее как для предпринимателей, так и для реализации некоммерческих инициатив. Это, по сути, один из первых удачных российских примеров элемента ЭСП [Конецка-Шидловская и Чупич, 2022].

По итогам анализа данного вида совместной активности удалось обнаружить 78 коворкингов, из которых лишь 13 имеют аффилиацию с бюджетными учреждениями (в основном из сферы молодежной политики). При этом для некоммерческих организаций в большинстве коворкингов, взимающих плату, существуют льготы и скидки на аренду помещений, что также вписывается в логику формирования и поддержания сообществ на уровне района.

С Коливинги – уютные пространства с модулируемой атмосферой на основе психологической совместимости и готовности к совместному проживанию. Было выявлено 90 объектов подобного типа – сетевых (например, *Early Birds*) и отдельных проектов, ориентированных в основном на молодых людей до 30 лет, но допускающих и расширение возрастных границ.

Первичное погружение в тему позволило снять ценностный посыл даже на уровне названий («Бунтари», «Квартиры Друзей», *Community Heroes*) и в целом позитивных отзывов. Последние свидетельствуют о том, что совместное проживание – лишь начало удивительного приключения, предполагающего покупку еды вскладчину, веселые вечеринки за настольными играми и охоту за ненужными вещами в шеринг-чатах в «Телеграме».

Д Самое известное место для того, чтобы отнести туда ненужные вещи, – сеть магазинов «Спасибо», сотрудничающая с рядом благотворительных организаций (например, «Ночлежкой»). Если вещь в надлежащем состоянии и способна представлять ценность для потенциального потребителя – она выставляется на продажу, часть выручки от которой идет также на благотворительные цели. Пример оформления пространства магазина представлен на рис. 11.

Помимо этого, есть и пункты приема одежды в любом состоянии («Перемолка»), а также ящики для сбора вещей в отдельных пунктах выдачи заказов, что потенциально вписывается в логику, рассматриваемую в конце предыдущего раздела применительно к книгам. Судя по анализу сообщений в группах, посвященных передаче ненужных вещей, в последнее время безличная, без конкретного адресата передача вещей перестает устраивать тех, кто стремится передать (да, «в хорошие руки») вместе с вещью и тепло эмоций, с ней связанных. Особенно это актуально для детских вещей.

Е Популярность городских мастерских стремительно растет. Если в 2022 году было выявлено 16 мономастерских, то к 2024 году их число выросло до 89 объектов комплексного типа, часто объединяющих гончарные, швейные, столярные и кулинарные студии. Этот рост можно рассматривать в контексте исчезновения формального трудового воспитания в школах. В отличие от прежних, строго регламентированных школьных уроков, современные проекты («Открытые мастерские» и т.п.) предлагают добровольный формат досуга и самореализации для молодежи. Они способствуют повышению ценности ручного труда (через немедленный, осязаемый результат) и, что не менее важно, прямого социального взаимодействия. Второй четко зафиксированной тенденцией является постепенное вовлечение в эти практики горожан среднего и старшего возраста.

Представленные в таблице 5 экспериментальные механики (для практик четвертой группы) имеют прямые аналоги в социальных практиках прошлого. Это побуждает к проведению параллелей между схожими явлениями прошлого и настоящего и, в свою очередь, открывает возможность для проведения контрфактуальных экспериментов.

Заключение: встречные низовые эксперименты и трансформация городской жизни

Подводя итог рассмотрению ключевых направлений экономики дарения / *giving economy*, отметим преобладающий экспериментальный характер описанных ресурсных практик. Это предполагает как способность к дальнейшей институционализации в случае позитивного подкрепления и воздействия на ключе-

Сценарий

Элементы giving economy

	A	B	C	D	E	F	G	H	I	J	K	L	M	N	O	P
Цифровой детокс: стремление к снижению зависимости от электронных гаджетов или уровня проникновения цифровых технологий в повседневную жизнь	■				■				■	■	■		■	■	■	■
Ресурсная оптимизация: ограничение потребления и денежных трат на необходимые вещи		■	■	■			■	■			■		■	■	■	
Лайфхакинг/биохакинг: повышение уровня жизни через трансформацию тела, сознания или потребительского поведения				■			■	■			■	■	■			
Zero waste: образ жизни, основанный на минимизации отходов в быту			■		■		■	■			■		■	■		■
Сити-фермерство: развитие навыков в сфере сельского хозяйства и их применение в условиях города		■						■	■	■	■		■	■	■	
Альтернативный досуг: стремление к уникальному опыту в рамках досуга за счет игнорирования рыночной конъюнктуры в этой сфере			■		■	■		■	■			■	■		■	
Surviving: тестирование персональной автономии и высокого уровня готовности к экстремальным (но маловероятным) сценариям				■	■						■	■		■	■	
Альтернативная мобильность: снижение нагрузки на природную среду за счет использования экологически чистых способов перемещения (в том числе пешком)	■					■										
Мейкерство & ремесленничество: производство малосерийной продукции на принципах крафтовой экономики		■			■				■	■	■					
City discovering: переоткрытие города через изучение его скрытых возможностей и невидимых деталей прошлого и настоящего						■							■			■
Re-use: использование бывших в употреблении вещей и избавление от собственных ненужных вещей				■			■	■			■		■	■		
Life control: ограничение фрустрирующих и вызывающих тревогу факторов, связанных с неясным целеполаганием власти и бизнеса					■	■			■	■			■		■	

Таблица 7. Сценарии самореализации городских жителей через сочетание элементов giving economy
 Источник: разработано авторами.

вые стороны жизни города с точки зрения власти и бизнеса, так и гибкость и трансформируемость в случае неудачного развития событий, что означат всего лишь невостребованность и неспособность решить проблему конкретного человека.

В 2023 году авторы концептуализировали явление «реверсивной цифровизации». Этот термин описывает тренд перехода части городских жителей

к *low-tech* – практикам. Суть явления – в постепенном преодолении «сциентизации повседневности» в пользу понятных и доступных цифровых решений, основанных на принципах ответственности и устойчивости. Эмпирической базой послужили так называемые низкотехнологичные практики жителей Санкт-Петербурга. Они не следуют доминирующей логике цифровизации, а адаптируют цифровые инструменты для решения повсе-

дневных городских проблем, зачастую в коллективном формате.¹

Данный подход сместил фокус исследования на повседневные городские практики, ранее невидимые для власти и бизнеса. Синтез концепций экономики совместного потребления, низкотехнологичных практик и экономики дарения позволил выявить 12 сценариев поведения в городской среде, мотивированных стремлением к повышению качества жизни. Сценарии (табл. 7) формируются за счет различных комбинаций рассмотренных выше практик. Их дальнейший анализ открывает новые перспективы для изучения механизмов неформальной самоорганизации и адаптации горожан.

Пояснение к таблице: А. Пункты проката велосипедов/электросамокатов; В. Коворкинги; С. Колинги; D. Пункты сбора ненужных вещей в формате магазинов; Е. Совместные мастерские / воркшопы / ремесленные центры (в виде исключения – эстакады и гаражи для ремонта автомобилей рядом с домом); F. Краудфандинговые инициативы, реализованные на территории района в указанный период (ремонт парадных, восстановление памятников, решение актуальных проблем и т.д.); G. Пункты проката вещей; H. Вещевые и книжные свопы (в формате событий); I. Соседские праздники/чаепития/субботники; J. Соседские центры (комьюнити-центры или их аналоги); K. Точки сбора еды/одежды для нуждающихся в формате благотворительных инициатив; L. Площадки для барбекю/копильни; M. Точки буккроссинга; N. Точки фудшеринга; O. Общественные огороды; P. Пункты приема использованных ресурсов: батареек/лампочек/электроники.

Мы предлагаем рассматривать эти сценарии как «встречные эксперименты». Они являются ответом горожан на саму городскую среду, которая, будучи «пронизана» экспериментами и тестами, по сути, представляет собой набор аффордансов [Ритвельд и Киверстейн, 2024]. Городской житель (индивидуально или в рамках сообществ) использует ситуации, где он сам подвергается социальному воздействию как материал для «сборки» собственных уникальных сценариев. В этой «сборке» элементы экономики дарения выступают в качестве «деталей конструктора» для формирования новой городской жизни.

Результаты проведенных экспериментов демонстрируют постепенную трансформацию ценностных ориентаций горожан. Растет их готовность и способность использовать совместную ответственность, обмениваться или отдавать вещи, а также интегрировать свопы и фримаркеты в общедомовые мероприятия. Развитие этих совместных ресурсных практик получило мощную поддержку со стороны цифровых инструментов, которые упрощают информирование и согласование трансакций. Это, в свою очередь, повышает устойчивость результатов подобного социального экспериментирования. В конечном счете исследуемые явления полностью соответствуют концепциям сотворчества (*co-creation*) и сопроизводства (*co-production*). Эти концепции описывают процесс, в котором государственные и частные акторы совместно решают проблемы, конструктивно обмениваясь ресурсами и идеями. Такой обмен приводит к созданию новой общественной ценности – будь то в виде новых стратегий, услуг или инновационного понимания самой проблемы [Torfing, Sørensen & Røiseland, 2019].

Таким образом, город, выступая одновременно лабораторией и полем исследования, приобретает черты «конструктора» (как набора ролей, практик и сценариев) и «теплицы». В этой «теплице» возвращаются специфические социальные феномены, которые и позиционируют Санкт-Петербург как уникальную площадку для городских исследований.

Благодарность

Авторы выражают благодарность студентам бакалавриата и магистратуры Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина и НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге за помощь в подготовке и проведении исследования в рамках индивидуальных и коллективных проектов.

Источники

- Амин, Э., и Трифт, Н. (2017). *Города: переосмысляя городское*. Москва: Красная ласточка.
- Афанасьев, К. С., & Степанова, Е. С. (2022). Инициативное благоустройство в Санкт-Петербурге: от ЖКХ-арта к тактическому урбаниз-

1. Доклад на тему «Low-tech-практики горожан в условиях цифровой экономики» был сделан на II конференции «Цифровизация общества: трансформация повседневных практик и исследовательских перспектив» в декабре 2023 г. в НИУ ВШЭ в Москве.

- му. *Интеракция. Интервью. Интер-претация*, 14(3), 124–153.
- Картавцев, В.В. (2021). Быстрая этнография (REAPFQI+): к прагматике полевых обследований. *Социология власти*, 33(3), 52–77.
- Кип, М., Бьенек, М., Делено, М., Миллер, А.К., и Швегман, М. (2020). Ухватить повседневность: знакомство с городской совместностью. В М. Делленбо (Ред.), *Urban commons. Городские сообщества за пределами государства и рынка* (С. 10–33). М.: Новое литературное обозрение.
- Конецка-Шидловска, Б., & Чупич, М. (2022). Коворкинг как новая модель предпринимательства в экономике совместного потребления. *Экономика региона*, 18(1), 280–295.
- Куренной, В.А. (2021). Лабораторная и полевая наука: онтология и эпистемология. *Социология власти*, 33(3), 8–51.
- Мангер, М. (2021). *Завтра 3.0. Трансакционные издержки и экономика совместного использования*. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Остром, Э. (2025). *Управляя общим. Эволюция институтов коллективной деятельности*. Москва: ИРИСЭН.
- Парк, Р.Э. (2002). Город как социальная лаборатория. *Социологическое обозрение*, 2(3), 3–12.
- Ритвельд, Э., и Киверстейн, Ю. (2024). Богатый ландшафт аффордансов. *Социология власти*, 36(2), 170–206.
- Сендра, П., и Сеннет, Р. (2022). *Проектировать беспорядок: Эксперименты и трансгрессии в городе*. Москва: Издательство Института Гайдара.
- Серебренников, Д.Е., и Кузьмина, Ю.В. (2021). Полевые эксперименты и модель причинно-следственного вывода Дональда Рубина: обзор актуальных исследований. *Экономическая социология*, 22(4), 117–139.
- Appadurai, A. (Ed.). (1986). *The social life of things: Commodities in cultural perspective*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Belk, R. (2010). Sharing. *Journal of Consumer Research*, 36(5), 715–734.
- Botsman, R., & Rogers, R. (2010). *What's mine is yours: The rise of collaborative consumption*. New York: Harper Business.
- Ertz, M., Huang, R., Jo, M.-S., Karakas, F., & Sarigollu, E. (2017). From single-use to multi-use: Study of consumers' behavior toward consumption of reusable containers. *Journal of Environmental Management*, 193, 334–344.
- Etzioni, A. (1996). The responsive community: A communitarian perspective. *American Sociological Review*, 61(1), 1–11.
- Frey, B. (1997). *Not just for the money: An economic theory of personal motivation*. Cheltenham: Elgar.
- Scholl, C., Agger Eriksen, M., Baerten, N., Clark, E., Drage, T., Essebo, M., Hoeffleher, T., de Kraker, J., Rijkens-Klomp, N., Seravalli, A., Wachtmeister, A., & Wlasak, P. (2017). *Guidelines for urban labs*. https://adk.elsevierpure.com/ws/portalfiles/portal/61301561/Scholl_et_al_2017_GUIDELINESforURBAN_LABS_URBExp_FINAL.pdf.
- Stahel, W. (2010). *The performance economy* (2nd ed.). London: Palgrave Macmillan.
- Torring, J., Sørensen, E., & Røiseland, A. (2019). Transforming the public sector into an arena for co-creation: Barriers, drivers, benefits, and ways forward. *Administration & Society*, 51(5), 795–825.

THE GIVING ECONOMY AS A SPACE FOR SOCIAL EXPERIMENTATION IN A CONTEMPORARY CITY

Kirill S. Afanasiev, PhD in Philosophy, Acting Head of the Research and Educational Center “Competence Center for State and Municipal Employees of Leningrad Oblast ‘Omega’”; Associate Professor at the Department of State and Municipal Administration, Pushkin Leningrad State University (PLSU); Saint Petersburg, Russian Federation.
E-mail: k.afanasiev@lengu.ru

Ekaterina S. Stepanova, Junior Research Fellow, Laboratory for Urban Studies; Senior Lecturer, School of Public Administration, HSE University in Saint Petersburg; Saint Petersburg, Russian Federation.
E-mail: esstepanova@hse.ru

This article examines the city as a dichotomy of the “city-laboratory” and the “city as a field research site.” The unification of residents to solve shared problems forms a special mode of activity—the commons. While the theoretical framework of “the sharing economy” presupposes a balance of interests among government, business, and the populace, many grassroots practices do not fit this logic. They lack a business component and are realized in an experimental mode. To describe them, the article uses the term “the giving economy”: the free exchange of resources among citizens without significant participation from government or business. The study aims to assess the spontaneity and sustainability (via institutionalization) of these practices, and to identify behavioral scenarios with transformational potential. Based on data from 18 districts of St. Petersburg (2022–2024), the study analyzes 16 types of grassroots initiatives about shared use, resource management, and ecology. The results demonstrate a gradual transformation in people’s value orientations towards a willingness to use common property, exchange goods, and integrate swapping events into collective activities. The study found that the development of these practices is supported by digital information tools, which enhances the sustainability of the outcomes. Ultimately, these phenomena align with the concepts of co-creation and co-production, thereby generating new public value.

Keywords: urban commons; sharing economy; giving economy; resource practices; urban laboratory; experiment

Citation: Afanasiev, K., & Stepanova, E. (2025). The Giving Economy as a Space for Social Experimentation in a Contemporary City. *Urban Studies and Practices*, 10(4), 92-112. <https://doi.org/10.17323/usp104202592-112>

References

Afanasyev, K.S., & Stepanova, E.S. (2022). Initsiativnoe blagoustroistvo v Sankt-Peterburge: ot ZhKKh-arta k takticheskomu urbanizmu [Initiative-based public improvement in St. Petersburg: From utility-art to tactical urbanism]. *Interaktsiya. Interv'yu. Interpretatsiya [Interaction. Interview. Interpretation]*, 14(3), 124-153.

Amin, A., & Thrift, N. (2017). *Goroda: pereosmyslyaya gorodskoe* [Cities: Reimagining the urban]. Moskva: Krasnaya lastochka.

Appadurai, A. (Ed.). (1986). *The social life of things: Commodities in cultural perspective*. Cambridge: Cambridge University Press.

Belk, R. (2010). Sharing. *Journal of Consumer Research*, 36(5), 715-734.

Botsman, R., & Rogers, R. (2010). *What's mine is yours: The rise of collaborative consumption*. New York: Harper Business.

Ertz, M., Huang, R., Jo, M.-S., Karakas, F., & Sarigollu, E. (2017). From single-use to multi-use: Study of consumers' behavior toward consumption of reusable containers. *Journal of Environmental Management*, 193, 334-344.

Etzioni, A. (1996). The responsive community: A communitarian perspective. *American Sociological Review*, 61(1), 1-11.

Frey, B. (1997). *Not just for the money: An economic theory of personal motivation*. Cheltenham: Elgar.

Kartavtsev, V.V. (2021). Bystraya etnografiya (REAPFQI+): k pragmatike polevykh obsledovaniy [Rapid ethnography (REAPFQI+): Towards the pragmatics of field surveys]. *Sotsiologiya vlasti [Sociology of Power]*, 33(3), 52-77.

Kip, M., Bieniok, M., Dellenbaugh, M., Müller, A., & Schwegmann, M. (2020). Ukhvatit' povsednevnost': znakomstvo s gorodskoi sovme-stnost'yu [Seizing the (every)day:

Wellcome to the urban commons!]. In M. Dellenbo (Ed.), *Urban commons. Gorodskie soobshchestva za predelami gosudarstva i rynka* [Urban Commons: Moving Beyond State and Market] (pp. 10-33). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Konetska-Shidlovska, B., & Chupich, M. (2022). Kovorking kak novaya model' predprinimatel'stva v ekonomike sovme-stnogo potrebleniya [Coworking as a new model of entrepreneurship in the sharing economy]. *Ekonomika regiona [Economy of Region]*, 18(1), 280-295.

Kurennoi, V.A. (2021). Laboratornaya i polevaya nauka: ontologiya i epistemologiya [Laboratory and field science: Ontology and epistemology]. *Sotsiologiya vlasti [Sociology of Power]*, 33(3), 8-51.

Manger, M. (2021). *Zavtra 3.0. Transaktsionnye izderzhki i ekonomika sovme-stnogo ispol'zovaniya* [Tomorrow 3.0. Transaction costs and the sharing economy]. Moskva: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki.

Ostrom, E. (2025). *Upravlyaya obshchim. Evolyutsiya institutov kollektivnoi deyatelnosti* [Governing the commons. The evolution of institutions for collective action]. Moskva: IRISEN.

Park, R.E. (2002). Gorod kak sotsial'naya laboratoriya [The city as a social laboratory]. *Sotsiologicheskoe obozrenie [Sociological Review]*, 2(3), 3-12.

Ritveld, E., & Kiverstein, Yu. (2024). Bogatyi landshaft affordansov [A rich landscape of affordances]. *Sotsiologiya vlasti [Sociology of Power]*, 36(2), 170-206.

Scholl, C., Agger Eriksen, M., Baerten, N., Clark, E., Drage, T., Essebo, M., Hoeffehner, T., de Kraker, J., Rijkens-Klomp, N., Seravalli, A., Wachtmeister, A., & Wlasak, P. (2017). *Guidelines for urban labs*. https://adk.elsevier-pure.com/ws/portalfiles/portal/61301561/Scholl_et_al_2017_GUIDELINESforURBAN_LABS_URBExp_FINAL.pdf.

Sendra, P., & Sennett, R. (2022). *Proektirovat' besporjadok: Eksperimenty i transgressii v gorode* [Designing disorder: Experiments and transgressions in the city]. Moskva: Izdatel'stvo Instituta Gaidara.

Serebrennikov, D.E., & Kuz'mina, Yu. V. (2021). Polevye eksperimenty i model' prichinno-sledstvennogo

vyvoda Donal'da Rubina: obzor aktual'nykh issledovaniy [Field experiments and Donald Rubin's causal inference model: A review of current research]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya [Economic Sociology]*, 22(4), 117-139.

Stahel, W. (2010). *The performance economy* (2nd ed.). London: Palgrave Macmillan.

Torring, J., Sørensen, E., & Røiseland, A. (2019). Transforming the public sector into an arena for co-creation: Barriers, drivers, benefits, and ways forward. *Administration & Society*, 51(5), 795-825.

Преступность белых воротничков

Эдвин Сатерленд

В этом докладе² преступность рассматривается в связи с бизнесом. Экономисты хорошо знакомы с методами бизнеса, но не привыкли рассматривать их с точки зрения преступности; многие социологи хорошо знакомы с преступностью, но не привыкли рассматривать ее в контексте бизнеса. Настоящий доклад представляет собой попытку объединить два этих корпуса знаний. Говоря точнее, в нем проводится сравнение преступности в высшем классе или классе белых воротничков, состоящем из уважаемых или по крайней мере уважаемых бизнесменов и специалистов, и преступности в низшем классе, состоящем из лиц низкого социально-экономического статуса. Это сравнение проведено с целью разработки теорий преступного поведения, а не для обличения или реформирования чего бы то ни было, помимо самой криминологии.

Статистика преступности недвусмысленно показывает, что преступность, как она понимается в народе и оценивается официально, гораздо чаще встречается в низшем классе, чем в высшем; менее 2% лиц, осужденных за год на тюремное заключение, принадлежат высшему классу. Эта статистика включает преступников, проходящих через руки полиции, уголовного суда и суда по делам несовершеннолетних и попадающих в тюрьмы, и, соответственно, такие преступления, как убийство, нападение, кража со взломом или без, грабеж, половые преступления, пьянство, но при этом исключает нарушения дорожного движения.

Криминологи использовали судебные материалы и криминальную статистику, полученную от этих органов уголовного правосудия, в качестве своих основных данных. Из них они вывели свои общие теории преступного поведения. Эти теории состоят в том, что, поскольку преступность сосредоточена в низшем классе, она вызывается бедностью либо личными и социальными характеристиками, которые считаются статистически связанными с бедностью, такими как умственная отсталость, психопатические отклонения, проживание в трущобах или не-

Эдвин Сатерленд, американский социолог (1883–1950).

Доклад Эдвина Сатерленда «Преступность белых воротничков» (1940) опровергает традиционный тезис о сосредоточенности преступности в низших классах и ее обусловленности бедностью или психопатологией. Опираясь на материалы расследований и показательные случаи, а не только на судебную статистику, Сатерленд утверждает, что уважаемые бизнесмены и профессионалы систематически нарушают закон, но это скрывается нерепрезентативностью данных и административным отграничением от обычной уголовной юстиции. Автор перечисляет типовые схемы: искажение корпоративной отчетности и рекламы, манипулирование ценными бумагами, коммерческое и политическое взяточничество, присвоение и растрата, а также врачебные практики вроде «дележа гонорара». В основе этих деяний – нарушение вверенного или подразумеваемого доверия; многие из них сводятся к двум группам: искажению оценки активов и двойственности в исполнении полномочий. Помимо крупных финансовых потерь, беловоротничковая преступность подрывает доверие, снижает социальную сплоченность и порождает масштабную дезорганизацию. Сатерленд полагает, что дифференциальные ассоциации – обучение криминальному поведению в профессиональных сетях – объясняют преступность как верхних, так и нижних классов; различается не причинность, а имплементация и правоприменение. Высоко-статусные нарушители способны влиять на нормотворчество, административные процедуры и сталкиваются со сравнительно мягкими санкциями, что создает относительную безнаказанность и иллюзию «нереальности» этих преступлений. Работа призывает расширить критерии и массивы данных, чтобы устранить теоретическую предвзятость и более полно описать распространенность, механизмы и социальный вред беловоротничковой преступности.

Ключевые слова: преступность белых воротничков; криминология; дифференциальные ассоциации; корпоративное мошенничество; социальная дезорганизация; нарушение доверия; экономическая преступность

Цитирование: Сатерленд, Э. (2025). Преступность белых воротничков. *Городские исследования и практики*, 10(4), 113–120. <https://doi.org/10.17323/usp1042025113-120>

1. Sutherland, E. H. (1940). White-collar criminality. *American sociological review*, 5(1), 1–12. <https://doi.org/10.2307/2083937>.

2. Тридцать четвертое ежегодное председательское выступление, прочитанное в Филадельфии (Пенсильвания) 27 декабря 1939 г. на совместном собрании с Американским экономическим обществом (это было его пятьдесят второе собрание), на котором председатель последнего Джейкоб Вайнер рассуждал об отношении экономической теории к выработке государственной политики.

полные семьи. Это утверждение, конечно, не учитывает отдельные особенности и вариации в общепринятых теориях преступного поведения, однако оно верно представляет их основную тенденцию.

Тезис данной статьи заключается в том, что только что представленные концепция и объяснения преступности неверны и могут ввести в заблуждение, что преступность на самом деле не является тесно связанной ни с бедностью, ни с психопатическими и социопатическими расстройствами, которые часто связывают с бедностью, тогда как адекватное объяснение преступного поведения должно быть дано в совершенно другой логике. Общепринятые объяснения не работают в основном потому, что они выводятся из нерепрезентативных выборок. Выборки же нерепрезентативны потому именно, что они не включают обширные области преступного поведения людей, не относящихся к низшему классу. Одна из этих областей, которым не уделяется должного внимания, — это преступное поведение бизнесменов и представителей свободных профессий, которое будет проанализировано в этой статье.

«Бароны-разбойники» второй половины XIX века были преступниками из числа белых воротничков, с чем сегодня согласен практически каждый. Их установки можно проиллюстрировать следующими суждениями. Полковник Вандербилт спросил: «Вы же не думаете, что можно управлять железной дорогой в строгом соответствии с законом?» А. Б. Стикни, президент железнодорожной компании, в 1890 году, находясь в доме Дж. П. Моргана, заявил шестнадцати другим президентам железнодорожных компаний: «Я вас, джентльмены, очень уважаю, но, поскольку вы все президенты железнодорожных компаний, я бы не доверил вам даже свои ручные часы». Чарльз Фрэнсис Адамс сказал: «Сложность в управлении железными дорогами... состоит в алчности, нехватке доверия, слабой морали железнодорожных управляющих, в полном отсутствии любого высокого стандарта коммерческой честности».

Сегодня преступников из числа белых воротничков, которые не так грубы и прямолинейны, как «бароны-разбойники», представляет Крюгер, Ставински, Уитни, Митчелл, Фошей, Инсалл, Ван Сверингенсы, Музиса-Костер, Фолл, Синклер и многие другие крупные коммерсанты, капитаны финансов и промышленности, а также куча их более мелких последователей. Их преступность снова и снова доказывалась в расследованиях деятельности земельных комитетов, железных дорог, оборонной промышленности, банковской сферы, жилищно-коммунального хозяйства, биржевых сделок, нефтяной промышленности, строительной отрасли, комиссий по реорганизации, внешнего управления, банкротств и политики. Отдельные истории о подобной преступности сообщаются достаточно часто, и чаще более важные новости о преступлениях можно найти на финансовых страницах газет,

а не на первых. Преступность белых воротничков встречается в любой профессии, что можно легко выяснить в обыденных разговорах с представителем той или иной профессии, если спросить его: «Какие мошеннические практики встречаются в вашем деле?»

В бизнесе преступность белых воротничков чаще всего выражается в форме ложной финансовой отчетности корпораций и манипуляций на биржах, в коммерческом подкупе, прямом или косвенном подкупе государственных чиновников с целью заполучить выгодные контракты или добиться принятия выгодных законопроектов, а также в форме распространения ложной информации в рекламе и продаже товаров, хищений и нецелевого использования средств, обвешивания и пересортицы товаров, налогового мошенничества, растраты при конкурсном управлении и банкротстве. Все это то, что Аль Капоне называл «законным рэкетом». Эти и многие другие нарушения встречаются в мире бизнеса повсеместно.

В медицине, которая используется здесь в качестве примера потому, что она, вероятно, менее криминальна, чем некоторые другие профессии, встречаются нелегальная продажа алкоголя и наркотиков, нелегальные аборт и услуги преступникам, скрывающимся от правосудия, сфальсифицированные отчеты и свидетельства в случае аварий, вопиющие примеры ненужного лечения, шарлатанство, ограничение конкуренции и дележ гонорара. Дележ гонорара во многих штатах представляет собой нарушение конкретного закона, а также нарушение условий допуска к предоставлению медицинских услуг в целом. Врач, участвующий в дележе гонорара, обычно отправляет своих пациентов к хирургу, который предложит ему самое большое вознаграждение, а не к тому, кто лучше всего сделает свою работу. Сообщалось, что две трети хирургов в Нью-Йорке участвуют в дележе гонораров и что более половины врачей в одном из городов на Среднем Западе, ответивших на соответствующий вопрос анкеты, высказались в поддержку этой практики.

Эти разные типы преступлений белых воротничков и преступлений в сфере свободных профессий состоят в основном из злоупотреблений оказанным или подразумеваемым доверием, и многие из них можно свести к двум категориям — искажению оценки активов и двойственности в исполнении полномочий. Первая категория в общем и целом совпадает с мошенничеством или надутельством, вторая похожа на двойную игру. Эту вторую категорию можно проиллюстрировать примером директора корпорации, который, действуя на основе инсайдерской информации, приобретает землю, нужную его корпорации, и продает ее своей собственной корпорации, получая в результате фантастическую прибыль. Принцип этой двойственности состоит в том, что нарушитель занимает две антагонистические позиции, одна из которых — позиция доверия, которым пользуются обычно для нецелевого ис-

пользования средств в интересах другой позиции. Подобный антагонизм позиций мог бы проиллюстрировать футбольный тренер, которому дозволено судействовать в игре, где принимает участие его собственная команда. Таких ситуаций в сложной бизнес-структуре невозможно избежать полностью, однако многие компании в своей практике берут на себя такие антагонистические функции, регулярно нарушая доверие, которое им таким образом было оказано. Когда закон требует разделения их функций, они производят номинальное разделение, втайне продолжая сохранять обе позиции.

Точного статистического сравнения преступлений двух классов не существует. Наиболее обширные данные по природе и преобладанию преступности белых воротничков обнаруживаются в отчетах крупных расследований, послуживших основой для сбора информации. Из-за их фрагментарного характера эти данные здесь не обобщаются, а постулируются. Будет представлено несколько суждений, служащих иллюстрациями, но не доказательством распространенности преступности такого рода.

Федеральная торговая комиссия в 1920 году сообщила, что коммерческий подкуп во многих отраслях оставался преобладающей и вполне распространенной практикой. В некоторых сетевых магазинах чистого недовеса было достаточно, чтобы покрыть 3,4% от инвестиций в эти товары. 70% казначейства с эфиром, проданных армии США в 1923–1925 годах, были отбракованы из-за большого содержания примесей. В Индиане летом 1934 года 40% образцов мороженого, протестированных во время плановой проверки, проведенной подразделением здравоохранения, были признаны нарушавшими закон. Контролер денежного обращения в 1908 году сообщил, что правонарушения были обнаружены в 75% банков, изученных за три месяца. Тесты на детекторе лжи, проведенные со всеми сотрудниками в нескольких банках Чикаго, практически во всех случаях подтвержденные признаниями, показали, что 20% этих сотрудников присваивали собственность банка. По оценкам аудитора, в период до создания Комиссии по ценным бумагам и биржам 80% финансовой отчетности корпораций содержали ложные сведения. Джеймс М. Бек в 1916 году отметил: «Диогену пришлось бы несладко в его поиске честного человека на Уолл-стрит, которую я знал как корпоративный юрист».

Преступность белых воротничков в политике, обычно считающаяся весьма распространенной, использовалась некоторыми в качестве грубого ориентира, позволяющего оценить преступность

белых воротничков в бизнесе. Джеймс А. Фарли говорил: «Стандарты поведения среди чиновников и политиков столь же высоки, что и в коммерческой жизни», а Антон Чермак в свою бытность мэром Чикаго замечал: «В политике взяточничества меньше, чем в бизнесе». Джон Флинн писал: «Средний политик – всего лишь любитель в изящном искусстве взяточничества, если сравнивать с его собратом из бизнеса». А Уолтер Липман писал: «Стандарты общественной жизни, какими бы низкими они ни были, все же более человечны, чем в бизнесе, а потому финансисты, идущие в политику, считают самих себя филантропами».

Эти утверждения, конечно, не дают точной оценки относительного уровня преступности в классе белых воротничков, однако они служат достаточным доказательством того, что преступность не настолько сосредоточена в низшем классе, как указывает обычная статистика. Эти утверждения, очевидно, не означают того, что каждый представитель свободной профессии или каждый бизнесмен – преступник, и так же обычные теории не означают того, что любой человек из низшего класса – преступник. С другой стороны, приведенные выше утверждения во многих случаях указывают на ведущие корпорации Америки и не ограничиваются теми сомнительными бизнесменами и представителями свободных профессий, которых связывают с шарлатанством, навязыванием юридических услуг, спекулятивной биржевой торговлей, уклонением от выплаты долгов и долговым мошенничеством³.

Финансовый убыток от преступности белых воротничков, по всей видимости, в несколько раз больше убытков от всех преступлений, которые обычно рассматриваются вкуче в качестве «проблемы преступности». Один руководитель сетевого продуктового магазина похитил за год 600 000 долларов, что в шесть раз больше обычных годовых потерь, вызванных пятью сотнями взломов и грабежей в магазинах этой сети. Шесть врагов государства, занимающих высшие позиции в соответствующем списке, присвоили в 1938 году 130 000 долларов, занимаясь взломами и грабежами, тогда как сумма, похищенная Крюгером, составляет, по оценкам, 250 млн долларов, то есть примерно в 2000 раз больше. *The New York Times* в 1931 году сообщила о четырех случаях хищений в США с убытком более 1 млн долларов в каждом из них и с совокупными потерями в 9 млн долларов. Хотя истории о проникновении с целью кражи или ограблении на миллион встречаются крайне редко, такие миллионные хищения – на самом деле мелочь

3. Здесь, возможно, следует повторить, что белые воротнички (высший класс) и «низший класс» означают попросту лиц высокого и низкого социально-экономического статуса. Доход и объем денег, задействованных в преступлении, – не единственные критерии. Многие люди низкого социально-экономического статуса – преступники из числа белых воротничков в том смысле, что они хорошо одеты, хорошо образованы и имеют высокие доходы, но белые воротнички в том смысле, в каком они используются в этой статье, обозначают «уважаемые», «социально принятые и одобряемые» и «те, на кого смотрят снизу вверх». Некоторые люди в этом классе, возможно, не окажутся хорошо одетыми или хорошо образованными, у них не всегда высокие доходы, хотя обычно «высшие» классы превосходят «низшие» как в этих отношениях, так и в социальном статусе.

в среде преступников из числа белых воротничков. Приблизительный убыток инвесторов одного инвестиционного фонда в период 1929–1935 годов составил 580 млн долларов, что в основном было обусловлено тем, что 75% капитала портфолио были в ценных бумагах аффилированных компаний, хотя фонд и рекламировал важность диверсификации инвестиций, а также свои экспертные услуги по подбору надежных ценных бумаг. По данным шестилетней давности, жители города Чикаго за два года потеряли 54 млн долларов в период работы городского инспектора по мерам и весам, который освобождал от проверок магазины, предоставлявшие рождественские корзины его избирателям.

Сколь бы ни был велик финансовый убыток от преступности белых воротничков, он не столь важен, как ущерб, наносимый ею социальным отношениям. Преступления белых воротничков подрывают доверие, а потому создают недоверие, которое снижает общественный моральный дух и приводит к социальной дезорганизации большого масштаба. Другие преступления оказывают сравнительно небольшое влияние на социальные институты и социальную организацию.

Преступность белых воротничков вполне реальна. Обычно ее не называют преступностью, но если назвать ее так, это не сделает ее хуже, и точно так же, если ее так не называть, лучше она от этого не станет. Она названа здесь преступностью для того, чтобы ввести ее в круг криминологии, что оправдано именно тем, что она представляет собой нарушение уголовного права. Ключевой вопрос в этом исследовании – критерий нарушения уголовного права. Приговора в уголовном суде, который порой предлагается в качестве такового критерия, недостаточно, поскольку значительная часть тех, кто совершает преступления, не признаются виновными в уголовных судах. Следовательно, этот критерий следует дополнить. При таком дополнении критерий преступлений одного класса должен остаться в целом совместимым с критерием преступлений другого класса. Определение не должно следовать духу закона в случае преступлений белых воротничков и букве закона в случае других преступлений – или же быть более снисходительным для одного класса, чем для другого. Поскольку в этой статье мы занимаемся общепринятыми теориями криминологов, критерий преступлений белых воротничков должен оправдываться в контексте процедур этих криминологов, применяемых ими при рассмотрении других преступлений. Критерий преступлений белых воротничков, предлагаемый здесь, дополняет вынесение приговора в уголовных судах в четырех аспектах, в каждом из которых расширение обосновано тем, что криминологи, представляющие общепринятые теории преступного поведения, в принципе, производят то же самое расширение.

Во-первых, критерий должен учитывать решения и других органов, помимо уголовного суда, поскольку последний – не единственный орган, выно-

сящий официальные решения относительно нарушений уголовного права. Суд по делам несовершеннолетних, который в основном занимается правонарушениями детей из бедных семей, во многих штатах не входит в уголовную юрисдикцию. Криминологи часто использовали судебные материалы и статистику по малолетним правонарушителям, когда создавали свои теории преступного поведения. Этим оправдывается включение других органов, помимо уголовного суда, которые занимаются правонарушениями в среде белых воротничков. Наиболее важные из таких ведомств – административные советы, бюро или комиссии, и значительная часть их работы, хотя и не вся, состоит в рассмотрении случаев нарушения уголовного права. Федеральная торговая комиссия недавно предписала нескольким компаниям-автопроизводителям прекратить рекламу своей процентной ставки при покупке в рассрочку, которая якобы составляла 6%, тогда как на деле была равна 11,5%. Также она подала иск против одного из изданий группы Hearst, Good Housekeeping, поскольку его маркировка заставляла публику верить в то, что все продукты с такой маркировкой были проверены в их лабораториях, что не соответствовало действительности. В каждом из этих случаев было выдвинуто обвинение в обмане, который мог подлежать рассмотрению в уголовном суде в качестве мошенничества. Значительная часть таких дел, рассматриваемых в подобных комиссиях, должна быть включена в данные криминологов. А то, что они туда не включаются, служит основной причиной нерепрезентативности их выборок и ошибки в их обобщениях.

Во-вторых, в обоих классах следует определить в качестве преступного такое поведение, которое, если основываться на разумных ожиданиях, должно быть признано виновным в уголовном суде или органе, его замещающем. В этом отношении критерием преступности следует считать возможность вынесения обвинительного приговора, а не собственно приговор. Криминологи не боятся принимать в качестве данных проверенные материалы по делу человека, который был преступником, но никогда не был осужден. Также обосновано включить преступников из числа белых воротничков, которые не были осуждены, если только имеются убедительные доказательства их преступных действий. Доказательства по таким делам представляются во многих гражданских исках – например, со стороны акционеров или в делах по нарушению патентного права. Подобные дела могли бы передаваться в уголовный суд, однако они были отправлены в гражданский суд, поскольку истец больше заинтересован в возмещении ущерба, чем в наказании ответчика. То же самое происходит и в делах по хищениям, в которых значительными доказательствами располагают страховые компании. В одной серии хищений, известной страховой компании, 90% из них не подверглись судебному преследованию,

поскольку такое уголовное преследование помешало бы возмещению ущерба или спасению имущества. Улики в делах по хищению обычно вполне убедительны и их, скорее всего, было бы достаточно для обоснования приговора во всех таких делах.

В-третьих, поведение следует определить в качестве преступного, если приговора удастся избежать только в силу давления, оказываемого на суд или замещающий его орган. Гангстеры и рэкетеры пользовались во многих городах относительной неприкосновенностью благодаря давлению, оказываемому на свидетелей обвинения и государственных чиновников, тогда как профессиональные воры, такие как карманники и мошенники на доверии, не использующие в своем ремесле прямого насилия, обладают подобной неприкосновенностью еще чаще. Традиционные криминологи не боятся включать материалы по делам подобных преступников в свои данные, поскольку они понимают общее отношение давления к невозможности вынести приговор. Подобным образом и преступники из числа белых воротничков защищены относительной неприкосновенностью в силу классового предубеждения судей и способности их собственного класса влиять на правоприменение. Это классовое предубеждение влияет не только на современные суды, но и оказывало значительное воздействие на прежние судебные разбирательства, в которых были созданы прецеденты и правила судопроизводства для современных судов. Соответственно, есть все основания интерпретировать актуальные или потенциальные случаи невынесения приговора в свете известных фактов давления, оказываемого на органы, в которых рассматриваются дела правонарушителей.

В-четвертых, люди, выступающие сообщниками в совершении преступления, должны включаться в число преступников из числа белых воротничков, как они включаются в среде других преступников. Когда Федеральное бюро расследований расследует похищение человека, оно не довольствуется поимкой тех правонарушителей, которые похитили жертву; оно может также задержать, а суд может осудить еще 25 других человек, которые участвовали в сокрытии жертвы, переговорах по выкупу или же передаче денег, полученных от выкупа, в оборот. С другой стороны, уголовное преследование преступников из числа белых воротничков обычно останавливается на одном правонарушителе. Политическое взяточничество почти всегда подразумевает сговор политиков и бизнесменов, однако преследование обычно ограничивается политиками. Судья Мантон был признан виновным в получении взяток на 664 000 долларов, однако шесть или восемь важных коммерческих концернов, которые выплатили эти взятки, не преследовались по закону. Пендергаст, бывший босс Канзас-Сити, был осужден за то, что утаил от налоговой 315 000 долларов, полученных в виде взяток от страховых компаний, однако сами эти страховые компании, их выплатившие,

не подверглись судебному преследованию. В одном расследовании хищений, совершенных президентом банка, с этим хищением была связана по крайней мере дюжина других правонарушений, в которые была вовлечена большая часть других руководителей банка и расчетно-клирингового агентства, но ни один из них не был подвергнут судебному преследованию.

Этот анализ критерия преступности белых воротничков приводит к выводу о том, что описание преступности белых воротничков в общих категориях совпадает с описанием преступности низшего класса. Качества, в которых преступления двух классов различаются, являются для преступности привходящими, а не существенными. В основном они различаются исполнением применимых к ним уголовных законов. Преступлениями низшего класса занимаются полицейские, прокуроры, судьи, и уголовное наказание назначается в виде штрафов, тюремного заключения или же смертной казни. Преступления высшего класса либо вообще не караются официальными мерами, либо заканчиваются делами о причиненном ущербе, которые рассматриваются в гражданских судах или же разбираются инспекторами, административными советами и комиссиями, так что наказание назначается в виде предупреждений, постановлений с требованием прекратить правонарушающие действия, иногда в форме утраты лицензий и только в крайних случаях – штрафов или приговоров о тюремном заключении. Таким образом, преступники из числа белых воротничков административно сегрегируются от других преступников, и в основном именно вследствие этого они сами не считают себя настоящими преступниками, и точно так же не считает их таковыми общество в целом и криминологи.

Разница в применении уголовного права обусловлена в основном разницей в социальном положении правонарушителей двух типов. Судья Вудворд, когда он выносил приговор руководителям H. O. Stone and Company, обанкротившейся риелторской компании из Чикаго, руководители которой были осуждены в 1933 году за рассылку мошеннических писем, сказал им: «Вы деловые люди, люди с опытом, вы отличаетесь утонченностью и культурой, прекрасной репутацией и положением в мире бизнеса и в обществе в целом». Это утверждение можно использовать в качестве общей характеристики преступников из числа белых воротничков, поскольку в целом они ориентированы на законные и уважаемые карьеры. В силу своего социального статуса они оказывают значительное влияние на содержание законопроектов и на то, как уголовное право, способное применяться к ним самим, будет действительно применяться на практике. Это можно проиллюстрировать Законом о доброкачественности пищевых продуктов и медицинских препаратов. В период с 1879 по 1906 год в конгресс было представлено 14 законопроектов по доброкачественности пищевых продуктов и медпрепаратов, и все они

провалились из-за противодействия важных лиц, на которых они могли оказать воздействие. Доктору Харви Вили пришлось предпринять в 1906 году решительные действия, чтобы заставить конгресс принять закон. Однако этот закон не определял новое преступление, так же как федеральный Закон Линдберга о похищении людей не определял новое преступление; он просто создал возможность для более эффективного применения принципа, который уже был сформулирован в законодательствах штатов. Когда в конгрессе была представлена поправка к этому закону, которая должна была распространить его действие на ложные заявления по радио или в прессе, издатели и рекламщики организовались, чтобы защитить свои интересы, и отправили в Вашингтон лоббистов, которые не заблокировали поправку, прикрываясь в основном лозунгами о «свободе прессы» и «опасностях бюрократии». Но эта предложенная поправка также не определяла нового преступления, поскольку законодательства штатов уже запрещали ложные заявления, распространяемые средствами радио или прессы; она бы попросту усовершенствовала правоприменение данного закона. Наконец, федеральной администрации не удалось применять закон на практике так, как она того хотела, в силу давления правонарушителей на право, порой оказываемое при посредстве главы министерства сельского хозяйства, а в других случаях – при посредстве конгрессменов, которые грозились сокращением ассигнований, а также других лиц. Утверждение Дэниэля Дрю, откровенного старого мошенника, весьма точно описывает уголовное право: «Закон напоминает паутину; она создана для мух и прочих мелких насекомых, но она позволяет крупному шмелю прорваться сквозь нее. Когда на моем пути стояли формальности закона, я всегда мог легко отвести их в сторону».

Представленный выше анализ не следует рассматривать ни в качестве утверждения того, что все попытки повлиять на законодательство и администрацию заслуживают порицания, ни как частную интерпретацию уголовного права. Он означает только то, что высший класс обладает большим влиянием на выработку уголовного права и его применение, что позволяет ему защищать свои интересы лучше, чем низшему классу. Привилегированное положение преступников из числа белых воротничков перед законом лишь в незначительной мере проистекает из взяток и политического давления, но в основном обусловлено тем уважением к ним, для поддержания которого они не прилагают никаких особых усилий. Наиболее сильная в средневековом обществе группа пользовалась относительной неприкосновенностью благодаря «неподсудности духовенства», тогда как сегодня сильнейшие группы получили относительную неприкосновенность благодаря «неподсудности бизнеса или профессии».

С силой преступников из числа белых воротничков контрастирует слабость их жертв. Потребители,

инвесторы и акционеры не организованы, у них нет технических знаний, и они не могут сами себя защитить. Дэниэль Дрю, получив мошенническим образом крупную сумму денег от Вандербильта в рамках сделки по Ири, пришел к выводу, что было ошибкой брать деньги у могущественного человека того же уровня, что и он сам, и заявил, что в будущем он ограничит свои начинания аутсайдерами, рассеянными по стране, которые не смогут организовать и дать сдачи. Преступность белых воротничков расцветает в тех местах, где могущественные бизнесмены и профессионалы вступают в контакт со слабыми людьми. В этом отношении это все равно что украсть конфету у ребенка. Между тем многие преступления низшего класса совершаются против людей богатых и могущественных – при краже со взломом или грабежах. Из-за этой разницы в силе жертв преступники из числа белых воротничков пользуются относительной неприкосновенностью.

Хищения представляют собой в этом отношении интересное исключение из общей картины преступности белых воротничков. Обычно хищение – это кража, совершаемая наемным сотрудником у работодателя, и организовать социальные и юридические силы в свою пользу сотрудник способен на много меньше работодателя. Поэтому вполне понятно, почему законы о хищении были составлены задолго до законов по защите инвесторов и потребителей.

Можно показать, что теория, утверждающая, что преступное поведение в целом обусловлено либо бедностью, либо психопатическими и социопатическими расстройствами, связанными с бедностью, безосновательна по трем причинам. Во-первых, это обобщение основано на нерепрезентативной выборке, из которой почти полностью исключено поведение преступников из числа белых воротничков. По причинам удобства и незнания, а не из принципа криминологи в основном ограничивали свои данные делами, рассматриваемыми в уголовных судах и судах по делам несовершеннолетних, но эти органы используются для привлечения преступников из низшей социальной страты. Соответственно, их данные совершенно нерепрезентативны в плане экономического статуса преступников, тогда как их общее суждение о том, что преступность тесно связана с бедностью, необоснованно.

Во-вторых, общее суждение о том, что преступность тесно связана с бедностью, очевидно, не применимо к преступникам из числа белых воротничков. Если не считать небольшого числа исключений, они не бедны, они не воспитывались в трущобах или по-настоящему неполноценных семьях, они не являются слабоумными или психопатами. Они редко бывали проблемными детьми, их не вызывали в суды по делам несовершеннолетних или же в клиники по социальной адаптации детей. Выведенное из данных, используемых традиционными криминологами, утверждение, будто «сегодняшний преступ-

ник — это вчерашний проблемный ребенок», редко оказывается истинным в применении к преступникам из числа белых воротничков. Представление о том, что причины преступности следует искать почти исключительно в детстве, также представляется ложным. Даже если расширить понятие бедности и включить в него экономический стресс, влияющий на бизнес в периоды депрессии, не удастся выявить строгой корреляции с преступностью белых воротничков. Вероятно, в последние 50 лет наибольший расцвет преступности белых воротничков в сфере инвестиций и корпоративного управления пришелся на бум 1920-х.

В-третьих, общепринятые теории не объясняют даже и преступности низшего класса. Подчеркивавшиеся ранее социопатические и психопатические факторы, несомненно, имеют некоторое отношение к причинам преступности, однако они не связаны с общим процессом, обнаруживаемым в преступности как низшего класса, так и белых воротничков, а потому они не объясняют преступности ни того, ни другого класса. Возможно, они объясняют способ или метод совершения преступлений, то есть то, почему преступники из низшего класса совершают взломы и грабежи, но не занимаются обманом с целью вымогательства.

Ввиду этих недостатков общепринятых теорий необходима гипотеза, которая объяснит преступность как белых воротничков, так и низшего класса. Учитывая требования экономности, простоты и логичности, гипотеза должна прилагаться к обоим классам, поскольку это позволит проанализировать причинные факторы, освободившись от препятствий, созданных административными механизмами, которые ввели криминологов в заблуждение. Шоу, Маккей и другие исследователи, работающие исключительно с преступностью низшего класса, выяснили, что общепринятые теории не объясняют вариации в данных по преступности этого низшего класса и, заняв эту точку зрения, стали работать над объяснением преступности как более общего социального процесса. Подобным попыткам существенную помощь окажет только что описанная нами процедура.

Гипотеза, предлагаемая здесь на замену общепринятых теорий, состоит в том, что преступность белых воротничков, как и любая другая систематическая преступность, выучивается; она учится в прямой или косвенной ассоциации с теми, кто уже практикует подобное поведение; те же, кто учится такому преступному поведению, отдаляются от частных и тесных контактов с законопослушным поведением. Станет человек преступником или нет — в значительной мере определяется сравнительной частотой и непосредственностью его контактов с двумя этими типами поведения. Это можно назвать процессом дифференциальной ассоциации. Эта гипотеза представляет генетическое объяснение преступности как белых воротничков, так и низшего класса. Те, кто становится преступником

в среде белых воротничков, обычно начинают свои карьеры в хороших районах и хороших домах, они оканчивают колледж, усвоив определенный идеализм, а потом, когда от них мало что зависит, попадают в определенные деловые ситуации, в которых преступность представляется едва ли не общим обычаем, а потому они приучаются к этой системе поведения так же, как и к любому другому обычаю. Преступники из низшего класса обычно начинают свои карьеры в плохих районах и неполных семьях, им легко сойтись с правонарушителями, у которых они учатся отношению к преступности и ее техникам — благодаря ассоциации с правонарушителями и при частичном обособлении от законопослушных граждан. Основные составляющие этого процесса — одни и те же для обоих классов преступников. Это не только процесс ассимиляции, поскольку в нем часто делаются изобретения, возможно, чаще в преступности белых воротничков, чем в низшем классе. Гении-изобретатели из числа преступников низшего класса — это обычно профессиональные преступники, тогда как гении во многих видах преступлений белых воротничков — это обычно юристы.

Второй общий процесс — это социальная дезорганизация общества. Дифференциальная ассоциация завершается преступлением, поскольку общество не организовано настолько, чтобы встать единым фронтом против такого поведения. Закон давит в одном направлении, но другие силы — в противоположном. В бизнесе «правила игры» вступают в конфликт с юридическими правилами. Бизнесмена, желающего следовать закону, конкуренты вынуждают перенять их же методы. Это хорошо показывает устойчивость коммерческого подкупа, несмотря на постоянные попытки деловых организаций его искоренить. Группы и индивиды существуют именно что индивидуально; они больше озабочены своей частной группой или индивидуальными интересами, чем общим благосостоянием. Соответственно, общество не может встать единым фронтом против преступности. Бюро по улучшению бизнеса и Комиссии по преступности, состоящие из бизнесменов и представителей свободных профессий, борются со взломом, грабежом и мелким мошенничеством, однако они упускают из виду преступления своих собственных членов. Силы, воздействующие на низшие классы, также находятся в конфликте. Социальная дезорганизация влияет на оба класса сходным образом.

Я представил краткое и общее описание преступности белых воротничков, основываясь на аргументе касательно теорий преступного поведения. Этот аргумент, если обособить его от описания, можно сформулировать в виде следующих положений:

1. Преступность белых воротничков — реальная преступность, которая всегда представляет собой нарушение уголовного права.

2. Преступность белых воротничков отличается от преступности низшего класса в основном применением уголовного права, которое административно обособляет преступников из числа белых воротничков от других преступников.
3. Теории криминологов, согласно которым преступность обусловлена бедностью либо психопатическими или социопатическими расстройствами, статистически связанными с бедностью, необоснованны, поскольку, во-первых, они выводятся из нерепрезентативных в плане социально-экономического статуса выборок; во-вторых, они не применимы к преступникам из числа белых воротничков; и в третьих, они не объясняют даже и преступности низшего класса, поскольку эти факторы не соотносятся с общим процессом, характеризующим любую преступность.
4. Необходима теория преступного поведения, которая объяснит преступность как белых воротничков, так и низшего класса.
5. Гипотеза такого рода может быть предложена благодаря категориям дифференциальной ассоциации и социальной дезорганизации.

Перевод с английского Дмитрия Кралечкина

WHITE-COLLAR CRIMINALITY

Edwin Sutherland, American sociologist (1883–1950).

Edwin H. Sutherland's "White-Collar Criminality" contests the conventional thesis that crime is concentrated in the lower classes and driven by poverty or psychopathology. Using investigative reports and illustrative cases rather than criminal court statistics alone, Sutherland argues that respected business and professional actors commit widespread violations that are obscured by biased data and administrative segregation from ordinary criminal justice. He catalogs recurring schemes across business and professions – misrepresentation in corporate statements and advertising, manipulation of securities, commercial bribery and public corruption, embezzlement and misapplication of funds, short weights and misgrading, and medical practices such as fee-splitting. These offenses fundamentally involve breaches of delegated or implied trust and often reduce to two clusters: misrepresentation of asset values and duplicity in the manipulation of power. Beyond imposing heavy financial losses, white-collar crime erodes social trust, depresses morale, and produces large-scale social disorganization. Sutherland maintains that differential association – learning criminal techniques and rationalizations within occupational networks – explains criminality in both upper and lower strata; what differs is not causation but implementation and enforcement. Upper-status offenders benefit from influence over legislation, administrative forums, and lenient sanctions, which fosters relative immunity and public misperception that such conduct is not "real" crime. The paper calls for redefining criminological data and criteria to capture white-collar offenses, thereby correcting theoretical bias and enabling a more complete account of crime's prevalence, mechanisms, and societal harms.

Keywords: white-collar crime; criminology; differential association; corporate fraud; social disorganization; trust violation; economic crime

Citation: Sutherland, E. (2025). White-Collar Criminality. *Urban Studies and Practices*, 10(4), 113–120. <https://doi.org/10.17323/usp1042025113-120>

Приемы нейтрализации: теория делинквентности¹

Грешем Сайкс
Дэвид Маца

Стремясь обнаружить истоки делинквентности несовершеннолетних, социологи давно прекратили поиск пороков, пребывающих в душе, или стигм, явленных на теле. В настоящий момент широко распространено представление, что делинквентное поведение, подобно большинству видов социального поведения, является приобретенным и усваивается в процессе социального взаимодействия.

Классическое изложение этой позиции представлено в теории дифференциальной ассоциации Эдвина Сатерленда, согласно которой преступное, или делинквентное, поведение предполагает усвоение (а) приемов совершения преступлений и (б) мотивов, побуждений, оснований и установок, благоприятствующих нарушению закона [Sutherland, 1955, p. 77–80]. К сожалению, как в теоретических, так и в прикладных работах уделялось относительно мало внимания конкретному содержанию того, что именно в данном случае усваивается — в отличие от самого процесса, в ходе которого происходит усвоение. Возможно, единственные серьезные усилия в попытке понять природу этого содержания предпринимались теми исследователями, кто ставил во главу угла идею делинквентной субкультуры. Утверждается, что основной характеристикой делинквентной субкультуры является система ценностей, которая представляет собой инверсию ценностей, исповедуемых уважаемым законопослушным обществом. Мир делинквентной личности — это перевернутый с ног на голову мир законопослушания, а его нормы выступают силой, направленной против подчиняющего своим правилам социального порядка. Альберт К. Коэн [Cohen, 1955] рассматривает процесс развития делинквентной субкультуры как создание, поддержание и укрепление кодекса поведения, существующего в пику этому порядку, кодекса, который от начала до конца противоречит господствующим ценностям, в особенности ценностям среднего класса. Коэн описывает делинквентность с высо-

Сайкс Грешем, американский социолог и криминолог (1922–2010).

Маца Дэвид, американский социолог (1930–2018).

В статье представлен критический анализ доминирующих социологических теорий делинквентности несовершеннолетних, в частности тех, которые основаны на концепции делинквентной субкультуры с ценностями, прямо противоположными общепринятым. Авторы, Грешем Сайкс и Дэвид Маца, оспаривают представление о том, что делинквентные личности полностью отвергают конвенциональные социальные нормы. Они утверждают, что, если бы такие личности действовали в рамках совершенно альтернативной моральной системы, они не испытывали бы чувства вины или стыда, однако эмпирические данные свидетельствуют об обратном.

Для разрешения этого парадокса авторы вводят понятие *приемов нейтрализации*. Это набор оправданий и рационализаций, которые делинквентные личности используют для временного приостановления своей приверженности общественным ценностям, что позволяет им совершать девиантные поступки, не разрушая своих базовых моральных установок. В статье выделяются и подробно описываются пять основных приемов: отрицание ответственности, отрицание вреда, отрицание жертвы, осуждение осуждающих и апелляция к вышестоящим лояльностям. Осваивая эти приемы, индивиды могут «дрейфовать» между конвенциональным и делинквентным поведением. Данная теория предлагает более тонкое понимание психологических механизмов, способствующих делинквентности, рассматривая ее не как продукт отдельной системы ценностей, а как временное отклонение от общепринятой.

Ключевые слова: делинквентность несовершеннолетних; приемы нейтрализации; девиантное поведение; субкультура; социальные нормы; чувство вины и стыда; рационализация

Цитирование: Сайкс, Г., & Маца, Д. (2025). Приемы нейтрализации: теория делинквентности. *Городские исследования и практики*, 10(4), 121–128. <https://doi.org/10.17323/usp1042025121-128>

1 Sykes, G. M., & Matza, D. (1957). Techniques of neutralization: A theory of delinquency. *American Sociological Review*, 22(6), 664–670.

кой степенью детализации, старательно избегая слишком простых объяснений, например, основанных на принципе «следуй за лидером», либо легко напрашивающихся обобщений по поводу «эмоциональных расстройств». Кроме того, Коэн не воспринимает делинквентную субкультуру как нечто заданное – вместо этого он систематически исследует функцию делинквентных ценностей как конкурентоспособного инструмента решения проблем в сфере социального статуса, с которыми сталкиваются мальчики из низших классов. Однако, несмотря на свои достоинства, данное представление о делинквентности несовершеннолетних как форме поведения, основанной на конкурирующих или противодействующих ценностях и нормах, судя по всему, обладает рядом серьезных изъянов. Характер этих изъянов, наряду с возможным альтернативным или видоизмененным объяснением значительного сегмента делинквентности несовершеннолетних, и рассматривается в нашей статье.

Затруднения, связанные с рассмотрением делинквентного поведения как проистекающего из набора девиантных ценностей и норм – иными словами, из ситуации, где делинквентная личность определяет собственную делинквентность как нечто «правильное», – имеют как эмпирический, так и теоретический характер. Во-первых, если бы некая делинквентная субкультура, в рамках которой делинквентная личность считает свое противоправное поведение морально корректным, действительно существовала, то можно было бы обоснованно допустить, что такая личность не станет испытывать чувства вины или стыда при раскрытии своих деяний или заключении под стражу. Напротив, ее основной реакцией на это будут негодование или ощущение мученичества¹. Некоторые делинквентные личности и правда демонстрируют подобную реакцию, хотя их ощущение мученичества зачастую, похоже, основано на том обстоятельстве, что другим «все сходит с рук», а предметом негодования явно выступают те случайные события или нехватка преступных навыков, которые привели к аресту. Но еще более важен следующий момент: существует немало свидетельств того, что многие делинквентные личности действительно испытывают ощущение вины или стыда, а его внешнее выражение не следует пренебрежительно считать чисто манипулятивным жестом, призванным умиливать представителей власти. Значительная часть этих свидетельств, разумеется, имеют клинический характер либо

представляют собой эмоциональные суждения тех, кому приходится непосредственно сталкиваться с юными правонарушителями. Придавать вес таким свидетельствам можно лишь с осторожностью, однако их нельзя игнорировать, если мы намерены избежать грубого стереотипа, где несовершеннолетняя делинквентная личность предстает закоренелым гангстером в миниатюре.

Во-вторых, наблюдатели отмечают, что несовершеннолетние делинквентные личности нередко испытывают восхищение и уважение к законопослушным людям. «Реально честный» человек часто вызывает почтение, и если правонарушитель порой слишком старательно стремится обнаружить лицемерие в тех, кто ведет себя конформно, то безусловная порядочность, скорее всего, заслужит его одобрение. Страстную привязанность к скромной и набожной матери или всепрощающему праведному священнику (первый момент, по мнению многих наблюдателей, часто характерен как для несовершеннолетних делинквентных личностей, так и для взрослых преступников) можно списать на тривиальную сентиментальность, однако из этого по меньшей мере понятно, что делинквентная личность не обязательно считает аморальными тех, кто соблюдает закон. В том же духе можно отметить, что несовершеннолетняя делинквентная личность способна испытывать сильное возмущение, если противоправное поведение приписывается «значимым другим» из ее ближайшего социального окружения либо героям из мира спорта и развлечений. Иными словами, если делинквентная личность действительно придерживается некоего набора ценностей и норм, полностью противоречащих ценностям и нормам уважаемого общества, то ее соблюдение норм носит особый характер. Несмотря на то что такая личность, вероятно, всецело привержена девиантной системе делинквентной субкультуры, во многих случаях она явно будет признавать моральную обоснованность господствующей нормативной системы².

В-третьих, существует множество свидетельств того, что несовершеннолетние делинквентные личности зачастую проводят четкую границу между теми, кто может и кто не может стать жертвой. С их точки зрения, определенные социальные группы не следует рассматривать как «честную добычу» при совершении как бы санкционированных делинквентных действий, тогда как на представителей других групп можно обоснованно нападать разно-

1. Примерами данного типа реакции среди адептов девиантной субкультуры, которые полностью уверены в том, что ведут себя «по правде», и подвергаются задержаниям и наказаниям со стороны институтов господствующего социального порядка, вероятно, выступают такие группы, как Свидетели Иеговы*, ранние христианские секты, националистические движения в колониальных территориях и отказники от военной службы по убеждениям во время Первой и Второй мировых войн.

* Организация, признанная экстремистской и запрещенная в РФ.

2. Как указывал Макс Вебер, вор может признавать легитимность правовых норм, не принимая их моральной обоснованности («Вор, скрывая свой поступок, ориентируется на значимость законов уголовного права. Он вынужден скрывать его именно потому, что в определенной среде порядок сохраняет свою “значимость”») [Weber, 1947, p. 125; Вебер, 1990, с. 637–638]. Мы же утверждаем, что несовершеннолетняя делинквентная личность зачастую признаёт как легитимность господствующего социального порядка, так и его моральную «правоту».

образными способами. В целом потенциал виктимизации, по-видимому, зависит от социальной дистанции между несовершеннолетней делинквентной личностью и другими людьми. Именно поэтому в мире такой личности обнаруживаются неявно подразумеваемые принципы – например, «не кради у друзей» или «не занимайся вандализмом в церкви своей религии»³. Все это довольно очевидные вещи, однако их последствиям не уделялось достаточного внимания. Тот факт, что заведомо ценностно-ориентированное поведение обычно направлено против социальных групп, которым в ценности отказывается, намекает на то, что «неправомерность» такого делинквентного поведения осознаётся его субъектами гораздо масштабнее, чем об этом сообщают исследователи. Когда круг жертв определяется такими соображениями, как родство, дружба, принадлежность к этнической группе и социальному классу, возраст, пол и т.д., имеются основания подозревать, что благочестие делинквентности далеко не бесспорно.

В-четвертых, сомнительно предположение, что многие несовершеннолетние делинквентные личности абсолютно невосприимчивы к тем требованиям конформности, которые предъявляет господствующий социальный порядок. Родственники юного правонарушителя с высокой вероятностью согласятся с мнением уважаемого общества, что в делинквентности нет ничего хорошего, даже если эти родственники сами участвуют в различных противоправных деяниях. Иными словами, положение родителей, создающее условия для делинквентности, едва ли выступает позитивным стимулом. Каким бы ни было влияние родительского примера, модель делинквентной социализации, которую можно назвать именем диккенсовского Фейгина,⁴ встречается, вероятно, редко. Более того, как отмечал Фриц Редль, представление о том, что определенные городские районы полностью охвачены делинквентностью и тем самым дают детям безусловный образец для соответствующего поведения, попросту не подтверждается эмпирическими данными [Kobrin, 1951].

Тот факт, что за свои делинквентные действия ребенок подвергается наказаниям родителей, учителей и представителей закона, способен, как цинично отмечали многие наблюдатели, навести ребенка на мысль: чтобы не попасться, нужно быть осторожнее. В то же время существует сопоставимая, а то и большая вероятность, что ребенок усвоит требования конформности. Это не значит, что требованиям конформности невозможно противостоять. В действительности, как мы увидим ниже, понимание того, каким способом нейтрализуются вну-

тренние и внешние требования конформности, возможно, имеет принципиальное значение для понимания делинквентного поведения. Утверждение, что ребенок может усвоить эти требования, подразумевает следующее: полное отрицание обоснованности требований конформности и замена их на новую нормативную систему практически невозможны, учитывая такие неотъемлемые от статуса детей и подростков в социальной структуре моменты, как зависимость от взрослых и нахождение в окружении взрослых. Сколь бы глубоко ребенок ни «влип» в делинквентные паттерны поведения и сколь бы эта вовлеченность ни перевешивала его связи с законопослушными лицами, ему не удастся избежать порицания за свои девиантные действия. Требованиям конформности необходимо так или иначе соответствовать и реагировать на них, их невозможно игнорировать как часть чуждой системы ценностей и норм.

Одним словом, теоретическое представление о делинквентности несовершеннолетних как форме поведения, основанной на ценностях и нормах девиантной субкультуры по аналогии с тем, как законопослушное поведение основано на ценностях и нормах общества в целом, вызывает серьезные сомнения. Невозможно игнорировать тот факт, что мир делинквентной личности встроено в более масштабный мир, основанный на конформности, а равно невозможно ставить на одну доску делинквентного несовершеннолетнего и взрослого, прошедшего основательную социализацию в альтернативном образе жизни. Напротив, делинквентный несовершеннолетний, судя по всему, хотя бы отчасти связывает себя с господствующим социальным порядком, поскольку он нередко испытывает вину или стыд, нарушая предписания этого порядка, с одобрением относится к определенным лицам с конформным поведением и различает уместные и неуместные мишени для своих девиантных поступков. Именно этот парадоксальный факт делинквентности несовершеннолетних требует объяснения, к которому мы теперь переходим.

Как заметил однажды Моррис Коэн, одна из наиболее увлекательных проблем, связанных с человеческим поведением, заключается в том, почему люди нарушают те законы, в которые они верят. Именно с этой проблемой мы сталкиваемся при попытке объяснить, почему делинквентность существует, несмотря на то что люди в той или иной степени привержены навыкам конформности. Главную подсказку дает то обстоятельство, что социальные правила или нормы, которые иницируют ценностно-ориентированное поведение, редко принимают вид категорических императивов – если такое вообще

3. Хорошей иллюстрацией в данном случае выступает описание Фредериком Трэшером банды «Ицки», состоявшей из еврейских подростков, где упоминается, что ее участники не подвергали пьяниц-евреев «роллингу» (ограблениям с применением насилия) [Thrasher, 1947, p. 315].

4. Фейгин – персонаж романа Чарльза Диккенса «Приключения Оливера Твиста», который учит детей добывать средства к существованию карманными кражами и другими преступлениями в обмен на крышу над головой. – Прим. пер.

случается. Скорее, ценности или нормы предстают в качестве *ограниченных* руководств к действию, применимость которых ограничена такими факторами, как время, место, конкретные лица и социальные обстоятельства. Например, во время войны моральный запрет на убийство не распространяется на противника на поле боя, хотя противник, попавший в плен, вновь попадает под этот запрет. Аналогичным образом многие воспринимают как правильное решение изъятие и распределение дефицитных товаров во времена, когда общество испытывает в них острую потребность, хотя в иных обстоятельствах частная собственность считается неприкосновенной. Таким образом, нормативную систему общества отличает то качество, которое Робин Уильямс-младший назвал *гибкостью* (*flexibility*): эта система не представляет собой свод правил, обязательных в любых условиях [Williams, 1951, p. 28].

По сути, эта гибкость выступает неотъемлемой составляющей уголовного права, поскольку «обстоятельствами, исключающими преступность деяния» (“defenses to crimes”), выступают такие предлоги, как несовершеннолетний возраст, необходимость, невменяемость, интоксикация, принуждение, самооборона и т.д. Соответствующее лицо может избежать моральной ответственности за свои преступные действия – а следовательно, и негативных санкций общества, – если ему удастся доказать отсутствие преступного умысла. *Основной тезис нашей работы заключается в следующем: в основании делинквентности во многих случаях лежит еще, по сути, нераспознанное расширение обстоятельств, исключающих преступность деяния. Это расширение принимает вид таких обоснований девиации, которые считает имеющими силу сама делинквентная личность, а не правовая система или общество в целом.*

Исследователи обычно именуют данные обоснования рационализациями. Они рассматриваются как следующие за девиантным поведением меры, при помощи которых индивид защищается от самообвинений и осуждения другими после совершения поступка. В то же время есть основания полагать, что рационализации предшествуют девиантному поведению и делают его осуществимым. Именно эту возможность лишь вскользь упомянул Сатерленд, а другим авторам не удалось использовать ее с точки зрения социологической теории. Неодобрение, источником которого выступают усвоенные нормы и присутствующие в социальном окружении конформные другие, нейтрализуется, отражается или отклоняется заранее. Инструменты социального контроля, призванные сдерживать или подавлять девиантные мотивационные паттерны, становятся

нефункциональными, и индивид может свободно совершать делинквентные действия без серьезного ущерба для восприятия себя в собственных глазах. В этом смысле делинквентной личности удается одновременно сидеть на двух стульях, поскольку она сохраняет приверженность господствующей нормативной системе, но при этом модифицирует ее императивы таким образом, что нарушения оказываются «приемлемыми», а то и «правильными». Таким образом, делинквентная личность оказывается не каким-то радикальным оппонентом законопослушного общества, а больше напоминает предающегося апологетике неудачника, который в собственных глазах нередко оказывается скорее жертвой, а не преступником. Данные обоснования девиантного поведения мы именуем приемами нейтрализации, полагая, что они выступают ключевой составляющей «формулировок, благоприятствующих нарушению закона», о которых говорится у Сатерленда⁵. Несовершеннолетний становится делинквентной личностью именно благодаря усвоению этих приемов, а не моральных императивов, ценностей или установок, прямо противоречащих тем, что господствуют в обществе. Анализ этих приемов подсказывает, что их целесообразно разделить на пять основных типов.

Отрицание ответственности. Поскольку делинквентная личность может определять себя как не несущую ответственности за свои девиантные поступки, эффективность такого инструмента сдерживающего воздействия, как негативная оценка самого себя или других, резко падает. Как выразился судья Холмс, даже собака различает, когда о нее споткнулись и когда ее пнули,⁶ а в современном обществе не менее тщательно проводится граница между неумышленным ущербом, не предполагающим ответственности, и ущербом умышленным. Однако отрицание ответственности в качестве метода нейтрализации выходит далеко за рамки утверждения, что девиантные действия являются «случайностью», или иного подобного отрицания личной ответственности. Может также утверждаться, что делинквентные действия обязаны силам, внешним по отношению к индивиду и неподконтрольным ему, таким как отсутствие родительской любви, дурная компания или трущобный район. По сути, делинквентная личность приближается к представлению о самой себе, напоминающему «бильярдный шар»: человек воспринимает себя беспомощно заброшенным в череду различных ситуаций. С точки зрения психодинамики такая установка по отношению к собственным действиям может представлять собой глубокое отчуждение от своего «я». Однако важно подчеркнуть, что интерпретации ответственности

5. Термин теории дифференциальной ассоциации Э. Сатерленда, обозначающий усвоенные установки и рационализации, которые оправдывают или извиняют преступное поведение, делая его приемлемым или вовсе желательным. – *Прим. пер.*

6. Это высказывание судьи Верховного суда США Оливера Уэнделла Холмса-младшего подчеркивает роль намерения в оценке деяний: действия имеют разные моральные и правовые последствия в зависимости от того, являются ли они случайными или преднамеренными. – *Прим. пер.*

являются культурными конструктами, а не просто индивидуальными представлениями. Сходство между данным способом обоснования противоправного поведения, используемым делинквентной личностью, и выводами, подразумеваемыми «социологической» системой координат или «гуманной» юриспруденцией, вполне очевидно⁷. Однако в данном случае интерес для нас представляет не обоснованность этой ориентации, а ее функция отклонения вины, связанная с нарушением социальных норм, и ее относительная независимость от особой структуры личности⁸. Приучаясь воспринимать себя скорее как объект воздействия, нежели как действующего субъекта, делинквентная личность намечает траекторию отклонения от господствующей нормативной системы без необходимости атаковать сами нормы в лоб.

Отрицание ущерба. Центральным элементом второго важного приема нейтрализации является ущерб или вред, которым сопровождаются делинквентные действия. В уголовном праве давно проводится различие между двумя типами преступлений: *mala in se*⁹ и *mala prohibita*¹⁰ – то есть между деяниями, дурными по своей природе, и деяниями незаконными, но не безнравственными. Точно такое же различие при оценке вредоносности своего поведения может проводить и делинквентная личность. Однако для последней вредоносность может быть сопряжена со следующим вопросом: наносят ли кому-то ущерб ее девиантные действия? Этот момент допускает разнообразные толкования. Например, вандализм делинквентная личность может определять просто как «озорство» – в конце концов, можно же утверждать, что лицам, чье имущество было уничтожено, вполне по карману его купить. Аналогичным образом угон автомобиля может восприниматься как «взять покататься», а драка между уличными бандами может рассматриваться как приватный конфликт, дуэль, условия которой оговорены между заинтересованными сторонами, а следовательно, как нечто такое, что не должно заботить общество в целом. Речь не идет о том, что данный прием нейтрализации, который мы именуем отрицанием ущерба, подразумевает явную диалектику. Напротив, мы утверждаем, что делинквентная личность нередко смутно ощущает, что ее поведение в действительности не причиняет особого вреда, несмотря на его противозаконный характер. Подобно тому, как взаимосвязь между индивидом и его действиями может нарушаться отрицанием ответственности, взаимосвязь между действиями и их послед-

ствиями может нарушаться отрицанием ущерба. Поскольку оценка обществом отдельных деяний, таких как прогулы, «розыгрыши» и т. д., порой совпадает с их оценкой делинквентными личностями, это лишь еще раз подтверждает мысль, что нейтрализация социального контроля при помощи ограничения норм, выполняемая этими личностями, является продолжением общепринятой практики, а не жестом отъявленного противодействия.

Отрицание жертвы. Даже если делинквентная личность принимает ответственность за свои девиантные действия и готова признать, что они влекут за собой ущерб или вред, моральное возмущение – как этой личности, так и всех остальных – может быть нейтрализовано при помощи настойчивой позиции, что в контексте сложившихся обстоятельств ущерб не является злом. Можно заявить, что ущерб – это на деле вовсе и не ущерб, а форма справедливого возмездия или наказания. Тонкая «алхимия» ставит делинквентную личность в положение мстителя, а жертва превращается в злодея. Нападения на гомосексуалистов или подозреваемых в гомосексуализме, нападения на представителей меньшинств, которые якобы перестали «знать свое место», вандализм в порядке мести пристрастному учителю или представителю школьного начальства, кражи у «нечистого на руку» лавочника – все это, с точки зрения делинквентной личности, может представлять собой ущерб, причиненный тому, кто сам нарушает правила. Как указывал Джордж Оруэлл, тип преступника, которым восхищается широкая публика, со временем, вероятно, изменился, и Артур Раффлс¹¹ больше не является героем [Orwell, 1946, p. 202–221; Оруэлл, 2016]. Однако Робин Гуд и его последующие эпигоны, такие как «крутой» детектив, стремящийся к справедливости, невзирая на закон, по-прежнему будоражат воображение публики, так что делинквентная личность может рассматривать собственные действия как элемент схожей роли.

В таком случае отрицание существования жертвы путем превращения ее в лицо, заслуживающее причинения ущерба, является крайним проявлением феномена, о котором уже говорилось выше, – а именно осознания делинквентной личностью уместных и неуместных мишеней для своих деяний. Впрочем, делинквентная личность может отрицать существование жертвы и в несколько ином смысле, силой обстоятельств самого делинквентного деяния. Когда жертва отсутствует физически, неизвестна или является какой-то смутной абстракцией (как это ча-

7. Немало наблюдателей иронично отмечали, что многие делинквентные личности явно демонстрируют удивительную осведомленность в социологических и психологических интерпретациях своего поведения и незамедлительно указывают на то, что оно было предопределено их неблагоприятной жизненной средой.

8. Разумеется, существует вероятность, что определенные структуры личности могут воспринимать некоторые приемы нейтрализации с большей готовностью, чем другие, однако этот вопрос остается в значительной степени неисследованным.

9. Зло само по себе (лат.).

10. Зло в силу запрета (лат.).

11. Артур Раффлс – персонаж произведений английского писателя Эрнеста Уильяма (Вилли) Хорнунга, взломщик-любитель, воспринимавшийся читателями как пародия на Шерлока Холмса (Хорнунг был женат на сестре Артура Конан Дойла). – Прим. пер.

сто бывает в случае преступных посягательств на чужую собственность), осознание существования жертвы ослабевает. Чтобы усвоенные нормы и ожидания реакций со стороны других выступали ориентирами для поведения, их необходимо каким-то образом активировать, и не исключено, что важную роль в определении того, будет ли запущен этот процесс, играет ослабленное осознание наличия жертвы.

Осуждение осуждающих. Четвертый прием нейтрализации внешне выглядит как осуждение осуждающих, или, в соответствии с формулировкой Ллойда Маккоркла и Ричарда Корна [McCorkle and Korn, 1954], отрицание отрицающих. Делинквентная личность перемещает фокус внимания с собственных девиантных действий на мотивы и поведение тех, кто осуждает совершаемые ею нарушения. В ее устах эти люди могут представлять лицемерами, замаскированными девиантными личностями или фигурами, которыми движет персональная неприязнь. Такая установка по отношению к миру конформности может иметь особое значение в тот момент, когда она перерастает в ожесточенный цинизм, направленный против тех, кто уполномочен обеспечивать соблюдение норм господствующего общества или выступать их выразителем. Полицейские тогда оказываются коррумпированными, глупыми и жестокими. Учителя всегда руководствуются фаворитизмом, а родители «срывают зло» на своих детях. Если слегка расширить эту логику, то вознаграждения, которые приносит конформность, такие как материальный успех, оказываются результатом связей или удачи – тем самым достоинство стоящих на стороне законопослушания принижается еще больше. Обоснованность этой пристрастной точки зрения не столь важна, как ее функция, заключающаяся в отражении или отклонении негативных санкций, которые связаны с нарушением норм. В результате в диалоге между собственными девиантными импульсами и реакциями окружающих делинквентная личность меняет тему и в нападках на других легче подавляет или не замечает неправомерность своего поведения.

Апелляция к вышестоящим лояльностям. Пятый, и последний, прием: внутренние и внешние механизмы социального контроля можно нейтрализовать, пожертвовав требованиями общества в целом в угоду требованиям отдельных социальных групп, к которым принадлежит делинквентная личность, таких как ближайшие родственники, банда или компания друзей. Важно отметить, что делинквентная личность необязательно отвергает императивы доминирующей нормативной системы, несмотря на свою неспособность их соблюдать. Напротив, делинквентная личность может воспринимать себя оказавшейся между двух огней, и разрешать эту дилемму придется, увы, ценой нарушения закона. Один из аспектов этой ситуации рассмотрен в рабо-

те Сэмюэла Стауффера и Джексона Тоби, которые исследовали конфликт между партикуляристскими и универсалистскими требованиями, притязаниями дружбы и общими социальными обязательствами. Полученные ими результаты свидетельствуют о «возможности классифицировать индивидов в соответствии с предрасположенностью выбирать ту или иную сторону положения между двух огней в ролевом конфликте» [Stouffer and Toby, 1951, p. 494]. Однако для наших целей наиболее важным моментом является то, что отклонение от определенных норм может происходить не потому, что они отрицаются, а из-за того, что на первое место ставятся другие нормы, считающиеся более жесткими или предполагающие более высокий уровень лояльности. Смысл нашим представлениям о ситуации между двух огней и ролевым конфликте действительно придает именно вера в обе группы норм.

Социологи, а также писатели, разумеется, давно рассматривают конфликт между притязаниями дружбы и требованиями закона (либо какую-то схожую ситуацию между двух огней) в качестве общечеловеческой проблемы. Если несовершеннолетняя делинквентная личность часто разрешает собственную подобную дилемму, настаивая на необходимости «всегда помогать дружбану» или «никогда не стучать на друга», – пусть даже это создает для нее серьезные проблемы с господствующим социальным порядком, – то ее выбор остается узнаваемым для заведомо законопослушных лиц. Нетипичная особенность делинквентной личности, возможно, заключается в степени, в которой она способна рассматривать свои действия от лица малых социальных групп, к которым она принадлежит, как оправдание нарушения норм, действующих в обществе. Но это вопрос именно степени, а не принципа.

«Я не собирался это делать». «Я никому по-настоящему не причинил вреда». «Они это заслужили». «Все ко мне придираются». «Я не для себя это сделал». Мы допускаем, что эти или похожие формулировки готовят несовершеннолетнего к делинквентным действиям. Но данные «определения ситуации» наносят лишь косвенные или скользкие удары по господствующей нормативной системе, а не создают идеологию противостояния ей – они выступают продолжением преобладающих в обществе паттернов мышления, а не являются чем-то, созданным *de novo*¹².

Приемы нейтрализации могут быть недостаточно мощными для того, чтобы полностью защищать индивида от силы его собственных усвоенных ценностей и реакций конформного окружения, ведь, как уже отмечалось, несовершеннолетние делинквентные личности, похоже, часто испытывают чувства вины и стыда, когда их призывают к ответу за девиантное поведение. А отдельные делинквентные личности могут быть настолько изолированы от мира конформности, что необходимость пускаться в ход

12. Заново (лат.).

приемы нейтрализации отсутствует. Тем не менее мы утверждаем, что приемы нейтрализации играют принципиальную роль в снижении эффективности механизмов социального контроля и скрыто присутствуют в значительной части случаев делинквентного поведения. Эмпирические исследования в данной сфере в настоящий момент разрозненны и фрагментарны, однако Фриц Редль [Redl and Wineman, 1956], Дональд Кресси [Cressey, 1951] и другие авторы в своих работах уже представили массив важных данных, которые во многом проясняют теоретическую проблематику и расширяют набор подтверждающих доказательств. На данном этапе представляются принципиально значимыми два направления исследований. Во-первых, нам требуется больше знаний о дифференцированном распределении приемов нейтрализации как функциональных паттернов мышления по критериям возраста, пола, социального класса, этнической группы и т.д. Априори можно предположить, что эти обособления девиантности с большей готовностью принимаются теми сегментами социума, для которых наиболее очевидно расхождение между общими социальными идеалами и социальной практикой. Однако присутствует и такая возможность: обыкновение если не «ломать», то «гнуть» господствующую нормативную систему распространяется на используемые нами упрощенные социальные категории и должно возводиться прежде всего к моделям социального взаимодействия в родственном кругу. Во-вторых, необходимо более общее понимание внутренней структуры приемов нейтрализации как системы убеждений и установок, а также ее соотношения с различными типами делинквентного поведения. Некоторые приемы нейтрализации явно лучше приспособлены к одним девиантным действиям, чем к другим, как, например, в упоминавшихся выше случаях преступлений против собственности и отрицания жертвы. Однако этот вопрос остается далеко не проясненным и по-прежнему требует дополнительной информации.

Так или иначе, приемы нейтрализации определенно являются перспективным направлением исследования, расширяющим и систематизирующим теоретическое понимание делинквентности несовершеннолетних. По мере появления новых сведений о приемах нейтрализации, их происхождении и последствиях мы сможем взглянуть в новом свете как на частную проблему делинквентности несовершеннолетних, так и на девиации в рамках нормативных систем в целом.

Перевод с английского Николая Проценко

Источники

Вебер, М. (1990). Основные социологические понятия. В *Избранные произведения* (с. 602–643). Москва: Прогресс.
 Оруэлл, Дж. (2016). Раффлз и мисс Блэндиш. В *Хорошие плохие книги* (с. 222–248). Москва: АСТ.

Cohen, A. K. (1955). *Delinquent boys*. Glencoe, IL: The Free Press.
 Cressey, D. R. (1953). *Other people's money*. Glencoe: The Free Press.
 Kobrin, S. (1951). The conflict of values in delinquency areas. *American Sociological Review*, 16, 653–661.
 McCorkle, L. W., & Korn, R. (1954). Re-socialization within walls. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 293, 88–98.
 Redl, F., & Wineman, D. (1956). *Children who hate*. Glencoe: The Free Press.
 Stouffer, S. A., & Toby, J. (1951). Role conflict and personality. In T. Parsons & E. A. Shils (Eds.), *Toward a general theory of action*. Cambridge: Harvard University Press.
 Sutherland, E. H. (1955). *Principles of criminology*. Chicago: Lippincott.
 Thrasher, F. M. (1947). *The gang*. Chicago: The University of Chicago Press.
 Williams, R., Jr. (1951). *American society*. New York: Knopf.

**TECHNIQUES OF NEUTRALIZATION:
A THEORY OF DELINQUENCY**

Gresham Sykes, American sociologist and criminologist (1922-2010).

David Matza, American sociologist (1930-2018).

This article presents a critical analysis of the dominant sociological theories of juvenile delinquency, particularly those centered on the concept of a delinquent subculture with values in direct opposition to mainstream society. The authors, Gresham Sykes and David Matza, challenge the notion that delinquents fully reject conventional social norms. They argue that if delinquents operated within a completely alternative moral framework, they would not experience guilt or shame, yet empirical evidence suggests they often do.

To resolve this paradox, the authors introduce the concept of "techniques of neutralization." These are a set of justifications and rationalizations that delinquents use to temporarily suspend their commitment to societal values, thereby allowing them to engage in deviant acts without fundamentally challenging their own moral compass. The article identifies and elaborates on five primary techniques: the denial of responsibility, the denial of injury, the denial of the victim, the condemnation of the condemners, and the appeal to higher loyalties. By learning these techniques, individuals can drift between conventional and

delinquent behavior. This theory provides a more nuanced understanding of the psychological mechanisms that enable delinquency, framing it not as a product of a separate value system, but as a temporary deviation from a shared one.

Keywords: juvenile delinquency; techniques of neutralization; deviant behavior; subculture; social norms; guilt and shame; rationalization

Citation: Sykes, G., & Matza, D. (2025). Techniques of Neutralization: A Theory of Delinquency. *Urban Studies and Practices*, 10(4), 121-128. <https://doi.org/10.17323/usp1042025121-128>

References

- Cohen, A.K. (1955). *Delinquent boys*. Glencoe, IL: The Free Press.
- Cressey, D.R. (1953). *Other people's money*. Glencoe: The Free Press.
- Kobrin, S. (1951). The conflict of values in delinquency areas. *American Sociological Review*, 16, 653-661.
- McCorkle, L.W., & Korn, R. (1954). Re-socialization within walls. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 293, 88-98.
- Orwell, G. (1946). *Dickens, Dali, and others*. New York: Reynal.
- Redl, F., & Wineman, D. (1956). *Children who hate*. Glencoe: The Free Press.
- Stouffer, S.A., & Toby, J. (1951). Role conflict and personality. In T. Parsons & E.A. Shils (Eds.), *Toward a general theory of action*.

Cambridge: Harvard University Press.

Sutherland, E.H. (1955). *Principles of criminology*. Chicago: Lippincott.

Thrasher, F.M. (1947). *The gang*. Chicago: The University of Chicago Press.

Weber, M. (1947). *The theory of social and economic organization*. New York: Oxford University Press.

Williams, R., Jr. (1951). *American society*. New York: Knopf.